

«АХИЛЛА». ЛЮДИ. РПЦ

Алексей Плужников, Ксения Волянская

Оглавление

Предисловие с.4

Глава 1. ПАРАДОКСЫ ПРАВОСЛАВИЯ

Алексей Плужников

СЦЕНИЧЕСКИЙ ДУЭТ МЫТАРЯ И ФАРИСЕЯ с.4

ПРОЩЕНОЕ ЛИЦЕДЕЙСТВО с.6

ДУХОВНЫЙ ЗАКОН НЕОСУЖДЕНИЯ с.7

Ксения Волянская

ПЛАЧ ПО ОДУВАНЧИКАМ с.10

ОСТАВЬТЕ ЛЮДЯМ ИХ РИТУАЛЫ с.12

Алексей Плужников

ХРИСТОС ВОСКРЕС. А ЗАЧЕМ? с.14

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ — В ЦЕРКВИ? с.18

Ксения Волянская

КОЕ-ЧТО О СТРАННОСТЯХ ПРОМЫСЛА с.27

«У ВАС НЕТ НИКАКОЙ ПРИЧИНЫ ТЕРПЕТЬ БОЛЬ» с.37

ПОЧЕМУ ХРИСТИАНЕ ИДУТ УБИВАТЬ? с.44

Алексей Плужников

БЛАГОДАТЬ ДУХА И ДЫШЛО КАНОНИЧЕСКОЕ с.52

ХРИСТОС И АВТОКЕФАЛИЯ с.55

Глава 2. ПРАВОСЛАВИЕ ЦЕМЕНТА

Алексей Плужников

СОБЛАЗН ЧЕЛОВЕКОЛЮБИЯ с.56

Ксения Волянская

БАОБАБ И ЗУБАСТАЯ ОВЕЧКА с.59

Алексей Плужников

ХРАМ НА ВОДЕ ИЛИ В ДУШЕ? с.62

Ксения Волянская

ПРАВОВЕРНАЯ НЕТЕРПИМОСТЬ с.66

Алексей Плужников

БЕГУЩИЕ ПО КРАЮ НУЖНИКА с.69

ВДУШЕБОГИ ПРОТИВ ДУХОВНОСТИ с.75

Ксения Волянская

А КТО КРЕСТИЛ «РАЗВГОДУШНИКОВ»? с.79

В ВАС БЕС, ЧИТАЙТЕ АВВУ ДОРОФЕЯ с.83

Алексей Плужников

РПЦ И «НОВАЯ ИСКРЕННОСТЬ» с.91

ПАСТЫРСКАЯ КОНТРАЦЕПЦИЯ с.93

ИЕРЕЙ ПЕРЕД АРХИЕРЕЕМ: ЛЮБОВЬ И ПРАВДА ИЛИ ПОСЛУШАНИЕ И САМООТВЕРЖЕННОСТЬ? с.97

БРАТЬ ИЛИ НЕ БРАТЬ? ДА НЕ ВОПРОС! с.106

Глава 3. «АНТИЦЕРКОВНЫЙ САЙТ» «АХИЛЛА»

Алексей Плужников

ПРАВЕДНОЕ СЕЛФИ НА ФОНЕ ДЕТЕЙ ДЬЯВОЛА с.107

ПЫЛИНКА АРХИЕРЕЙСКОГО ГРЕХА с.110

ОБИДА НА ЦЕРКОВЬ с.116

Ксения Волянская

ПОМОЙКА ПРОТИВ БАШЕН ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ с.120

Алексей Плужников

ПАРСУНЫ ВМЕСТО ЛИЦ с.123

SILENTIUM! с.124

ДУХОВНОЕ ЖЛОБСТВО с.127

Глава 4. РПЦ КАК ОНА ЕСТЬ

Алексей Плужников

ЕСЛИ БЫ Я БЫЛ ПИАРЩИКОМ РПЦ... с.128

КАК «АХИЛЛА» ЧАСТНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ НАРУШАЛ с.133
ЕСТЬ ДВЕ РПЦ, И НЕ НУЖНО ИХ ПУТАТЬ с.137
ОТЧЕТ О ЦЕРКОВНЫХ ФИНАНСАХ: КТО И ПЕРЕД КЕМ? с.140
МОНОПОЛИЯ НА СЛОВО ПАСТЫРЯ с.143
ВОЗМОЖНА ЛИ СЕГОДНЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РПЦ? с.147
ФИНАНСОВЫЕ ПОТОКИ В РПЦ ТЕКУТ ТОЛЬКО СНИЗУ ВВЕРХ с.151
ПАТРИАРХ КИРИЛЛ: ДУХОВНЫЙ ЛИДЕР ИЛИ ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕНЕДЖЕР с.155
КАК СТАТЬ ПОПОМ: НЕСТАНДАРТНЫЙ ПУТЬ с.159
У ПОПА БЫЛА ЖЕНА с.163
ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ ОБЫЧНОГО ПОПА с.167
ЛИЦЕМЕРИЕ — ГЛАВНАЯ ПРОБЛЕМА РПЦ с.171
СКАНДАЛ В ВАЛУЙСКОЙ ЕПАРХИИ КАК... ПРОЗА ЕПАРХИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ с.175
ТОРЖЕСТВО КОНСИСТОРИИ, ИЛИ КАК Я ПОБЫЛ ПРОРОКОМ с.179
ВЕРТИКАЛЬ ВЛАСТИ В РПЦ с.181
РЕФОРМИРУЕМ РПЦ: ОДНА ОБЩИНА — ОДИН ЕПИСКОП с.185

Глава 5. ПРАВОСЛАВНОЕ ЯЗЫЧЕСТВО

Алексей Плужников

НОВЫЙ ГОД И ПРАВОСЛАВНЫЕ с.191
НЕОТПЕТОЕ ЯЗЫЧЕСТВО с.194
ПРАВОСЛАВНАЯ ЗЕМЕЛЬКА ПРОТИВ ХРИСТА-БАПТИСТА с.196
ДЕНЬ СВЯТОГО ВОДОЛЕЯ с.204
КУЛИЧИ, МОГИЛКИ, ПАСХА с.207

Предисловие

Эта книга — сборник статей из рубрики «колонка редактора» создателей и редакторов портала «Ахилла» — независимого проекта о жизни РПЦ и вокруг нее — Алексея Плужникова и Ксении Волянской. Те мысли, истории, идеи, которые мы озвучили за полтора года существования нашего проекта. Эту книгу можно считать продолжением, или второй частью предыдущей книги — сборника текстов наших авторов — «Христос или Кронос? Церковь или Система?»

Глава 1. ПАРАДОКСЫ ПРАВОСЛАВИЯ

Алексей Плужников

СЦЕНИЧЕСКИЙ ДУЭТ МЫТАРЯ И ФАРИСЕЯ

В Церкви каждый день праздник. Есть сверхпочитаемые праздники (типа Николая Чудотворца или Казанской), есть уважаемые, есть проходные.

Но есть день, который, казалось бы, должен быть для реальной Церкви, точнее, для людей, составляющих земную Церковь, одним из самых важных. Но он таковым не является, а воспринимается просто как некий рубеж, от которого отсчитывают дни до начала поста, и говорят стандартные дежурные поучения.

День мытаря и фарисея — это не только и даже не столько день, в который в очередной раз, «братья и сестры, мы должны с вами уподобляться мытарю в его покаянии, а фарисею — в его добродетелях, и... бла-бла-бла».

Это день, в который каждый мог бы задать себе и окружающим православным — прихожанам, священниками, архиереям, патриарху — вопрос: а не играем ли мы? Не является ли наша духовная жизнь, епархиальная, общецерковная — спектаклем? Ведь мытарь и фарисей — это символы, главные роли, которые каждый на себя примеривает, когда приходит в Церковь.

Все знают, что надо считать евангельского фарисея нехорошим, потому что он гордо, чванливо молился и превозносился над мытарем. Но если посмотреть вокруг, посмотреть на историю Церкви, на ежедневную жизнь

каждого православного, каждого прихода, епархии — не есть ли это по большей части фарисейская игра?

Несмотря на уверения себя и окружающих в своем «мытарстве», почти все продолжают выполнять фарисейскую роль. Вся система патриархийно-епархиальной жизни, вся деятельность вовне и внутри, вся «миссия» — это ведь и есть чванливая поза: мы истинны, умны, прекрасны, добродетельны, спасительны, поэтому все вокруг должны нас слушаться, кланяться, целовать ручку и платить. Вы должны отдать ваших детей на обучение ОПК, ваших военных и ваши ракеты — под наше освящение, ваши умы и души — нашим проповедям о Русском мире и «несть власти, аще не от Бога». Мы и Бога в текст вставим — и Он на нас поработает.

Все те люди, которые с амвонов говорят о гордости фарисея и покаянии мытаря: вы видели когда-нибудь покаявшегося архиерея? Вы слышали когда-нибудь, чтобы патриарх попросил у кого-нибудь прощения? Чтобы вышел и сказал: «Простите, люди добрые! Одолевает меня грех властолюбия — обчитался я Макиавелли и прочих советов „разделяй и властвуй“! Бес меня попутал — ухожу я в дальнюю пустынь на покаяние до дней моих последних, а вы выберите себе честного и доброго, праведного и нелицемерного!»?

Видели ли настоятеля, который в прощенное воскресение вышел на амвон и, вместо поклонов и «согрешил — словом, делом, помышлением», сказал бы: «Простите меня, братия-отцы, — я нагло брал себе оклад в пять раз больше вашего — теперь я буду брать в пять раз меньше! Простите меня, клирос, преподаватели воскресной школы, бабушки-свечницы и сторож Вася — теперь я повышу вам зарплату, оформлю трудовые, оплачу отпуска, больничные и даже буду давать премию за уход в декрет!»?

Вряд ли видели, зато сто раз видели и слышали заученные до автоматизма покаянства, в которые нет ни грамма правды.

Роль мытарей часто приходится исполнять мирянам: нагрешив много за жизнь, человек приходит в храм, чувствуя искреннее желание раскаяться, бьет себя в грудь, плачет, проходит исповедь, получает отпущение грехов... И (вот незадача) перестает быть мытарем, а становится просто обычным прихожанином, со скучными грешками, с вычиткой правила, с еженедельным выстаиванием служб, с кружением в годовом цикле

праздничков и постов, с сексом по расписанию, с макаронами весной, с яйцами — на Пасху, с хоругвью — в крестном ходу, с бородой в лице и очередным маслицем из паломничества в красном углу.

Все размеренно, все привычно. Но приходит опять день мытаря и фарисея: надо вспомнить, что я мытарь, примерить скорбный вид, нагнать слезу в уголки глаз (о, как умело это делают женщины за 60! как опытно они подходят к исповедальному аналою, включают слезу, и в голосе, и в глазу, а отойдя от исповеди, уже через минуту с сухими глазами и суровым взором отчитывают кого-нибудь не так стоящего или не той рукой свечку протянувшего).

День игры. День начала репетиций постного вида, который надо будет носить на лице до Пасхи. Потом личина сменится на маску с «веселыми ногами» на пасхальный период, а потом — потом можно немного отдохнуть, и носить свое обычное лицо — скучного православного прихожанина, как у ослика Иа, которого поставили крутить вечный жернов духовной жизни...

Алексей Плужников

ПРОЩЕНОЕ ЛИЦЕДЕЙСТВО

«Вы поститесь для ссор и распрей и для того, чтобы дерзкою рукою бить других;

...Вот пост, который Я избрал: разреши оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенных отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо» (Исайя, 58:4,6).

Прощеное воскресенье — самый фальшивый, самый лицемерный день в богослужбном круге Русской Православной Церкви — день, когда совершается так называемый «чин прощения». В этот день с амвонов будут в очередной раз напоминать историю появления этого обычая: мол, когда монахи древних монастырей расходились поодиночке на Великий пост в пустыню, то они просили друг у друга прощения, потому что не знали, вернутся ли они к Пасхе обратно, не растерзают ли их лютые звери, не умрут ли они от пекла или укуса змеи, так и не успев примириться с братьями (вспомнят обязательно старца Зосиму из жития Марии Египетской).

И, рассказав об обычае, который имел реальный житейский смысл в реальных условиях, начнут благолепно читать молитвы, а потом вставать в храме друг перед другом на колени и произносить слова: «Простите меня, отцы, братия, чем согрешил...» и далее по тексту. Все поклонятся, нагонят слезинку в глаза, потом пойдут целовать иконы и крест, лобызать друг друга в плечи под умильные песнопения хора...

И это будет так трогательно, так покаянно, так величественно, ибо что может быть трогательнее, чем просить прощения у тех, перед кем не согрешил? И что может быть величественнее, чем совершать чин прощения перед теми, кого не только прощать не собираешься, но еще и намереваешься нагадить этому человеку через полчаса?

Когда я был священником, я ненавидел этот день. Я не мог понять, зачем все это делается. Если мы/вы как бы христиане, то зачем нам особый день для покаяния? Разве каждый день и каждый час не подходят для этого? Зачем «чин»? Ради благолепия, скреп и традиций? Зачем весь этот спектакль? Или это как в XIX веке: обычай говеть только на Страстной, исповедоваться и причащаться только в Великий Четверток — мол, был, сделал, подтвердил и справку получил?

В этот день с амвонов также скажут всем известные слова Иоанна Златоуста, который в свою очередь пересказывает пророка Исайю:

«Ошибается, конечно, тот, кто полагает пост лишь в воздержании от пищи. Нет, мы должны поститься постом приятным, угодным для Господа. Истинный пост есть удаление от зла, обуздание языка, отложение гнева, укрощение похотей, прекращение клеветы, лжи и клятвопреступления: оскудение всего этого и составляет истинный пост».

Важно покивают главами, возденут многозначительный перст, пожуют бороды, а старушки вздохнут покорно... А с утра следующего дня начнут вновь заниматься ковыряниями в составе печенек, поклонами и выстаиванием, выслушиванием и вычитыванием непонятных большинству длиннющих текстов Великого канона, натужливо изображая свое окаянство и в калу валяние, в промежутках между дреманием.

Алексей Плужников

ДУХОВНЫЙ ЗАКОН НЕОСУЖДЕНИЯ

— *Грешно вам осуждать служителей епархии!*

— *Я батюшка.*

— *Ой...*

Многие благочестивые верующие твердо знают: нет греха страшнее, чем осуждение «служителей епархии» — священников, не говоря уже об иерархах — о последних даже думать нельзя, не то чтобы осуждать.

При этом нередко предполагается (хотя не всегда вслух произносится), что нельзя осуждать только служителей, а вот простых мирян вполне можно, если заслужили. Нет, конечно, надо сначала скрестить пальцы: «не хочу осуждать, но...» — и дальше уже как бы и можно. Если и грех, то махонький, легко снимаемый на исповеди оптом: «нарушил пост в среду, смотрел телевизор, разговаривал после причастия, осуждал ближних». Это не «осуждал вас, батюшка, потому что вы купили мерседес, а в храме сквозняки из гнилых окон». Тут тебе грех похлеще хулы на Духа Святого, ибо хула на настоятеля не простится не только тебе в веке сем и в приходе этом, но и твоим правнукам.

Конечно, осуждение геев, сектантов, алкоголиков, вертихвосток в штанах, соседки тети Зины-ведьмы, зятя и Барака Обамы — это не осуждение, а праведный гнев, который вообще в добродетель засчитывается.

И да: когда запрещается осуждать священников, то порой подразумевается «нельзя осуждать правильных священников», тех, с которыми мы на одной волне. Нельзя осуждать батюшку Андрея Ткачева, нельзя осуждать батюшку Димитрия Смирнова — грех сие великий! А вот того батюшку-либералишку, батюшку — противника войны с Украиной, батюшку-экумениста, батюшку — несогласного со старицей матушкой Непростинией, — как бы и можно, ибо заслужил, поганец. А уж если батюшка твоей волны ругает батюшку-либералишку, то это и не осуждение вовсе, а благословение духовника, подвиг прямо-таки исповеднический.

Порой прихожане, правда, впадают в логический ступор: батюшка с амвона или в беседах, или в своих статьях осуждает (обвиняет, ругает, критикует, анализирует, размышляет — неважно, все равно осуждает) кого-нибудь из

священников. Что делать бедным прихожанам? Осуждать ли осуждающего батюшку? Ведь он плохо поступает, но его осуждать нельзя...

Куда как обиднее и ближе к сердцу, когда батюшка-настоятель осуждает (ругает, дальше по списку) прихожан. Например, некоторые мои прихожане во времена оны обижались, и говорили мне, что я «осуждаю» тех, кто приносил на канунный столик просроченные продукты. Причем говорил я это прихожанам, но не о них, а о тех «захожанах», которые таким отличались. Но прихожанам (некоторым) все равно казалось, что батюшка должен «любить» и все смиренно принимать, а Бог ему не позволит сдохнуть от отравления.

Ну и конечно, не каждый прихожанин рискнет подумать, что батюшка «осуждает», если харизма у батюшки близка к ткачевской или сминовской — тут переждать бы бомбежку да живым из храма выползти...

Как я уже сказал, про архиереев даже думать грешно, в любом контексте. Архиерей для прихожанина (если это только не привыкшие прихожане кафедрального собора) — это даже не человек, это таинственное существо, окутанное ореолом пышности, важности и благолепия, которое под гром колоколов, рык протодьякона и под ручки иподьяконов внезапно появляется посреди храма, на него надевают великолепные одеяния, и он потом величественно воздевает трикирий и дикирий и возглашает грозно: «Призри на виноград сей!»... И из всех сразу благоговейный сок выжимается, ибо практически Господь Саваоф в образе архиерея спустился с небес, чтобы почтить недостойных своим величием.

Раскрою страшную тайну, о которой многие благочестивые прихожане и не подозревают, ибо тут надо помыслить, а от помысла до осуждения — один шаг...

Больше всех служителей епархии осуждают... сами служители епархии. Пономари осуждают дьяконов, дьяконы — священников, младшие священники — настоятеля, настоятели — благочинного, и — страшно помыслить! — архиерея, который в очередной раз поднял епархиальный налог и количество товара, который надо выкупить с епархиального склада.

Конечно, в обратную сторону осуждения не бывает — это все знают. Начальник не осуждает подчиненного — он его наказывает, вразумляет и смиряет. Поэтому архиерей не осуждает священника, когда подписывает

указ о его снятии с настоятельства и отсылании в Муходрищенск по навету благочинного. И благочинный не осуждает того же настоятеля, когда нашептывает на ухо архиерею истории о придуманных грешках настоятеля, которого надо снять с прихода.

И настоятель не осуждает клир своего прихода, когда платит им гроши и гоняет в хвост и гриву. И даже бабуля — старшая по третьему подсвечнику слева от иконы Николая Чудотворца не осуждает девку в юбке-невидимке, когда вразумляет ее мокрой тряпкой по ногам.

Вот это главный духовный закон, который нужно всем желающим стать православными знать и помнить:

осуждать нельзя, когда ты стоишь хотя бы на ступеньку ниже в реальной или виртуальной иерархии. А когда ты стоишь на ступеньку выше, то ты уже не осуждаешь — ты всегда прав.

Поняв и приняв этот простой закон, сможешь легко и уютно жить и духовно поживать.

Ксения Волянская

ПЛАЧ ПО ОДУВАНЧИКАМ

Иди и гляди, и не откладывай.

На что глядеть в наших каменных джунглях в конце мая месяца, накануне мелко нарезанного вперемешку с весной и осенью уральского лета? Иди смотреть на золото в зеленом, чтоб насытить глаза твои. Ибо придут завтра и погубят его, перемелют с травой.

Будучи трезвенником, не соглашусь с псалмопевцем, сказавшим, что вино веселит сердце человека. Пусть кого-то веселит вино, но разве только оно? И пение птиц, и белизна яблонь в цвету, и первые стрижи, и золото одуванчиков в зеленой траве — все это веселит сердце горожанина после долгой тревожной зимы. Но радость наша кратковременна, как жизнь бабочки.

Наступает утро, когда мы просыпаемся от визга и треска электрокосилки. И идя на работу, наблюдаем уныло, как усердные гастарбайтеры в оранжевых жилетах выполняют приказ начальства — косить траву везде, кроме клумб,

под корень. И вот пустеют веселые лужайки под окнами хрущевок, во дворах, под заборами. Старушка, не выходящая по дряхлости из дому, не утешится больше, глядя в окно на радостные вспышки желтого, девочки не сплетут венки (вы еще помните, как мы плели венки, а как делали «принцесс» из стебельков?), а чистые душой инстаграмерши не выложат фотку #одуванчикивезде, #одуванчикиповсюду, #одуванчикивцвету и #одуванчикиии.

«Да что вы за человек, что за пургу вы несете про какие-то одуванчики, когда обыск у Серебренникова, когда в Чечне убивают геев, когда реновация в Москве, когда в полицию увезли мальчика, читающего вслух Шекспира, а в Челябинске детям хотят запретить праздник Холи?! До ваших ли тут дурацких одуванчиков, которые сегодня есть, а завтра посохнут и сдохнут, забот нет других? Постыдились бы!»

А знаете что? — Не постыжусь. И даже, если бы умела, написала петицию — руки прочь от одуванчиков! Потому что все это одна история, и это одни и те же люди, которые оккупировали наши города, уничтожают одуванчики, пилят березы, сосны и липы, лишая нас кислорода, разрушают памятники архитектуры для строительства элитных жилых коробок, строят, где им вздумается, аляповатые новоделы, отбирают у детей игровые площадки, запрещают нам смотреть и слушать то, что нам нравится, и ходить, куда душа зовет.

Ненавистны им лопухи, ромашки и одуванчики, растущие в неположенных местах, дерзко и нелегитимно, без разрешения и санкций, вне специально созданных площадок и клумб, нечто либеральное и чересчур вольнолюбивое видится им в этом — а вольнолюбие даже в мире растений нежелательно.

Вот только не надо про клещей. Клещи — это предлог. Как предлог «синие киты» для того, чтобы запретить детям интернет; злые террористы — чтобы прослушивать мобильные телефоны и взламывать мессенджеры, а мерзкие кощунники — предлог, чтобы запретить рассуждать о православии вне строго ограниченных рамок, разрешенных начальством.

Сызмальства приучаем мы детей — начальству виднее, когда и какая красота нам нужна или не нужна. Тот, кто привыкает каждый год смотреть на уничтожение красоты — пусть и всего лишь сорняков, не стоящих внимания

серьезных людей, — спустя годы будет равнодушен к разрушению старинных особняков.

Несколько лет назад Владислав Крапивин написал очередную повесть для подростков — «Переулочек Лихоманова».

Финал в этой книжке такой. Одного четвероклассника исключили из участия в военной игре — он не захотел стрелять из пневматической винтовки по мишеням в виде людей. Мальчик думал, что выстрел по нарисованному человеку может где-то вызвать чью-то реальную смерть.

С него сорвали бумажные погоны, и он ушел к друзьям, которые любили играть в переулочке, заросшем одуванчиками. А там пацаны встали шеренгой против косарей, которые пришли уничтожить под корень всю траву. Появилась полиция. Это с одной стороны. А с другой — учителя ближней школы, которые решили не давать в обиду ни своих детей, ни одуванчики.

Разгонять детей или увозить в участок не решились. Только лейтенант, который когда-то учился у старой учительницы, сказал ей с ухмылкой:

«— Там, на стадионе, одноклассники вашего Ромочки учатся быть защитниками страны, а он отсиживается за подолом любимой учительницы. Извините за прямоту. (...)

— Он поступает, как надо, Марочкин, — сказала Ольга Петровна. — Дети на стадионе еще только учатся защищать родину. А этот мальчик защищает ее уже сейчас. Когда не дает косить одуванчики».

Ксения Волянская

ОСТАВЬТЕ ЛЮДЯМ ИХ РИТУАЛЫ

Недавно прочитала у одного известного психолога о важности ритуалов для снятия напряжения — они же помогают справиться с ситуативной и экзистенциальной тревогой. О важности создавать такие ритуалы для себя и своих детей.

Вспомнила, как важно было для меня маленькой, чтобы при входе в лесопарк дедушка сказал, что за этим камнем — подарок мне от зайчика, и он там всегда был. Как нужно было, чтобы мама не просто поцеловала перед сном, а непременно вместе со мной приговаривала нами сочиненный

смешной стишок. Я уже не говорю о подарках под елкой в Новый год. А когда в школе все было плохо, и семейные ритуалы не помогали, я создавала свои: идя в школу, непременно переступала через тени от фонарей, например. Можете сказать, что это суеверие, но и ритуал тоже. А классе в 7-м ритуалом стали письма Холдену Колфилду, который один мог меня понять.

Взрослея, человек не расстаётся с ритуалами, они все равно помогают ему жить. Мы отличаемся друг от друга их количеством и вектором: у одних он мистический, у других материалистический. То есть один каждый вечер зажигает лампадку и читает правило, другой наливает 50 г бренди, садится в кресло-качалку с детективом и курит гаванскую сигару.

Я знаю много людей, включая себя, кому мистические ритуалы помогали или помогают жить в относительной гармонии с миром и психологической стабильности. Ты знаешь, что в субботу вечером и воскресенье утром – время идти в храм, что после пробуждения и перед сном – время молитв, что четыре раза в год мы постимся, а если на душе пасмурно и тяготно – время исповедаться и причаститься. Неважно, насколько просвещена наша вера в таинства и насколько правильно мы воспринимаем молитвы и богослужения, по-христиански ли, по-язычески ли. Нашей психике, по крайней мере, это не важно.

Без этих ритуалов у нас наступает ломка, панические атаки и просто метафизическая тошнота. Когда мы понимаем, что как-то отошли от мистических ритуалов, не нуждаемся в них больше – что это? Мы поднялись на сияющую духовную высоту? Нет. Мы стали так гармоничны и просветлены, что они нам не нужны? Тоже нет. Просто в нашей жизни случилось что-то, что показало нам – мы можем жить вне этих ритуалов, без них жизнь не рушится, а даже приобретает некие новые краски. Это как если бы мы долго висели над пропастью, держась из последних сил за ветку, а когда отвлеклись на пролетающую мимо бабочку и выпустили ветку – упали не в бездну, а на мягкую зеленую лужайку.

Мы можем заменить одни ритуалы другими, можем какое-то время обходиться без них, а потом найти новые или создать их сами. В ритуалах нет ничего плохого. Они помогают, поддерживают, спасают. Но те, кто отпустили ветку и гуляют по зеленой лужайке, начинают выкрикивать тем, кто за нее держится: «Отпусти, идиот, это не страшно! Смотри, какой я молодец и как мне хорошо! А ты отсталый, трусливый, в розовых очках! Дай-ка я сорву их с

тебя и покажу, как ненадежна, грязна и колюча твоя ветка, дай-ка сдерну тебя сюда, будешь такой же умный, как я!» Тогда хочется сказать: «Какого хрена? Ты, что ли, заменишь человеку то, что держит его над пропастью отчаянья? Ты избавишь его от психологической, а то и психической нестабильности, пустоты? Ты его будешь держать за руку, когда осколки разбитых розовых очков поранят его глаза, когда он больно ушибется на твоей зеленой лужайке? Ты его утетишь, утрешь слезы, покажешь свет в конце туннеля?»

Да попробовал бы кто-то лет 20 назад сказать мне, что РПЦ прогнила, мертва или погрязла в мирских пороках, мол, бегите отсюда и отрясите прах — да я бы плюнула тому в глаза! И была бы права. Потому что у каждого человека свои эпохи, свои неолиты и палеолиты, средневековья и ренессансы, время зажигать свечи и время их гасить, время носить розовые очки и время их снимать. Уберите свои руки от чужих розовых очков, чтобы ненароком не разбить вместе с иллюзиями чье-то сердце, оставьте платочковицам — их платочки и юбки в пол, паломникам — земельку и маслице, духовным овцам — их старцев. Вы счастливы и благополучны вне Церкви, из которой ушли? — Не шпыняйте тех, кто остался, они тоже счастливы и благополучны, и психически стабильны, просто вы — в разных периодах. Полюбите людей в розовых очках, позвольте им не читать «Кредо», Кураева и «Ахиллу», верить в святость иерархии и благодать патриарха, в целебность святой воды и пользу постов, не раньте их своим сарказмом — они ничем не хуже вас, обернитесь, они — это вы несколько лет назад.

Алексей Плужников

ХРИСТОС ВОСКРЕС. А ЗАЧЕМ?

Чем людей привлекает религия?

В частности, что русские люди в течение тысячи лет находили в православии? — Традицию. Ритуал.

Традиционные «скрепы» православия отлично вписались в государственное устройство Руси, вплоть до формулировки «Православие. Самодержавие. Народность». Православие поддерживало патриархальное устройство общества. Заповедь «чти отца и мать» распространялась не только на

родителей, но и на любого начальника, вплоть до царя: «Бога бойтесь, царя чтите».

Одно из важнейших понятий христианства — смирение — в изводе русского православия приняло форму покорности: родился крепостным — смирайся. Порют на конюшне — смирайся. Сгорели дети в кинотеатре — вздыхай и плачь, молись, но не смей спрашивать с барина: кто виноват. А если и дерзнешь спросить, то знай — виноваты вы сами, народ, по грехам вашим Бог посылает. (Немало православных «экспертов», священников уже заявили, что беда в «Зимней вишне» произошла потому, что это был Великий пост и воскресенье, и погибли грешники, которые вместо аскетизма и посещения храма посмели развлекаться и заниматься шопингом.) Отныне больше смирайтесь, ниже кланяйтесь, надейтесь на барина и царя — глядишь, помилует Господь.

Традиция каждому отводит свое место — и это удобно, это успокаивает. Не нужно искать новых путей, не нужно думать, нет смысла стремиться изменять себя и мир вокруг. Традиция учит: Бог на небе, царь на троне, барин в хоромах, батюшка в храме, крестьянин в поле, холоп на конюшне. Здесь пострадаешь — зато на небе будет тебе награда. Там ты, наконец, сможешь расслабиться и лежать на перине, кушать калачи и воспевать беззаботно акафисты — хвалебные песни, тренькая на балалайке.

Ритуал также имеет в религиозной жизни огромное значение. Цикличность церковного ритуала повторяет цикличность смены сезонов, повторяемость воспринимается как преддверие вечности.

Годовой круг богослужения и праздников в российском православии уже много столетий практически неизменен (лишь добавляются новые праздники, дни памяти святых, чудотворных икон и т.п.). Четыре поста в год, постные среда и пятница; воскресные дни, двенадцать главных праздников повторяются из года в год. И, конечно же, центральное событие года: Великий пост, завершающийся главным праздником — Пасхой, Воскресением Христовым.

На Руси к Великому посту относились очень серьезно. Князи, а потом цари откладывали казни и прочие государственные дела, начинали говеть — усиленно соблюдать диету, — шли на богомолье «к Троице», в Троице-Сергиеву лавру. Там они исповедовались в грехах (обычно на Страстной

неделе), причащались, встречали Пасху, разговлялись яичком и куличиком и возвращались с чувством выполненного долга и свежими силами к государственными делам и казням.

Примерно также, но в упрощенном варианте, жило все остальное население страны. Весь год жили православно, хоть и грешно, но пост старались соблюдать крепко, считая тяжелейшим грехом нарушить его. В рассказе Чехова «Убийство», например, один брат убил другого за то, что тот посмел употребить растительное масло в неположенный день...

А на Страстной неделе толпы православных осаждали монастыри и храмы, калялись в грехах, причащались в Великий Четверг (день Тайной Вечери, когда и Христос причащал Своих учеников), вечером, накануне Великой Пятницы стояли со свечками и слушали Страстные Евангелия, несли огонек домой и чертили копотью кресты на притолоках, «от нечистой силы». На следующий день приходили к выносу Плащаницы (иконы с телом Христа, снятого с Креста). Параллельно наводили дома порядок, срочно красили яйца и пекли куличи, в субботу их освящали, затем радостно встречали пасхальную заутреню и шли пьянствовать всю Светлую седмицу.

По воспоминаниям очевидцев, повальное послепасхальное пьянство было одним из главнейших ритуалов и важнейшей традицией русского народа. *«Как известно, на пасхе и долго после пасхи духовенство обходит весь приход с иконами. Мой отец никогда не позволял мне провожать его в этом случае, но в Горном Щите я с детьми о. Вениамина отправился по приходу с иконами. То, что пришлось мне увидеть, привело меня почти в отчаяние. Почти все село, за редкими исключениями, поголовно было пьяно. Эти красные, пьяные лица, воспаленные глаза, пьяное, бессвязное бормотанье, когда духовенство переходило из одной избы в другую, оставили во мне тяжелое чувство...»* (Д. Мамин-Сибиряк «Отрезанный ломоть»)

И государство всячески поддерживало православие на Руси, понимая «стратегическое значение» и традиций, и ритуалов, и пьянства, которое приносило огромную пользу казне благочестивейшего царя-батюшки. А если кто не хотел соблюдать благочестие, то того плеточкой загоняли в ограду церковную. В частности, многим нужно было приносить справочку о том, что ты был «у исповеди и причастия», иначе твоя благонадежность ставилась под большой вопрос, и могла вызвать серьезные проблемы в жизни.

Правда, сто лет назад казалось, что вся система православных скреп, традиций и ритуалов рухнула, сменившись атеизмом и коммунизмом. Но советская власть многое переняла у православия в плане традиций и ритуалов, переделав их на свой лад. А в последние тридцать лет духовность и православие у нас шагают большими шагами по стране под бдительным и благожелательным надзором государства, вновь переплетая всю нашу жизнь государственно-церковными законами (например, об оскорблении чувств верующих) и внедрением в школах «Закона Божьего» под видом «Основ православной культуры». Так, совсем недавно питерский митрополит Варсонофий предложил идею, чтобы семинаристы могли проходить в общеобразовательных школах практику, совершенствуя (цитирую) «проповеднический навык». И, видимо, вновь не за горами то время, когда «Закон Божий» станет в школах обязательным, а вести его будут бородатые дяденьки в черных облачениях. Может, и розги вернут за невыученные заповеди.

Но несмотря на традиции и ритуалы привычного, народного православия у некоторых людей все равно остаются вопросы. И эти вопросы задаются уже две тысячи лет.

Зачем на землю приходил Христос? Еще можно понять, если бы Он был просто учитель, пророк, который пришел, чтобы научить людей новым заповедям — тем самым, которые Он дал в Нагорной проповеди («блаженны кроткие, нищие духом, чистые сердцем, жаждущие правды, миротворцы...»). Но Бог, который вдруг решил стать Человеком ради спасения людей, добровольно пошел на Крест, умер и воскрес — так и остается непонятым до сих пор.

Каким образом Его смерть и воскресение нас спасло? От чего спасло? От греха, который якобы совершили тысячелетия назад некие прародители — Адам и Ева? От смерти? После Его воскресения смерти не стало ни на грамм меньше — один только XX век забирал жизни десятками миллионов в течение двух мировых войн. Или Он избавил от смерти горящих детей в «Зимней вишне», когда они больше всего нуждались в Его помощи?..

Если Он спас людей для вечной жизни в Своем Небесном царстве, так разве ради этого нужно было приходить на землю? Вполне достаточно было бы

оставить людям прежнюю, ветхозаветную религию строгого Бога-Яхве, велел вести себя послушно и благочестиво, пообещав за это райские плюшки.

Да, богословы и святые отцы могут все-все «объяснить», привести множество цитат, указать на необходимость верить догматам, принятым на авторитетном и древнем Вселенском соборе, да еще и не на одном, а на семи.

Может быть. И вот две тысячи лет люди верят тому, во что им велено верить. Соблюдают традиции и ритуалы, посты и праздники, ходят на службу и к исповеди с причастием, слушают проповеди и водят детей в воскресную школу.

Что изменил в нас факт, что Христос воскрес? Мы не знаем. Но почему-то мы вновь будем радоваться и ощущать нечто щемящее в сердце, когда под колокольный звон в полночь вновь запоют пронзительно: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав!»

Опубликовано в газете «Московский комсомолец» №27655 от 6 апреля 2018

Алексей Плужников

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ — В ЦЕРКВИ?

Введение

Мы уже больше года на «Ахилле» публикуем истории людей, которые, придя в храм с искренним желанием верить и жить по вере, в итоге надрываются из-за ложно понимаемого «духовного подвига», из-за «духовников» и их способа «вести» своих «чад», и с разочарованием уходят из храма совсем или берут длительный тайм-аут. И часто в ответ на такие истории авторы слышат реплику: ну, вы же сами виноваты, а не церковь — это просто у вас не было критического мышления, думать ведь надо было своей головой!

Уже не раз говорилось, что подобные комментарии очень напоминают реплики в адрес изнасилованных: мол, думать надо было головой — не ходить в мини-юбке через пустыри и по ночам, не надо соблазнять насильника — самадуравиновата. Правда, тут слегка смешивают насильника с духовником, а заброшенный пустырь — с «духовным оазисом», храмом.

Но я немного о другом хочу сказать. Я сам больше десяти лет, будучи священником, недоумевал: ну почему люди, которые часто имеют по два-три высших образования, приходя в храм, превращаются в тормознутые валенки, которые только испуганно таращатся и мямлят: «Нуу, нас в детстве не учили... Я не знаю, что и как... Это все сложно, откуда мне о вере узнать-то?..» И я таковым бодро и с ехидцей отвечал: «А вы как высшее образование, профессию получили? Ведь учились годами, книжки читали? Вот и в церкви так надо!»

Ну да. Так я говорил долго, пока меня самого не одолели сомнения, тем более, что моим любимым развлечением в православные годы было изучение той литературы, которая продается в церковных лавках и лежит в церковных библиотеках. Мало того, я несколько лет был цензором епархиального склада духовной литературы — именно благодаря этой должности я и написал основную часть своих критических статей о псевдоправославных книгах.

Примем за основу, что большинство современных неофитов не имеют возможности получать правильный духовный опыт непосредственно в семье или от духовно опытных людей. Большинство все же опирается или на личный опыт в храме, или на книги (в последние несколько лет ситуация слегка изменилась в плане возможностей — все же интернет намного шире церковной библиотеки при храме, но далеко не все умеют находить полезное и в мировой паутине). Давайте чуть подробнее рассмотрим проблему «критическое мышление и духовные книги».

В церковной библиотеке

Я человек книги. С самого раннего детства я глотал книги тоннами, перетаскал домой все окрестные библиотеки. И учиться в вуз я пошел с таким настроем, чтобы чтение книг было в моей профессии основой — поступил на истфак. Правда, потом передумал и перешел на другой, не менее «книжный» факультет — философский.

Когда в 1998 году я поверил в Бога, у меня практически не было сомнений, какую конфессию выбирать — ведь я, еще атеистом, был воспитан на Достоевском, Лескове, Чехове, прочих русских классиках, всласть загрузился Бердяевым, Лосским, Розановым, Сергеем Булгаковым... Книги привели меня в православие.

Но когда я заглянул в реальное, приходское православие, то увидел, что тут никому не нужны ни русские классики, ни философы русского религиозного возрождения — не они учат молиться, поститься, правильно исповедоваться, в общем — вести духовную жизнь. Поэтому они были отодвинуты в сторону, и я стал копаться в поисках истины в приходской библиотеке при ближайшем храме.

И тут мне с одной стороны повезло, а с другой — наоборот. В ближайшем храме (Параскевы Пятницы г. Волгограда) я застал на короткое время его знаменитого настоятеля — протоиерея Николая Агафонова, прославленного графомана, пардон, великого православного писателя, номинанта всевозможных патриарших премий, звезду духовного пера, etc.

Так вот, любовь отца Николая к изящной словесности выразилась в том, что при храме была собрана одна из лучших церковных библиотек города (напомню, это самый конец девяностых). Там были и старинные богослужебные книги, и книги по церковному уставу, и исторические труды (великий Василий Болотов с его лекциями) и какая-то зарубежная церковная литература, брошюры начала девяностых — все это я с увлечением изучал. Но, разумеется, там было полно и того мусора, которым был забит церковный рынок в конце девяностых — начале двухтысячных: книжонки про борьбу с ИНН, штрихкодами и паспортами, завывания про грядущий апокалипсис и масонов, «Протоколы сионских мудрецов» и православно-фашистские листовки, все было завалено Нилусом, Воробьевским и подобными товарищами, бесконечные жития — от Димитрия Ростовского и первых томов «Новомучеников и исповедников Российских» иг. Дамаскина (Орловского) до житий «Славика» и прочих выдуманных «святых» и «старчиков».

Мне было тогда чуть за двадцать, критического мышления у меня было полные карманы, вот только я еще не знал: что надо критиковать и чему доверять. В университете я критиковал своего декана, там все было понятно, нахальных безбожных философов надо было разбить в пух и прах. А в церкви? Где написана правда: у Нилуса? Ведь он жил сто лет назад, при монастыре, при старцах — неужели он мог ошибаться?! Ну ладно еще — современный бред и ненавистнические брошюры — их я мог интуитивно считать мерзостью, но множество другой литературы? Как мне было определить, чем отличаются Славик Чебаркульский и Иоанн Кронштадтский,

какой камушек с могилки нужно жевать, а какой сухарик — рассасывать? Где верный путь: по Богородичной канавке или по тайным тропам в тайном скиту схиархистарца Ниспровергилия? Как узнать: правда ли написана в «Отце Арсени» или это вообще художественная выдумка? По какой схеме к исповеди готовиться: по книжечке Иоанна (Крестьянкина) или по «Тысяча и один неисповеданный грех, ведущий в ад и гибель»?

За советом к батюшке

Критериев у меня еще не было, и я поступил, как поступают большинство неофитов — пошел за советами к отцам духовным, попам. Но тут я жестоко обломился — я не встретил практически никого, кто мог бы меня вразумить. Большинство отцов никогда и не пробовали читать те книги, которые меня волновали, или задумываться о богословски правильных путях, ведущих в царство небесное. Да и чего им пробовать и задумываться, если батя был бывший прапорщик, милиционер, слесарь или колхозник? Он выучил 50-й псалом, научился с грехом пополам читать по-церковнопоповски Служебник и Требник, отрастил бороду и аналой под золотой крест и был вполне доволен собой — главное, говори басом, смотри строго, хмурь брови, и дыму из кадила пускай побольше — вот и весь секрет. А, еще благословляй размашисто и прихлопывая сверху по макушке для вбивания благодати в самую ижицу.

Провинциальные попы в массе своей в те годы не имели даже минимального духовного образования, были не способны что-либо объяснить, всячески старались уйти от темы, вернуться к удобному и простому: вот свечку поставь святому Николаю, закажи молебен и «приходи на исповедь с причастием, только накануне попостись, вычитай правило ко причастию, с полуночи не есть, не пить, не курить и с бабой ни-ни!»

А книжки читать — это от лукавого, голову забивать только.

Так мне и отвечали: «Ой, Леш, да плюнь ты на книжки! Лучше вот пойдешь подсвечник помощи почистить!» Или, если все же батя брал сомнительную книгу в руки, то он вертел ее в руках, скрипел ржавыми шарнирами под камилавкой, а потом облегченно изрекал: «Ну, раз она в библиотеке у нас лежит — то можно читать! Главное — чтоб благословение там стояло, во!»

По благословию

Серьезный аргумент. С тех пор я стал проверять — есть ли на книге архиерейское благословение. Таким способом я отсекал приличное количество барахла, издаваемого левым способом. Правда, позже, уже будучи попом, я выяснил, что благословение архиерея на книжке не значит ровным счетом ничего. Например, кто-то приходит по знакомству к епископу и просит того «благословить на доброе дело — полезную книжку издать». То машет дланью: блаславляю! Все, дело в шляпе.

Или просто книжку просматривал (если просматривал) «ответственный товарищ» при епархии — секретарь, семинарист какой или вообще тетенька-бухгалтерша, совмещающая пять должностей. Разумеется, редко кто из них мог трезво проанализировать книгу, архиерею докладывалось на авось, что все в порядке — готово, благословение получено.

Но бывало еще проще: благословение просто нагло лепилось на книгу — там же нет голограммы какой или личной подписи. Или как совсем уж наглые, типа знаменитой питерской попадьи Лидии Емельяновой, которая распространяла бредни про Славика Чебаркульского, «старца Самуила с Богом» и «старца Алексия Пензенского» — ей, видите ли, приснился покойный митрополит Иоанн (Снычев), и она ничтоже сумняшеся посчитала это «благословением», и прилепила «благословение» на книгу.

Со временем, уже после 2010 года, чехарду с архиерейскими благословениями прервал Издательский совет Патриархии — теперь только он стал выдавать разрешения на распространение книг внутри РПЦ, попутно еще и хорошо зарабатывая на этом. А еще отсекая те тексты, в которых автор смеет критиковать порядки внутри РПЦ... Но даже и после этого найти в церковной лавке — хоть той же Троице-Сергиевой лавры — книгу без разрешения Издатсовета было легко.

Это только один маленький пунктик, связанный с критерием отбора духовной литературы.

В церковной лавке

Но это все внешние признаки, а кто объяснит суть написанного, кто поможет отделить дурь от истины, полезное от вредного, аксиомы от гипотез, духовное «молочко» от душистого шашлыка? Напомню, я все-таки был гуманитарий, студент-философ, потом — учитель истории и обществознания,

какой-то базовый уровень у меня был, а если на моем месте технарь или вообще человек без высшего образования?

Поэтому, когда батюшка ничего не объясняет, человек идет в церковную лавку, где ему все объяснит и научит всему тетушка-свечница, которая с заговорщицким видом вынет из-под прилавка книжку про суперпупермегастарца, которую ей дали почитать на три дня «чада» того старца, и всучит тебе ее, трижды плюнув через левое плечо.

Кстати, о церковных лавках. Для неопита все, что продается в церковной лавке, в частности книжной, — правильно, спасительно, «церковно» и благословлено по определению, это аксиома. Неопит с порога выучивает две аксиомы:

- В церкви все грешники, но эти «все» — это вот такие, как ты, шакал паршивый. А грешник (то есть ты) должен смиряться, послушаться, вразумляться, благословляться, делать что положено и куда покладено, а критическое мышление и вообще наличие своей головы — греховно, преступно, это гордыня. «Мнение — второе падение», как святые отцы глаголют.
- Церковь свята, а значит свята РПЦ (МП), а значит — свят каждый храм, а значит — свята и непорочна каждая церковная лавка, там не только мнение батюшки, матушки, свечницы и звонаря святы, там каждый парафиновый огарок и пробка от «32»-го кагора святы, а уж тем более там святы и истинны все книги, потому что они — церковные.

Когда я повзрослел, поумнел, стал попом и начал сам критиковать псевдодуховную литературу, то на мою критику люди отвечали мне непрошибаемым аргументом: «Мы эту книжку в церковной лавке купили! Неужели в церкви может что-то вредное продаваться?!» Мне стоило больших трудов, многих лет работы с прихожанами, чтобы убедить хотя бы некоторых относиться с разумной осторожностью к книгам, купленным в церковной лавке. Потому что в церковную лавку эти книги попадают прямиком с епархиального склада.

Цензор и епархиальный склад

После некоторых моих критических статей в епархиальной газете митрополит назначил меня цензором склада духовной литературы при епархии, как раз тогда был громкий скандал с распространением культа

«отрока Вячеслава» (это были 2007-2008 гг.). (Потом журналисты часто путали, называя меня епархиальным цензором, каковым я не был.)

Приобретение книг на, думаю, большинстве епскладов устроено так (с некоторыми вариациями). Есть люди при православных издательствах или просто бизнесмены, которые зарабатывают, развозя церковный товар по епархиям, включая книги. В епархию приезжает фура, дяденьки приносят на склад несколько ящиков с книгами, мол, выбирайте.

На складе сидит немолодая тетенька, которая в православии разбирается на уровне стандартной приходской тетушки, то есть почти никак. Но она знает, что народ любит книжки про Матронушку и святые исцеления, про охренительных старчиков и офигительные чудеса — такие книги берутся пачками, а значит — в епархию течет доход, а значит — тетушка молодец и получит очередную архиерейскую грамоту к Пасхе.

Но тут является проклятый цензор, который лезет в коробку с книгами и начинает через одну отшвыривать в мусор: «Так, это не брать, это ересь, это суеверие, это вранье, это чушь, а это bullshit полный!» В общем, тать в ночи и разорение бюджета. В итоге, после нескольких мучений с цензором тетушка перестает звать его (меня), когда приезжает фура.

Тогда цензор приходит на склад уже после, выуживает bullshit с полки и рычит: «Вы зачем это взяли, я говорил вам, что это душевредная хрень?!» А тетушка, подбоченившись, отвечает смело: «А мы уже купили, деньги уплочены, и я должна их отбить — иначе меня бухгалтерия загрызет, ни их, ни владыку не интересует ваш бульшит!»

Вот и все. А потом попы приезжают и берут все это к себе в церковные лавки — не рассуждая, не проверяя, не читая — ведь это ж на самом епскладе взято!

Радовало меня только одно: с каждым годом интерес к чтению семимильными шагами угасал — ни попы, ни народ читать не хотели. Только вшивые интеллигенты и упоротые фанатики разных мастей тянулись к свету истины — каждый к своей свечке.

По святым отцам

Кстати, насчет упоротых. Рано или поздно слегка продвинутый по тюбику духовной жизни неофит узнает великую истину: жить-то надо не по советам

батюшки Неафония, который сам жену пользуется и смартфоном не брезгует, и не по всяким там новомодным, панимаш, теологам, которые ни Иисусовой молитвы не нюхали, ни вериг не грызли, ни светом нетварным пещеру свою не освещали. Жить надо по святым отцам! Чтобы значит консенсус патрум и все такое, ясно и понятно описанное в Номоканоне, Типиконе и Полном Собрании Сочинений Всехсвятых Вселенских и Поместных Соборов.

Как-то на епархиальном собрании в нашей епархии встал один деревенский попик и изрек громогласно: «Ну, я вот всех святых отцов прочитал!..» В зале заржали. Не все, правда.

Короче, отцы. Приходит снова неофит в церковную лавку или библиотеку: «Ээээ, а где тут у вас святой отец какой-нибудь? Ага, 30 томов Православной Энциклопедии под редакцией святейшего... Не, эт не то, энциклопедии для малышей, мне первоисточник давай. О, нашел! — смотрит на 12 пыльных, залежавшихся, огромных, блиин, томов Иоанна Златоустого, уж точно и наверняка во святых отца нашего, недаром литургию в его честь назвали. — Итак, что ж — прям вот с первого тома и по двенадцатый начинать?.. Я ж так за три года не управлюсь... Так, ага (листает): ведь Иоанн — святой-то лишь четвертого века! А до него отцы были?.. Пошел искать список...

Так, отцы... У этого творения еще не изданы, у этого — только на греческом... У этого на латыни... еретик, небось, ну его. Ага, у этого... а этого с 1912 года не переиздавали, попробуй найди теперь томик... Зато вот этот есть в библиотеке! И Григория Нисского нашел! В лавке монастырской. Полторы тысячи томик, ееее...»

Прошло три года.

«Тааак, отец такой-то писал об энергиях вот то-то, а другой отец ему напротив возражал, мол, тот ересь гонит... А вот в учебнике по догматике написано, что это все возникло из-за неверного толкования термина сирийского богословия, взятого из арамейского языка, который греческий богослов ошибочно перевел на латынь... И говоря об перихорезисе в свете тринитарного воипостазирования...»

Прошло еще два года. Бывший неофит открывает три сайта:

«Антимодернизм в Москве», «Апостасия в РПЦ» и «Язва екуменизма в Православии», постоянно путаясь, куда какую обличительную статейку запостить. Чтоб не путаться — постит сразу везде. Разумеется, на каждом

сайте висит Черный Список Отступников от Православия, Еретиков-Либерастов, Шмеманистов-Ахиллят и «Протоколы Пятого Сионского Отделения Полиции», куда борца за веру регулярно доставляют после очередного дебоша по поводу оскорбления его верующих чувств.

Не найдя полной истины и консенсуса нигде, бывший неофит, а ныне последний ревнитель православия в итоге перестает искать, под чей омофор перейти, и обращается напрямую к Святому Духу, принимает Небесное рукоположение и основывает Наисвятейшую Церковь Православной Истины (НаЦеПИ), в которой становится истиноеархом, параекклисиархом и лаиком в одном истомленном лице.

Заключение

Вернусь к себе молодому, двадцатилетней давности. В то время, когда попы не могли мне объяснить, какие книжки добрые, а какие вредные, я накушался всякого: верил Нилусу и разным старчикам, поддерживал оголтелых борцов с «либерализмом», «экуменизмом» и прочими предателями, считал католиков смертельными врагами православия и даже выступал на религиозно-научной конференции с материалом, воспевающим твердую руку власти на пульсе религиозной жизни государства на примере «Основных законов Российской Империи» (дада, утритесь).

Но в то же время я благодарен судьбе, что параллельно мне попались в руки книжки, которые открыли мне христианство совершенно с другой стороны: синенькая книжечка в мягком переплете «О вере и церкви» митрополита Антония Сурожского, книги Андрея Кураева, «Записи» отца Александра Ельчанинова, а потом я познакомился со Шмеманом... Параллельно были Честертон, Льюис, другие светлые умы. Огромную пользу мне принесли Василий Болотов и Антон Карташев — они рассказали, что, оказывается, в церкви бывали времена и похлеще, чем сейчас, так что ничего особо нового нет. Ну, кроме того, что сейчас церковь в России как бы свободна.

Но процесс исцеления и умения отделять зерна от плевел, апокалипсоидов от человек шел постепенно. Дурь я научился определять, а вот жить по заветам светлых людей — не научился до сих пор.

Поэтому я очень хорошо понимаю и не осуждаю людей, которые с горечью говорят, что церковь нанесла им непоправимый вред. Просто каждый со своей стороны вкладывает в понятие «церковь» свои смыслы.

Новоначальный христианин ищет в «церкви» светлое, чистое, доброе, возвышенное и истинное — именно за этим он сюда пришел. Не только за красивыми словами, написанными в бесчисленных святоотеческих книжках, но в первую очередь за «отблеском вечности на чьем-то лице» — ему сказали, что такой отблеск можно увидеть только в церкви. Но когда он сталкивается с духовной дурью, враньем, злобой, корыстью, подлостью, стукачеством, пастырями-волками, братьями-шакалами и сестрами-ехиднами — ему говорят: «церковь» свята и непорочна, а это просто вам надо было критическое мышление включать, ведь «церковь» состоит из грешников, поэтому самдурак. Вот только когда человек-грешник уходит из такой «церкви», из приходской жизни, где об его душу вытерли ноги — ему вслед свистят и улюлюкают оставшиеся праведники: ах ты, паршивец, ушел из «церкви» святой, ушел от Бога! Значит веры в тебе не было никогда, Христа ты в «церкви» не встретил — фууууу, нет тебе спасения!

Когда человека упрекают за отсутствие критического мышления в церкви, то порой ему тем самым хотят сказать: да, церковь — это минное поле, а спасение — на дальней стороне. Действуй «критично», по интуиции. Мы тут покурим ладану в сторонке, а ты беги зигзагами, старайся на мины не наступууп... Упс.

Ну, самдураквиноват. Была бы вера — добежал бы.

Ксения Волянская

КОЕ-ЧТО О СТРАННОСТЯХ ПРОМЫСЛА

Монолог первый

Загадочная штука — Промысл Божий. Не знаю, мне кажется, что наверху очень потешаются, глядя на нас, как мы тут все это понимаем. Молимся, сами не понимая, чего хотим.

Вот у меня был муж. Не скажу, что он был какой-то монстр, бывают хуже. Но при всем том боялась я его ужасно. Что-то там было с психикой не совсем в порядке, настроение могло резко поменяться за пару минут, и заботливый, добродушный человек раз — и превращался в орущего злобного типа. А если выпьет — так вообще туши свет.

Ну вот чтоб было понятно. Как-то сестра моя двоюродная сильно заболела, приступ какой-то, то ли почечные колики, то ли что-то по женской части, но звонит она мне и просит приехать. Скорую боится вызывать, таблетки не помогают, а я умею уколы ставить. Мужа дома нет, он после работы редко приходил сразу, зависал с друзьями-приятелями. А я дома со старшим. Уже вечер, но куда деваться, собрала все, шприцы, баралгин, Олежку одела, вызвала такси, поехали. Из такси Стасу, мужу, звоню, говорю, что так и так, к Ирке поехала помочь, и наверно, ночевать там будем, куда на ночь-то глядя. Он веселый, музыка на заднем плане: «Дада, — говорит, — конечно, давай, разбирайся там». Приехали, укол Ирке сделала, вроде полегче ей стало, пока Олежку выкупала, перекусили, пока его уложила, времени часа два. Я даже не знаю – вернулся он, нет, или все еще тусит.

Задремала, около трех – звонок. Голос такой пьяно-саркастический: «я не понял, ты где?» Я растерялась, говорю: я ж тебе звонила, сказала, что к Ирке еду, с Олежкой. Начинает пьяную разборку: «а что там столько времени делать, я не понял?!» — и по голосу я понимаю, что он не верит, что я у сестры. Ну, кое-как вроде успокоила его, нескоро, но заснула. И только провалилась в сон, опять звонит: «говори мне адрес, я за вами приеду сейчас». Я отговариваю, говорю, Олежка спит, зачем его будить, Ирка только заснула после приступа, у меня и ключа нет, чтоб дверь закрыть потом, не поднимать же ее. Ничего не слушает. В конце концов, я сказала: все, иди спи, до завтра, телефон выключила. Дом он помнил, мы в гостях были как-то, а квартиру вряд ли, думаю, ничего, не поедет же ночью искать.

Так через час слышу шум на лестничной клетке, крики. Голос Стаса вроде слышался, бегу к дверям, а он уже колотит ногами. Оказалось, соседей перебудил, чтоб сказали, где Ира живет. Ирку напугал, Олежка проснулся, он в комнату Иркину ввалился расхристаный, под стол заглядывал, любовника моего искал, орал на меня матом. Олежка заикался потом. Ну, это отдельная история, от заикания его Божья Матерь исцелила, мы с ним к Чимеевской ходили. Но про мужа это одна только иллюстрация, как мы жили примерно.

А потом, это уж Олежка большой был, подросток, у меня любовь пришла. Но муж-то почувствовал, что ли, заботливый такой стал, в кино стал водить, даже в ресторан разок. Я уже решила разводиться, я и до своего романа знала, что надо, давно знала, просто все решиться не могла, а тут такой толчок. Я понятия не имела, как там с любимым сложится, у него с

гражданской женой какие-то незавершенные тоже отношения, но про себя уже поняла, что хочу быть одна, и что справлюсь. Особенно после того, как Олежка мне как-то сказал: почему ты с ним не разведешься? Тут я окончательно поняла...

И вот помню: зима, парк, через который я на работу хожу, утро раннее, сумерки еще. А я иду и думаю про все эти свои дела. И что-то мужа мне вдруг жалко стало, он мне накануне ужин приготовил, подходил, обнимал... И я думаю: Господи, я хочу от него уйти, но, пожалуйста, пусть ему не будет больно. Ну, может, у него тоже кто-то есть, а я не знаю, или просто он все-таки совершенно не любит меня. Но пусть, если надо – пусть мне будет больно, а ему нет.

И ровно в то время, как я думаю эту свою мысль, или молитву произношу – как хотите понимайте, – на меня из темноты стая собак вылетает, штук пять, кидаются с лаем, одна сразу в ногу вцепилась. Я орала, сумкой их била, даже не помню, как это они меня оставили, и я назад поковыляла. Пришлось на работу в объезд добираться, там уже увидела, что брюки порваны и нога в крови. Обработала, корвалола напилась, вечером уж поехала в травму уколы от бешенства ставить.

Но самое-то что смешное: мы с таким скандалом расстались, что мама не горюй. Бывший мне все соцсети взломал, почту, нашел мою переписку с любимым, сыну зачитывать пытался, орал, что, мол, твоя мать потаскушка, потом в ногах валялся, умолял остаться с ним, говорил красивые слова. Мол, хочу с тобой состариться, кому я, кроме тебя, нужен. Большой кровью мне этот развод дался, даже всего рассказать не могу, так что больно там всем было в итоге. Не сработало.

Монолог второй

Есть у меня подруга, много лет назад встретились в храме. У нее тогда было трое, у меня двое, с детьми вместе в храм, потом в парк гулять, о духовном разговаривать. И вот у этой моей подруги, Юля ее звали, была мечта, чтоб муж стал верующим. Ну, а у кого не было? Только у тех, у кого уже. Помню, у одной прихожанки, с которой гуляли вместе, муж рукоположился, да как-то скоропостижно, и вот эта новоявленная матушка нам жаловалась, что ей не нравится муж в подряснике, она стесняется с ним ходить. Божечки, нас так

это изумило тогда! Да мы бы что только не отдали, чтоб наши мужики не то что батюшками стали, а просто ходили бы с нами в храм по воскресеньям!

Дура какая-то, счастья своего не понимает. Они тогда, кстати, очень скоро и уехали куда-то под Дивеево, в глухую деревню.

Так вот Юля. Она, конечно, дни и ночи молилась за своего мужа, он еще и некрещеный, вообще кошмар. Акафисты читала, святую воду ему подливала в чай, в запеканки сухарики дивеевские подсыпала, кротость и послушание демонстрировала, и все как об стенку горох.

Дети выросли; лет с шестнадцати, конечно, в храм ни ногой. А после сорока уже у Юли какой-то кризис наступил, устала она от всего церковного, увлекалась верховой ездой, благо, достаток позволял, стала на конюшне пропадать, даже воскресные дни пропускала, а потом и вовсе забросила, сейчас себя агностиком называет. Потом с мужем развелась, устала от равнодушия его.

Но что смешно-то: муж после развода крестился, и теперь мозг выносит детям и бывшей жене, чтоб детей – его внуков, сейчас им 10-12 лет – непременно крестили, иначе, говорит, защиты не будет им, болеть будут, как так можно-то?

Настигла его молитва жены!

Монолог третий

У одной православной женщины были очень сложные отношения с одним православным мужчиной. У нее был муж и двое детей – девочек, а у него жена и двое детей, наоборот – мальчиков. Православной женщине постоянно изменял муж, но батюшка велел ей смиряться и ждать. Мол, если скажет муж: я тебе изменяю, тогда и разводишься. А то, что он дома не ночует или духами пахнет – это еще ни о чем таком не говорит. И он, конечно, не говорил ничего такого, молчал, как партизан.

А у православного мужчины похожая беда: пока он сутками в храме пропадал, да батюшке помогал, помощником настоятеля был, жена нашла по переписке себе хахалю в колонии и стала ждудлей. Так называют себя девушки и тетеньки, у которых любимые в колониях сидят. И этот ее хахаль, который за убийство сидел, должен был выйти через год и мог даже вместе с женой у православного мужчины детей забрать. То есть все было очень

сложно там, потому что мужчина очень любил детей, и боялся, что жена, узнав про его роман, детей против него восстановит. Поэтому встречались любовники редко, больше переписывались в аське и по телефонам разговаривали.

А потом муж той православной женщины поставил шпионскую программу в ее ноутбук и узнал, что у нее роман, и очень обрадовался, что теперь не он перед женой виноват, а наоборот – она перед ним. Каждый день стал сцены устраивать. Женщине очень жалко было детей, которые все это видели, и она все свои беды и страдания рассказывала одному знакомому батюшке в аське. На исповедь она давно не ходила: какой смысл ходить, если у тебя любовник, и ты не собираешься его бросать, потому что любишь как душу и даже больше. И батюшка этот написал ей: «Муж должен тебя отпустить по твоей нелюбви». И она наконец решилась и подала на развод.

Квартира у них была однокомнатная и разменять ее было нельзя. Поэтому муж должен был съехать к своей маме. А женщина не могла уже с ним жить рядом, взяла кредит и поехала в Рим, старшую дочку взяла с собой, а младшую отвезла маме в Брянск.

Любимый православный мужчина всему этому не обрадовался, потому что ничего не решил и боялся своей жены. Даже сказал, что давай пока общаться не будем, дай мне передышку.

И вот вечером женщина бродила с дочерью по вечному городу, и где-то около ворот Сан-Джованни ее накрыло так, что она стояла и рыдала, и не могла остановиться, и бедная девочка испугалась и никак не могла маму успокоить. И так ей было тоскливо, что она просила: «Господи, пожалуйста, возьми у меня несколько лет жизни, только пусть он меня любит».

Прошло не так много времени, как жена православного мужчины к хахалю уезжает, а детей с собой не берет. Что-то у него голове щелкнуло, и он понял, что жить без своей православной женщины не может, каждый день звонит, пишет, гулять зовет – а раньше не уговорить было, короче, ренессанс. И наконец – объяснение в любви и предложение руки и сердца.

А женщина к тому времени перегорела от этого всего: неудачного романа, своего развода, так устала. И так ей было хорошо одной, без скандалов, без нервотрепки. Приходит домой, девочки уже большие, уроки сами делают, ужин готовят, она с ними сидит, сериалы смотрит, или друг другу маникюр

делают и о мальчиках болтают. И вдруг поняла, что кроме дружеских чувств к православному мужчине – ничего не осталось. Он ей звонит и говорит, как он будет счастлив, если она будет рядом, как будет ей чай приносить, пока она за ноутбуком сидит, работает. Рассказал, что купил проигрыватель блюрей, чтоб вместе кино смотреть на большом экране.

И тут она у себя в груди какой-то узелок нащупывает. Пошла на УЗИ, а ее посылают к онкологу. И вот сидит она в очереди и думает: «Господи, сколько ж я лет жизни обещала отдать?» И вспомнить не может, никак не может. То ли год, то ли два, то ли сколько. Наверно, каждый раз предлагала разный срок...

Монолог четвертый

Святая Ксения, я вам честно могу сказать, что я в нее очень верю. Я еще была некрещеная и не особо верующая, а она мне помогла. Я была на первом курсе и влюбилась. И мы поехали на весенние каникулы в Питер.

Сняли комнату у какой-то женщины, квартиру не смогли, дорого было. И вот там у нас первый секс был. Вам сейчас не понять, а тогда же не так просто было, противозачаточного ничего в аптеках не было. Не помню уж как, кто-то из подружек мне помог достать постинор. Сейчас его пьют, если изнасиловали, а тогда ничего другого не было. И вот получилось так, что я его куда-то засунула, чтобы мама не нашла, и в Питере перерыла весь чемодан, а найти не могу. Ну, раз за этим приехали, не буду же я парню такой облом устраивать, да и себе. Так что несколько дней без всякого постинора жили.

И в эти дни как раз ездили мы на Смоленское кладбище к часовне Ксении. Кладбище страшное, между прочим, очень запущенное, много могил безымянных, многие замусорены, надгробия сломанные, так вообще жутковато. В часовню длинная очередь. Снаружи женщины в платках стояли, прижавшись лбами к стене часовни. Кто-то подсовывал записки под окна. Мы простояли очередь, поставили свечку внутри. Я попросила Ксению, чтобы не забеременеть. Ну куда мне: первый курс, мама вообще убьет, она меня не так воспитывала.

И вот вечером в этот день я искала что-то в чемодане и нашла свои таблетки: оказывается, я их в футляр положила из-под очков. Выпила две на всякий случай, ну и потом каждый день. И вот в день отъезда меня прихватило так,

что я еле до вокзала доехала, живот так ныл, в поясницу отдавалось. А в поезде начались женские дела, да так сильно, как никогда не было, то ли дела, то ли кровотечение. Потом, когда прочитала страшное, как женщины, сами не зная, своих детей таблетками убивают, стала бояться, что и у меня так было, от постинора этого. А потом подумала: ну как, получается, что Ксения моего ребенка, что ли, убила, такого же быть не может? Значит, просто помогла она мне тогда. Тем более замуж я потом совсем за другого вышла.

Монолог пятый

Был у нас такой отец Николай. Батюшка как батюшка, борода почти седая, благообразный такой, на старичка-лесовичка похож, правда, не старый, сколько... да лет 45 ему было, наверно. И угораздило его влюбиться в одну тетечку. Тетечка эта собирала материал для книжки: беседы со священниками на разные актуальные темы – про семейную жизнь, про воспитание детей, про суеверия, всякое такое. И этот наш Николай, как оказалось, хорошо умел про все это рассуждать. Выяснилось, что он когда-то успел поучиться на истфаке, до поповства. И вот она раз в неделю приходила в храм с ним поговорить и на диктофон записать. Не помню уже, но кажется, детей у нее не было, а замужем была, да, и миленькая такая, ничего. А отец Николай-то давно жил один, жена от него ушла. И вот бурный роман.

Как-то раз пошли они свои разговоры о духовном записывать на второй этаж. Там у нас была бухгалтерия, крестилка и комнатка для катехизических бесед. Обычно там никого не было, бухгалтер с ребенком сидела и дома работала, раз в неделю прибегала. Короче, наш отец, как бравый герой-любовник, времени даром не теряет: прижал свою писательницу к стенке, то да се. Нет, ну не до такой степени, но страсти кипят. И тут вдруг его как обухом по голове: «блин, да тут же камера!»

Ограбили храм-то две недели назад, ничего особенного, иконы не слишком ценные унесли, но настоятель везде камеры наставил, и на втором этаже тоже, тут же бухгалтерия! И камера эта прямоком на них смотрела! Внизу охранник сидел, у него на мониторе что-то там все время показывается, но что именно, Николай особо не успел поинтересоваться. Конечно, он своей даме страх не хотел показать, но она и сама перепугалась – кому же хочется, чтоб на твои интимные приключения глазели. Батя в ужасе. Думает: видел охранник – не видел? А если видел, то настучит ли настоятелю? И кто эти

пленки потом смотрит, если охранник не все камеры одновременно на экран выводит? В технике он не бум-бум.

Каждый день маялся, на охранника Гришу все смотрел, — бугай такой, из мест не столь отдаленных, из неофитов. То ему казалось, что Гриша на помазание подошел и как-то странно на него посмотрел. То чудилось, что настоятель косится, а раз вызвал его: «Давай, грит, подвезу до метро, разговор есть», — так наш герой так испугался, что живот прихватило, из сортира час выйти не мог, его настоятель и не дождался, плюнул, уехал. Николай ему потом звонит, голос дрожит: «Простите, мол, немощь приключилась, а что хотели-то?» А какая-то ерунда оказалась, что-то о просфорах.

Стал отец Николай подъезжать к Грише этому с дружбой. Но какая дружба — тот мужик простой, кондовый, сидевший, а Николай — интеллигент, истфак, меманы-шмеманы, все дела. Так что все не выходило у него невзначай спросить про камеры и пленки. Неделя так прошла в нервотрепке, спал только после рюмки коньяка, он трезвенник, его рюмка с ног валила. Ходил как в тумане, соображал, что будет, если охранник решит его пленкой шантажировать, сколько попросит, и что будет, если не будет, а отнесет настоятелю, а тот выкинет (его, Николая — не пленки) к чертовой бабушке.

И вот как-то стоит он с одним дядькой у входа в храм, разговаривает, тот принес освящать кулон, причем не со святым, а со знаком зодиака, чуть ли не с козерогом, а охранник с теткой какой-то разговаривает рядом. И слышит батя, что речь про камеры зашла. У тетки этой кошелек увели из пальто в воскресенье во время службы, и она приехала попросить, чтоб по камере глянули, кто это мог сделать. Почему через несколько дней приехала — непонятно, может, живет далеко.

И Гриша-то ей втолковывает, что невозможно это, записи, мол, два дня хранятся, а потом удаляются, если ничего не случилось. Отец чуть не подпрыгнул от радости, а тетка ушла расстроенная. Он к охраннику: «правда, мол, так ли?» А Гриша ему и объяснил, что рабочая-то камера вообще только одна, внизу, на входе, а дальше две и две наверху — так, муляжи, для отвода глаз, чтоб воров пугать. Для экономии так делают. Николай его чуть не расцеловал на радостях.

Зашел чаю попить в поповскую комнату, и пассия его звонит: «Куда, мол, ты пропал, потеряла тебя, и как там, спокойно все?» Он ей и говорит, что спокойно, можно расслабиться. Она спрашивает, когда прийти можно, а он: «Знаешь, что-то я устал, голова болит, болею последнее время, давай потом». Ну, так раз «потом», два «потом», а потом и вовсе перестал на звонки ее отвечать. Завяли помидоры.

Монолог шестой

Не знаю я ничего про Промысл, кроме того, что хрен его поймешь. Вот один мой знакомый мечтал стать попом. Заканчивал он филфак с красным дипломом, звали в аспирантуру, а ему в голову втемяшилось поповство. И главное, что все одно к одному пошло. Вышел у него какой-то конфликт с научным руководителем – раз, аспирантура отпала. Два – духовник сказал: давай, готовься к рукоположению. Три – девушке его неопитские забубоны надоели, другого нашла. Ну, Промысл же!

От расстройства рукоположился целибатом. Полгода не прошло, понял, что попал не туда. Служить ему нравилось, это да. А люди раздражали, не умел он с людьми. Настоятель и вовсе гад попался, каких мало.

Стал стихи писать, под гитару их петь, даже диски выпускать. Поклонницы появились. А все равно тоска. И тут опять пошло одно к одному.

Во-первых, с настоятелем совсем отношения обострились, чуть в морду ему не дал, замахнулся уже. Во-вторых, девушка в него влюбилась, стала домой приходить, обеды-ужины готовить, стирать-убирать. Любовь-морковь. Сначала просто так жили, конспирировались, конечно, но нормально. Потом, когда девушка беременная стала, вопрос встал ребром. Но еще удалось несколько лет протянуть как-то. Боялся все чего-то, даже дочку записали с другим отчеством – для конспирации.

А потом Промысл вывел опять хитро: жена поставила ультиматум. Либо женимся, либо дочку не увидишь. А там такой сумасшедший был папаша, жить без дочки не мог! Ну, поженились тихонечко, еще пару лет жили нормально.

А потом он в ЖЖ, да еще в открытом доступе, патриарха обругал, пьяный был, наверно, замок забыл поставить. Бискуп вызвал, наорал, велел журнал закрыть, да незаконное сожительство припомнил, оказывается, давно настучали ему. И тут коса на камень и нашла, пазл сложился. Батя ушел,

дверью хлопнул. Трудовую из храма забрал, устроился в школу литературу вести. Жена довольна, прятаться больше не надо, в магазин хоть всем вместе можно сходить. И в кино. Вот и скажи: когда Промысл-то был, а?

Монолог седьмой

Одна моя хорошая знакомая, Леночка, всегда была радостная и приветливая. Работала она медсестрой в детской поликлинике, и все ее очень любили, особенно дети лет до трех. Почему до трех? Более старших деток она все старалась обратить к Христу, и когда приходила на дом делать массаж или уколы ставить, непременно приносила книжечку поучительную. Про смиренную овечку, доброго старичка или о приключениях слезинки. А когда приходила в другой раз, устраивала пациентам экзамен: «что ты, деточка, понял, расскажи тете Лене». Не всем детям это нравилось, да и родителям тоже, однако они обычно терпели – руки у Леночки были добрые, после ее массажа младенцы хорошо спали, а от уколов ее никто не ревел.

Лена всегда улыбалась и часто рассказывала про своего духовника, уже покойного. Как чудесно он сопровождает ее и после своей праведной кончины своими молитвами. Помог сыночка в хоровой лицей устроить – мальчиковый. Они там без конца заняты, на концерты ездят, никакие девочки отвлекать от учебы не будут. Опять же вырастет – будет церковным композитором. Или дирижером хора, духовную музыку исполнять.

Квартиру мамину продать в Билимбае помог, и главное – в Екатеринбурге купить. Пусть окраина, пусть, зато до автовокзала недалеко, а там – какие-то три часа на автобусе и родной Алапаевск, где батюшка Иоанн служил, где до сих пор его общинка собирается, как семья – в гостеприимном домике матушки Нины.

Да что лицей, квартира: вся жизнь Лены – под батюшкиным присмотром и покровом. «Милый батюшка, помоги!» — и умягчается сердце суровой главврачихи, и в магазине прямо в руки идут именно такие сапожки, как хотелось, а главное – недорого! И затопившие комнату верхние соседи прибегают и без скандалов дают денег на ремонт, все, все идет по гладкой дорожке, никаких кочек! По молитвам батюшки — все дает Господь, надо только просить, только в храм Божий ходить, только причащаться неосужденно, мирского не читать, сериалы не смотреть, пост не нарушать.

Последние месяцы, как столкнусь с Леной во дворе или магазине – какая-то не такая Лена, поникшая и задумчивая. Наконец, выходим вместе из Пятерочки, едва не наворачиваемся со своими тяжелыми пакетами на скользких ступеньках.

— Вот уроды, твари, как так можно с людьми, старики ж тут ходят! – вдруг кричит Лена, и я от изумления теряю дар речи. За все годы знакомства – все осуждения только с оговорочкой – «прости, Господи, ладно, не будем давай», ни одного грубого слова, разве что про гастарбайтеров, но они не нашей веры, ничего, а вот так чтоб... — щось велике в лісі здохло, как говорила бабушка.

Идет мы с ней рядом, балансируем на ледяных кочках, а Лена рассказывает. Что ее уволили — начались сокращения, ее первую и сократили, главврачи никогда ее не любила, больно правильная. Она не очень расстраивалась, думала – не первый же раз, ну искушение, но батюшка ж есть, он поможет.

А уже два месяца работу найти не может. И ладно бы это только: сын от рук отбился, сколько раз уж дома не ночевал, учителя жалуются, репетиции пропускает, хамить стал... И в Алапаевск с мамой ездить перестал, беда. И священника, у которого она привыкла исповедоваться после кончины батюшки, доброго и понимающего, переводят в какую-то деревню. Всем приходом письма писали владыке – без толку. Сошлось все как-то.

Я ей что-то про жизнь-зебру бормотала, но вижу – чего-то другого она от меня ждет, а чего – не знаю. Молитва, говорит, что-то не идет у меня. Господь ведь всю жизнь меня защищал, я привыкла. Двадцать лет я знала, что стоит попросить – Он все даст, что полезно. А теперь не знаю. Как-то нарушились наши отношения, и батюшка не отзывается...

Я не знала, что сказать ей, просто достала шоколадку, купленную по акции, и пакет сока, упростила взять — для настроения.

Ксения Волянская

«У ВАС НЕТ НИКАКОЙ ПРИЧИНЫ ТЕРПЕТЬ БОЛЬ»

В 1994 году я оказалась в подмосковной больнице — с угрозой потерять еще не родившегося сына. Это теперь я знаю, что диагноз «угроза прерывания беременности» существует только в странах бывшего СССР. В ситуации, когда

у нас начинают запугивать выкидышем, укладывают в больничную палату, колют но-шпу и магнезию, западные врачи советуют лишь ограничить физические нагрузки и половую жизнь. Но это отдельная тема, конечно.

Так вот, больничка была страшная и бедная — ну, а какой могла быть провинциальная больница в 90-х, если они и сейчас почти всегда такие? В огромной палате с облезлыми серыми стенами, рассчитанной на 8 человек, все койки были заняты. «На сохранении» была я одна, остальные — на аборт. Мне было страшно, я не расставалась с молитвословом, и при всех стараниях не могла не осуждать своих соседок. Они абсолютно спокойно обсуждали свои житейские дела и проблемы, не парясь по поводу причины, по которой здесь оказались, многие явно не в первый раз. Никаких рефлексий, никаких рыданий — ну просто так вышло, ну что делать, надо через это пройти.

На соседней со мной кровати была молодая женщина с довольно заметным уже животом. Вот, обрадовалась я — сестра по несчастью, наверно, тоже какие-то проблемы с беременностью. Но оказалось, что она ждет искусственных родов. Ребенок с тяжелой аномалией развития, чуть ли не без мозга, беременность надо прервать. Ее я тоже осуждала — не вслух, конечно, но, скорее, всем своим видом. Как же — мало ли что врачи говорят, надо молиться, надеяться на чудо, вынашивать и рожать!

Прошло три дня дурацкого валяния на кровати, болезненных уколов и бессонных ночей. Меня вызвали на УЗИ. Врач показала крошечную пульсирующую внутри меня точку. «Ребенок жив». Справедливости ради, не помню, сказала ли врач «ребенок», обычно детей такого размера в медицинской среде принято называть «плод». Так психологически легче говорить о прерывании беременности. Смотрели на меня, надо сказать, как на странненькую не только соседки по палате, но и врачи с медсестрами. Их удивляло, что я переживаю, и даже, кажется, плачу — от страха потерять то, что им казалось лишней обузой.

Я, счастливая, вернулась в палату и удивилась, что она была пуста — все куда-то ушли. Только под капельницей лежала и стонала моя соседка — та, у которой был ребенок с аномалией развития. Ей поставили какой-то препарат и велели ждать потуг — тогда звать медсестру. Не помню, кто мне это сказал, но потом я узнала, что в матку вводится солевой раствор. Поскольку она все время стонала и кричала от боли, соседки по палате ушли в коридор. Я сходила на медсестринский пост, сказала, что женщине очень плохо. Мне

жестко ответили, что так и должно быть, нечего беспокоить персонал понапрасну.

Я вернулась в палату. Сидела рядом с несчастной, держала за руку, успокаивала, что все скоро кончится, гладила по голове, смачивала лоб. Правильная православная внутри меня бурно протестовала — нечего жалеть убийцу, так ей и надо, надо жалеть ее ребенка, которого она уничтожает, да еще таким варварским способом, а ее надо предоставить ее судьбе, выйти в коридор, молиться за ее погибающую душу и за душу младенца, который по ее вине не получит святого крещения и не узрит света. С маленького картонного складня на моей тумбочке укоризненно смотрел Христос.

Страшные роды продолжались несколько часов, показавшихся вечностью даже мне. Медсестра пришла в самом конце. Я вышла из палаты. Потом она прошла мимо меня с железным ведром. Соседки постепенно стали возвращаться в палату, старательно не глядя в сторону измученной роженицы. На другой день я услышала, как они говорили, что ребенок выглядел ужасно, у него облезла кожа, нехорошо, мол, делать аборт на таком сроке. Потом я узнала, что эта процедура называется «солевой аборт» — из плодного пузыря иглой откачивают жидкость и заливают солевой раствор. Через некоторое время ребенок погибает от химического ожога и кровоизлияния в мозг. В Европе подобные «операции» не делаются с 70–80 годов прошлого века.

Вся эта история, которую я постаралась забыть за эти годы, всплыла в памяти, когда я стала читать книгу Анны Старобинец «Посмотри на него». Страшная книга, основанная на личном опыте. Притом что описывает она ужасы отечественной медицины, с которыми сталкивалась любая женщина старше 30 и многие из тех, кто моложе. Злобные санитарки, равнодушные и циничные гинекологи обоих полов, не умеющие проявлять сочувствие, даже «платные» — и те называют ребенка «плод» и, не спрашивая согласия пациентки, приглашают студентов посмотреть на интересную патологию — а женщина при этом лежит голая с датчиком УЗИ внутри.

Книга о том, как счастливая женщина, ожидающая второго малыша, узнает о тяжелой генетической патологии плода своего чрева и слышит, что никаких вариантов, кроме как немедленно прервать беременность, у нее нет. Изучает, конечно, интернет, мучительно пытается принять решение. Читает форумы, на которых общаются женщины, пережившие прерывание на

позднем сроке по медицинским показаниям. Конечно, там много православных. Они приходят, чтобы посыпать соль на раны женщин, переживающих трагедию, пожелать им гореть в аду или как следует молиться.

«Вообще Бог на такого рода форумах существует в двух лицах. Бог карающий — тот самый, который всех за такие вещи в свое время окунет в хлорид натрия, — и Бог Экспертного Класса. Бог Экспертного Класса (а также его заместники — матронушка, батюшка) способен исправить плохие результаты УЗИ, исцелить хромосомные аномалии и опровергнуть диагнозы. Безусловно, в ситуации, когда надеяться остается только на чудо, обращение к высшей инстанции совершенно естественно. Лично я — агностик, но если бы я была верующей, если бы не сомневалась, что кто-то наверху меня слышит, молитва приносила бы мне облегчение. Вера в чудо — естественна. Молитва — естественна. Неестественно, когда молитва и медицина, диагноз и вера взаимозаменяют друг друга. Когда советы, касающиеся пороков развития плода, поступают от батюшки. „Врачи отправляют на прерывание у ребенка нет мозга как помочь малышу?“ — „Не слушайте врачей, езжайте к матронушке...“»

Порылась на правсайтах вопросов-ответов и убедилась: большинство попов продолжают врать на голубом глазу, что не видели ни одного случая, когда подтвердился бы перинатальный диагноз. Медицина у нас, конечно, в заднице, но все же не до такой степени, чтобы врачи ошибались в диагнозах в 100% случаев. Попам просто не приходит в голову, что доносившим и родившим по их благословию тяжелых инвалидов («не верь врачам, рожай, будет здоровый ребенок!»), живущих от операции до операции, просто недосуг ходить в церковь, чтобы доложить о результатах их благословений, а может, просто желания нет с ними общаться.

Самый омерзительный по цинизму комментарий дал — и это осталось надолго зафиксированным в сети для новых и новых несчастных беременных, столкнувшихся с трагедией, — знаменитый своими эпатажными высказываниями прот. Дмитрий Смирнов:

«Приходит женщина, рассказывает, что врачи говорят, будто ребенок нежизнеспособен. Я отвечаю обычно: „Ну ты роди, и если он совсем нежизнеспособным окажется, мы его придушим“».

Одна из врачей советует Анне подождать до 18 недель и тогда, после повторного УЗИ, принять решение. Есть небольшой шанс, что ребенок родится тяжело больным, но выживет, правда, ему будет нужна искусственная почка.

В женской консультации о шансах речи нет, там все просто и жестко:

«...Не решила она!.. Шанс у нее есть!.. Да ты хоть понимаешь, что за жизнь у тебя будет, если ты его родишь? Он же будет инвалидом, глубоким инвалидом, уродом! И ты с ним будешь одна! Мужья, знаешь ли, когда такие дети, надолго не задерживаются! Не выдумывай давай. Потом родишь здорового. Значит, так, сейчас в регистратуру... — И все-таки, если воды останутся, я собираюсь его доносить. Это будет ясно через две недели. — Если останутся! Две недели! Да нету у тебя двух недель! У тебя часы тикают! Через две недели он, может быть, уже будет весить 500 граммов! А когда они весят 500 граммов, врачи по закону уже должны их спасать! Понимаешь? Вот ты его родишь — а его еще будут мучить, откачивать, а он все равно нежизнеспособный! Тебе это надо?»

Анна с мужем едет в Германию, подруга помогает ей попасть на консультацию в клинику «Шарите». Здесь все иначе. Мужу разрешено оставаться с женой хоть весь день. В порядке исключения — даже на ночь. Врачи корректны и тактичны. Они предлагают выбор — прерывание или донашивание. Если женщина решает доносить и родить обреченного ребенка, семья остается с ним в отдельной палате. Родители прощаются с ребенком. Могут петь ему. Могут пригласить священника. Уже после того, как он умрет, они могут находиться в этой палате хоть весь день, могут одеть его, как им нравится. А потом могут похоронить.

После нескольких дней раздумий Анна решает прервать беременность. Врач настаивает на разговоре с психологом. Психолог объясняет все нюансы — что будет до, как будет все проходить, что будет после. Как говорить о случившемся с дочерью.

«Если вы прерываете беременность на позднем сроке в России, вы ложитесь в больницу минимум на неделю, а скорее на две. И никто: ни муж, ни мама, ни сестра, ни подруга — никто не сможет быть рядом с вами ночью. И днем тоже вряд ли. Ни за какие деньги. Если вы легли в

*больницу, чтобы убить неродившееся дитя, то ваш долг — страдать. И физически, и морально. Сдвинутые кровати, сиделки в кафе, психологи, детективы на английском, любые способы хотя бы на короткое время облегчить душевную боль — это все от лукавого, так же, как и эпидуральная анестезия. Так думают в России медсестры. Так думают врачи. Так думают чиновники. Так думают тетки в социальных сетях. И, что самое интересное, так думаю даже я. То есть не то чтобы думаю — но чувствую. Перспектива сдвинуть больничные кровати меня смущает. И кафе тоже. И эпидуралка. И библиотека. Не слишком ли это будет комфортно? Не слишком ли это подло — по отношению к тому, от кого меня здесь избавят?.. Но здесь так думать не принято. Здесь принято снимать боль — и душевную, и физическую — всеми доступными способами. И когда на следующий день, уже в родах, я попытаюсь отказаться от эпидуралки, врач сначала скажет мне, что эпидуралка автоматически включена в стоимость и доплачивать за нее не надо, а когда я отвечу, что дело совсем не в деньгах, он произнесет фразу, которая для него будет всего лишь общим местом, а для меня — откровением: *There is no reason why you should be in pain. У вас нет никакой причины терпеть боль*».*

После того, как все кончено, в Германии ребенка не уносят в железном ведре, как в России еще несколько лет назад — как сейчас, не знаю. Но сомневаюсь, что женщинам дают возможность посмотреть на ребенка. А оказывается, это важно. *«Потому что это дает возможность осознать, что ребенок действительно существует и что он действительно твой. Это не какая-то жуткая фантазия или ночной кошмар — это твой ребенок, хоть и мертвый. А ты — действительно его родитель. И навсегда останешься родителем*».

Анна не хочет смотреть, она боится, что ребенок будет являться ей в кошмарах. Но муж предлагает:

— Я сейчас пойду один, узнаю, где он, и на него посмотрю. А потом я скажу тебе, страшный он или нет. И сможешь ли ты на него смотреть.

Он возвращается и говорит, что их мертвый ребенок не страшный. Он грустный. Анна тоже смотрит на сына, держит его на руках. Для этого в Шарите есть специальная комната.

На протестантском кладбище этих малышей хоронят в братских могилах — это официальная церемония, на которой присутствует священнослужитель, а родные могут проститься с малышом.

По нашим законам человеком считается плод, родившийся не раньше 22-й недели беременности, весом не менее 500 граммов и ростом не менее 25 сантиметров. Все остальное — биологический мусор и подлежит утилизации. Я вспоминаю, как лет пятнадцать назад моя знакомая потеряла близнецов на седьмом месяце беременности. Для нее, женщины верующей, было очень важно похоронить детей. Она была потрясена, когда узнала, что не имеет на это права. Сейчас уже не помню, как ей удалось пробить стену цинизма и равнодушия — то ли дала взятку, то ли стояла на коленях перед главврачом, но тела детей ей отдали для погребения, вопреки инструкциям.

В Германии документы можно получить на любого умершего младенца, вне зависимости от веса и срока, на котором он родился в результате естественных или искусственных родов.

Читаешь о том, как относятся к инвалидам, беременным, живым и мертвым детям в других странах, которые принято называть цивилизованными, — и хочется плакать. Больно за тех людей, кто пережил похожие трагедии и не только не получил никакой психологической помощи, но был травмирован — врачами, священниками, знакомыми, собеседниками в интернете.

Тем более понимаешь — это может случиться в каждой семье, никто не застрахован — ни богатый, ни верующий, ни поклонник ЗОЖ.

Почему в нашей стране так долго не прививаются элементарные медицинские постулаты, принятые в развитых странах? «У вас нет никакой причины терпеть боль».

О нет. У нас найдутся причины. Начиная от — «боли при онкологии лучше терпеть, а то наркоманом станешь» до — «с какой стати беречь психику женщины, согласившейся на аборт, пусть и по медицинским показаниям? Перебьется, так ей и надо».

И, боюсь, причины эти вовсе не только в медицинской безграмотности и непросвещенности. Корни так глубоко, что экскаватором не достанешь. Они в житиях и наставлениях подвижников благочестия, пусть даже апологеты страданий их в глаза не видели. Эта премудрость транслируется от поколения к поколению, трансформируясь от христианского долготерпения,

спасающего душу, до советского героического аскетизма — «будь, как Павка Корчагин!» и обратно.

Люди советского воспитания, сроду не читавшие никакой православной литературы, не слушавшие проповедей, в ответ на просьбы детей сходить к врачу или приобрести что-то, способное облегчить их недомогание или боль, говорят: «да что уж, терпеть-то можно»...

Так вот и терпим — кто ради Бога, кто по привычке, впитанной с молоком матери.

«Пусть эта боль тебе напомнит об адских муках».

«Чем больше мучается человек от болезни, тем более чистым и более святым он становится — лишь бы он терпел и принимал болезнь с радостью».

«Если будем терпеть сии скорби без ропота на Бога — нам они вменяются в мученичество Христа ради — очищая наши души от грехов и от страстей».

Почему-то никак не могу вспомнить, как звали ту женщину, которая родила мертвого ребенка на соседней койке. А ведь я молилась за нее, пока семейные заботы не вытеснили память об этом кошмаре. Какое-то простое имя — Ольга, Ирина...

Ксения Волянская

ПОЧЕМУ ХРИСТИАНЕ ИДУТ УБИВАТЬ?

Для меня с детства праздник Победы — это песня, которую поет усталым печальным голосом Бернес, крутится пластинка, хочется плакать от жалости к солдатам, превратившимся в журавлей. А еще фильм «Летят журавли», эпизод, где на вокзале встречают фронтовиков, а потерявшая любимого Вероника пробирается в толпе счастливых людей и рыдает, уткнувшись в букет цветов... Спазм в горле и изо всех сил сдерживаешь слезы. А еще — «У войны не женское лицо» Светланы Алексиевич, книга, по которой я писала реферат в девятом классе. История, которую рассказывает одна из героинь, про партизанку-радистку, как она утопила младенца в болоте, чтобы голодным плачем не выдал отряд карателям.

С чем растут нынешние дети, какой для них праздник Победы? Хорошо, если только «Бессмертный полк» и портрет погибшего прадеда. Но от георгиевских ленточек, заполняющих в преддверии великого дня наши города, им не уйти. Повязанные на детских колясках, на дамских сумочках, нарисованные на девичьих ногтях; в витринах магазинов, на бутылках водки, на айфонах, развевающиеся за лобовым стеклом и на антеннах машин, а еще — «клубенок Победы» в кафе, разгромные скидки к дню Победы. А безумные наклейки «если надо повторим», «на Берлин», «я помню, я горжусь», «спасибо деду за трофей», «за Родину, за Сталина», вся эта милитаристская индустрия; а малытки в форме с игрушечным оружием, которых научили петь военные песни и прыгать воинственно по сцене, а форма НКВД для мальчика? «Красивые военные костюмы пробуждают в детях чувство патриотизма»...

Мы живем в эпоху глорификации и гламуризации войны. В советское время до этого не додумались — торговать памятью и болью, а теперь — при полном поощрении РПЦ — это сделалось мейнстримом.

Не дожил, слава Богу, до этого Виктор Петрович Астафьев, так страдавший от того, что не хотят люди знать настоящую войну, такую, какой видели ее солдаты — «грязную тварь, состоящую из желтой жижи, покрытой красной пеной», извивающуюся, неумолимо наползающую на человека тварь. В такую войну не поиграешь, такую войну никому не захочется повторить. Война, о которой рассказывается в романе «Прокляты и убиты», вызывает не гордость, не тягу повторить подвиги отцов, а омерзение и ужас. Этого, наверное, и добивался Астафьев, много раз говоривший, что чем больше мы будем врать про войну прошедшую, тем быстрее приблизим войну грядущую.

«Я пишу книгу о войне, чтобы показать людям и прежде всего русским, что война – это чудовищное преступление против человека и человеческой морали, пишу для того, чтобы если не обуздать, то хоть немножко утишить в человеке агрессивное начало», — объяснял Виктор Петрович в 1995 году одному из своих читателей, «уличающему и обличающему» писателя.

В 1986-м году Астафьев еще не начал писать «Прокляты и убиты», и не приобрело нынешний размах победобесие, а Булат Окуджава написал стихи:

Слишком много всяких танков, всяких пушек и солдат.

И военные оркестры слишком яростно гремят,

и седые генералы, хоть и сами пули льют, —

но за скорые победы с наслаждением водку пьют.

Я один. А их так много, и они горды собой,

и военные оркестры заглушают голос мой.

Будто сегодня написано...

В начале девяностых, помню, я прочитала где-то, что в Прибалтике провели акцию уничтожения военных игрушек, и я, молодая мама недавно родившегося мальчика, мечтала, чтобы мой сын вырос без войнушек, пистолетиков, пулеметов и проч. И какое-то время мы не покупали ребенку ничего военного, правда, потом убедились, что это не решает проблему — дети играли в войну и без фабричных игрушек. Но тогда казалось, что никаких войн больше быть не может — Запад, оказывается, не хочет воевать, с Америкой и Европой можно дружить.

Трудно представить сейчас в России мощное антивоенное движение, у нас и опыта такого нет, в отличие от Америки. Антивоенные выступления перед и во время Первой мировой скомпрометированы последующей революцией и тем, что за мир были большевики, которые оказались совсем не мирными людьми. Идеи Толстого тоже не прижились на нашей почве, а теперь и не приживутся, ведь для православных аксиома, что Толстой — еретик, а значит его антивоенный пафос так же еретичен, как и его евангелие.

Мало кто знает о потрясающем священнике — Спиридоне Кислякове. Отец Спиридон был в Первую мировую на фронте в качестве полевого проповедника, воодушевлял солдат идти в бой. В сан архимандрита он был возведен в качестве награды за заслуги перед Отечеством. А в 1916 году написал «Исповедь священника перед Церковью», которую опубликовали только в 1919 году. Цитата будет длинной, но она стоит прочтения.

«Перо выпадает из рук при одной только мысли о том, что я делал на войне. Я, будучи священником Алтаря Христова, все время войны с крестом и святым Евангелием в руках ревностно занимался кровавой травлей одних христиан на других. Я запричастил Святыми Тайнами около

двухсот тысяч солдат, которые от меня шли убивать христиан. Во что я превратил Святые Тайны? Не в одно ли из могучих средств воодушевления солдат на убийство подобных себе солдат? Через причащение солдат, идущих в кровавый бой, не посылал ли я Самого Христа убивать людей и Самому быть убитым? Своими кощунственными безбожными проповедями я безумно вдохновлял своих отечественных воинов на бесчеловечное убийство и зверское истребление немцев и австрийцев. С пеною у рта я убеждал их в том, что настоящая война есть Божие правосудие над тевтонами, и мы, русские, вкуче с верными нам союзниками в настоящее время являемся в руках Божиих грозным всеистребляющим орудием Его праведного гнева на властолюбивую Германию, поэтому мы должны считать своим священным долгом без всякой пощады убивать немцев и железной рукой уничтожать и сметать их с лица земли, как самый вредный элемент человечества. Я мастерски подтасовывал евангельские тексты и исторические факты с тою целью, чтобы перед судом христианской совести воинов не только оправдать эту народную бойню, но и придать ей характер чисто религиозно-нравственный.

Теперь же за все мои военные “подвиги” совесть моя беспощадно меня мучает. Особенно меня мучает смертельная тоска по живому Христу. Я ради интересов государства, своей русской нации и личной жизни давно отрекся от Него. (...)

Ради Христа я отвергаю и всем своим существом отрицаю и проклинаю всякую войну со всеми ее свойствами, принадлежностями, церковными благословениями, молитвами и молебнами о победе врагов и все это считаю явным и сознательным отречением от Христа и Его евангельского учения.

Ради Христа отрицаю и всем своим существом отвергаю и проклинаю все свои военные проповеди и считаю их за открытую вражду и измену Христу и Его святейшему учению».

Призывы к пацифизму и антимилитаризму могут показаться наивными, а может, и кощунственными в дни празднования Победы. Ведь если признать, что любая война — это ад, сорвавшийся с цепи, дьявольская пляска на костях, предельное для мира выражение падшести и зла, что для христиан недопустимо сопротивление этому злу силой или допустимо лишь

ненасильственное сопротивление, тогда за что погибли герои, которых мы вспоминаем, чувствуем, которым ставим памятники? Не хотите ли вы, пацифисты и антимилитаристы, сказать, что они погибли зря, напрасно?

Я не знаю ответа на этот вопрос. Мне понятна религиозная вера в то, что каждый погибший на справедливой освободительной войне наследует рай и ему прощаются все грехи. Это вера очень утешительна, а главное, способна укрепить тех юных воителей, которые призваны стать пушечным мясом на уже идущих и грядущих войнах. Она способна убедить родителей, что они правы, воспитав сыновей готовыми отдать жизнь за высокие идеи, а главное — безоговорочно верящими в чистые помыслы вождей и руководителей, посылающих их умирать.

Но все ли утешительное является правдой? И истинна ли вера, оправдывающая убийства? Почему одна из базовых заповедей Божьих стала для христиан, начиная чуть ли не с IV века, настолько не безусловной? Ведь стоит кому-то заикнуться о других заповедях, тут же хор благочестивых голосов начинает грозно вопиять об их нерушимости и недопустимости оправдания их нарушения. Но те же благочестивые голоса и еще более грозно звучат против пацифизма и антимилитаризма.

Христиане защищают смертную казнь, защищают право государства отправлять своих граждан на войну, пропагандируют воинскую доблесть и отвагу. И ладно бы христиане отправлялись сами и отправляли своих сыновей на войну умирать. Можно понять — они верят, что наследуют таким образом жизнь вечную, что «за други своя» гибнут. Но они отправляются и отправляют — убивать. Есть и еще вопрос: а как быть с атеистами, за что должны они умирать на войне? А вот тут, скажут верующие, и нужно работать РПЦ: пусть больше будет священников в армии, пусть лучше батюшки работают с личным составом, чтобы никто не дерзал усомниться в необходимости класть жизнь свою на алтарь отечества.

Но Церковь денно и нощно молится за мир, возразят мне. Знаете, это прекрасно, но все равно, что женщина, молясь о даровании чада, одновременно принимала бы противозачаточные таблетки.

Мне скажут: а вы-то что же хотите? Чтобы страна вот так взяла и сдалась, без сопротивления? Ведь если бы мы сделали это в 1941-м году, то часть населения была бы попросту уничтожена, а остальные стали бы рабами!

Странно рассуждать христианам на тему «если бы да кабы». Разве не должны мы руководствоваться принципом «делай что должно и будь что будет»? И кто знает, какой была бы история человечества, если бы христиане не капитулировали перед государством и не служили бы ему, а отказывались бы от насилия в любой форме, при этом сопротивлялись бы попыткам использовать их в качестве пушечного мяса? Какой была бы история, если бы не только иеговисты, меннониты, квакеры, адвентисты и подобные отказывались брать в руки оружие, а все христиане? Да, это наивные, детские вопросы, но как они важны для меня последние годы, когда пропаганда войны и победы становится все навязчивей, все агрессивней и скоро совсем затмит скорбь по погибшим и ту молитву нецерковную, с которой мы росли: «Лишь бы не было войны».

Почему же у православных так непопулярен пацифизм? (По пальцам можно пересчитать тех священников и публично высказывающихся верующих, кто не стесняется говорить в антимилитаристическом духе.) Боюсь, то, что я сейчас скажу, может обидеть или даже оскорбить некоторых читателей. Но давайте не будем оскорбляться и обижаться, давайте просто подумаем вместе.

Я думаю, что для человека в любой религии, особенно в христианстве, важнее всего — утешение в земных скорбях и надежда на встречу в будущей жизни. Сколько бы святые отцы не писали о незначительности и бренности земных родственных связей, о греховности привязанностей к кому-нибудь, кроме Бога, о суетности и страстности земной любви, большинству из нас важно именно это — чтобы было где приклонить голову и поплакать, и чтобы была ясная надежда увидеть дорогих и любимых в лучшем мире.

Сами верующие любят посетовать, что людей в храм приводит чаще всего беда, и крайне редко — радость. Это ставится людям в упрек и говорит, по мнению проповедников, о низком качестве подобной веры. А мне кажется, это самая нормальная, самая естественная вера, и то, что людям, когда все хорошо, не нужны молитвы и богослужение — понятно и правильно. Если человек живет в мире и любви с окружающими, честно работает, счастлив в семье или своем призвании, то что изменит в его жизни соблюдение постов, ежедневное правило и ежемесячные исповедь-причастие? А вот когда все это рушится, то наступает самое время для постов, молитв и бдений.

Что же следует из этого? А то, что, как ни печально это признать, любая религиозная организация выигрывает от того, что приводит в ее ряды как можно больше людей: от примитивной медицины, плохих дорог, дурного образования, из-за которого в итоге падают самолеты и рушатся торговые центры, и, конечно, от военных конфликтов. Недаром же некоторые бойкие на язык священнослужители открыто заявляют, что всяческие лишения и война — это благо для страны и спасительно для людей. Очень хочется верить, что это оговорочки по Фрейду, а не осознанная и корыстная позиция.

Но уж слишком часто последние годы мы видим, как наше духовенство и верующие сливаются в экстазе с военщиной, с упоением освящают боеголовки, позируют с автоматами и танками, рассуждают о геополитических выгодах, охмуряют молодежь «военно-патриотическим воспитанием», твердят о самопожертвовании и подвигах во славу отечества, сетуют на погрязшую в потребительстве и компьютерных играх молодежь, не желающую рваться под пули.

И никто не спросит тех, кто погибал на полях Великой войны, кости многих из которых до сих пор рассеяны по нашей земле, поросли травой, а кое-где закатаны асфальтом — согласились бы они отдать свои единственные жизни ради того, чтобы их портреты несли потомки под ярким майским солнцем, а потом садились бы эти потомки в иномарки, обклеенные безумными девизами «на Берлин», «если надо — повторим», и ехали на природу пить водку и закусывать шашлыками, мусоря кругом, но гордясь собой и победой, к которой они не имеют никакого отношения?

Я думаю, что единственное, может быть, ради чего кто-то из погибших и искалеченных и согласился бы пожертвовать своей жизнью или способностью ходить, видеть и слышать, то ради того, чтобы ничего подобного больше ни с кем не повторилось. В малоизвестном широкой публике романе американца Далтона Трамбо «Джонни получил винтовку» (предисловие к русскому переводу которого написал В. Астафьев) главный герой, лишенный на войне рук, ног, лица, слуха и зрения, пытается говорить с окружающими при помощи азбуки Морзе — стуча головой о подушку. И о чем же он просит их?

«Выпустите меня, сигналил он, выпустите меня отсюда! Я не доставлю вам особых хлопот. Заботиться обо мне не нужно. Сам прокормлюсь. Я могу работать, как всякий другой. Снимите с меня ночную рубашку,

сделайте стеклянный ящик и возите меня в нем повсюду, куда люди приходят развлечься или поглядеть на всякие ужасы. Возите меня в этом стеклянном ящике по пляжам и сельским ярмаркам, показывайте на церковных базарах, на аренах цирков, на карнавалах.

(...) Взгляните на эти медали, они настоящие, может, из настоящего золота; приподнимите крышку ящика, и в нос вам шибанет смрадным духом славы.

(...) Показывайте меня в школах, во всех школах мира. Разрешайте детишкам подходить ко мне, что тут плохого? Сперва они, пожалуй, будут кричать и по ночам видеть кошмары, но потом привыкнут, потому что должны привыкнуть, а лучше всего приучать к этому сызмальства. Соберите их вокруг моего ящика и скажите им — девочки и мальчики, подойдите-ка поближе и посмотрите на вашего папочку. Подойдите и взгляните на себя самих. Скоро вы вырастаете и, вместо того чтобы стать большими и сильными мужчинами и женщинами, станете такими, как он. Вам предоставят возможность умереть за родину. Но, быть может, вы не умрете, а вернетесь домой вот такими, как он. Ибо, милые детки, умирают не все.

(...) Повезите меня в города, где есть парламенты, и рейхстаги, и конгрессы, и палаты представителей. Я хочу побывать там, когда они станут говорить о чести и справедливости, о демократии для всего мира и о самоопределении народов. Я напомню им, что не имею языка и не могу выпятить им изнутри щеку, тем более что и ее у меня нет. Но у государственных деятелей есть языки. Есть у них и самоуверенность. Поставьте мой стеклянный ящик на стол спикера так, чтобы при каждом ударе молотка он позвякивал. А потом пусть себе говорят про торговую политику и эмбарго, про новые колонии и старые распри. (...) Пусть поговорят о расширении производства боеприпасов, и самолетов, и боевых кораблей, и танков, и ядовитых газов — все это нам очень нужно, без этого нам никак не обойтись, да и как, черт возьми, защищать мир? Голыми руками, что ли? Пусть они вступают в блоки и союзы, пусть заключают пакты о взаимопомощи и гарантируют чей-то нейтралитет.

(...) Повезите меня по вашим церквам, по вашим величественным соборам, которые через каждые пятьдесят лет приходится перестраивать, потому что войны разрушают их. Пронесите меня в моем стеклянном

ящике от портала до алтаря, к которому столько раз проходили короли, священники, невесты и дети-конфирманты, чтобы поцеловать осколок дерева от того самого креста, на котором было распято тело человека, на чью долю выпало счастье умереть. Поставьте меня высоко на ваших алтарях и взывайте к Господу — пусть смотрит на своих милых, возлюбленных чад, пристрастившихся к убийству. Помашите надо мной кадильницей с ладаном, запаха которого я не восприму. Пролейте на меня священное вино, вкуса которого я не почувствую. Бубните надо мной молитвы, которых я не услышу. Прodelайте все старинные обряды, для совершения которых у меня нет ни рук, ни ног. Затяните хором аллилуйю, которой мне не спеть. Пойте громче, пойте звонче, пойте для меня, идиоты вы такие, ибо я знаю правду, а вы, идиоты, не знаете ее...»

Алексей Плужников

БЛАГОДАТЬ ДУХА И ДЫШЛО КАНОНИЧЕСКОЕ

Пара мыслей по поводу очередной главы из книги священника середины XIX века — Иоанна Белюстина «Описание сельского духовенства».

Отец Иоанн пишет о тех денежных поборах, которые немилосердно драли приближенные архиерея, консистория и прочие (при попустительстве архиерея, наверняка отстегивая ему процент) со ставленника в священство. И объясняется, откуда брали эти несчастные будущие пастыри требуемые деньги: искали себе невесту с деньгами, неважно, какая невеста и как пахнут те деньги. Вспомним того же святого праведного Иоанна Кронштадтского, который получил свою жену вместе с хорошим местом и тестем-протоиереем.

Мы часто слышим от «истинно-православных» заявления, что «сергианская» церковь — РПЦ — безблагодатна, мол, она продалась безбожному государству, нарушила каноны и вообще впала в тяжкие грехи предательства и раскола.

Каноны и благодатность и в РПЦ любят вспоминать. Как только нужно запретить или лишить сана неугодного священника, посмеявшегося критиковать епархиальное начальство или не отстегнуть деньги на день рождения владыченьки, так тут же находятся каноны, среди которых один из любимых

— «досадил архиерею». С этим канонами и других не надо уже: не нравится мне рожа твоя — ты мне досадил, изыди!

Ну, а вот теперь взглянем на историю церкви. Вот вам XIX век — священник Белюстин описывает тотальную — подчеркиваю — тотальную симонию.

Апостольское правило 29: «Если кто, епископ, или пресвитер, или диакон, деньгами сие достоинство получит: да будет извержен и он, и поставивший, и от общения совсем да отсечется, как Симон волхв Петром».

Вот вам канон, по которому не сергианская церковь безблагодатна, а вообще вся русская церковь. Потому что такие епископы и попы были в ней всегда, во все века, а значит они безблагодатны и должны были быть извергнуты. А если копнуть историю дальше, то и в Византии было такое сплошь и рядом. И у католиков было то же самое.

Да «по канонам» вообще не найдется ни одного «верного», потому что всегда найдется канончик, который кто-то нарушает, сам того не ведая: то в бане моясь с евреем, то причащаясь у священника-пьяницы, который, «если не перестанет, да будет извержен». А если развелся с женой мирянин по причине «не сошлись характерами» — «да будет таковой отлучен от общения».

А сколько таких канонов в церкви. Но канонами и благодатностью начинают размахивать только против врагов и критиков, а вот когда дело касается самих себя или своих — тут начинается икономия. Удобная штука.

Каноническое дышло... и дальше по тексту. Особенно же закрываются глаза на каноны, связанные с деньгами, церковным имуществом и отношениями с властью, — тут вообще сплошная икономия, потому что от этого выходит не только экономия, но и преференции с доходом на века.

И это все возвращает к вопросу — что есть церковь и кто такие в ней священнослужители. В одном из комментариев наша читательница выразила такую распространенную мысль: ну и что, что этот епископ или священник по канонам должен быть извержен, ведь все равно таинства через него совершаются — ради невинных прихожан. Мол, не пойман — не вор. Можно быть геем, педофилом, купившим сан и продававшим его, можно лизать властям любые места, оправдывая это «защитой интересов церкви», можно грабить вдовиц и унижать подчиненных. Можно совершать все что угодно —

но Христос все равно через такого якобы действует. А вот когда такого поймают... То что?

Вот интересный вопрос. Исчезновение благодати, потеря каноничности когда наступает у священника или иерарха? Когда его раскрыли, поймали за руку? А каким образом поймали? Пришли в храм и публично обличили, когда он чашу в руках держал? Доказали в церковном суде? Предъявили фото-видео-аудиоматериалы, заверенные нотариально? Может быть, тогда за благодать будет вновь отвечать святая Инквизиция? Ввести опять внутрь церкви доносы (опять — в смысле официально, неофициально — и так все процветает)? Можно и дыбу обратно ввести, для выпытывания каноничности...

Или все по-прежнему отдается на откуп правящему епископу и его приближенным — при том, что они же первые и должны подвергнуться «розыску»? А Христос где тут? Он что — стоит в сторонке выжидательно и свою благодать забирает только в определенную секунду? Подписали указ о запрете — улетела благодать. Шлепнули печатью — каноничности как не бывало. Представьте ситуацию: обвиняемый батюшка не поехал в епархию на церковный суд, а служит литургию. В тот момент, когда он возносит руки горé и собирается призывать Святого Духа на Дары, епископ Непростин стучает кулаком по столу у себя в епархиальном управлении и изрекает: «Лишаю его сана!» И? Сойдет Дух после этого стука или не сойдет? Что Дух выберет: епископа, имеющего «власть вязать и решить», или «ни в чем не повинный народ» напоследок?

Кстати, вот еще отличный канон:

Правило свв. апостолов 59. «Если кто, епископ, или пресвитер, или диакон, некоему от клира нуждающемуся не подает потребного: да будет отлучен. Закосневая же в том, да будет извержен, как убивающий брата своего».

Можно проверить каждого правящего архиерея, благочинного и настоятеля: придите к нему и скажите: мне «потребно» приходское жилье, нормальная зарплата и человеческое братское отношение с вашей стороны, без грабежа и унижений. И если начальник того тебе не даст — да будет он извержен.

Я не знаю ответов — кто благодатен, кто каноничен. Но мне кажется, что Христос — не мальчик на побегушках у группы граждан, держащих в кармане фигу, простите, каноны. Надо просто ответить себе на вопрос: Христос с теми,

на чьи головы однажды «правильно» положили «правильную» руку и дали возможность маневрировать в лабиринте канонов, невзирая на путь к этому сану и на образ жизни в этом сане; или с теми, кто Его любит и живет, ориентируясь на Него, — хоть порой и наступая на канонические грабли.

Алексей Плужников

ХРИСТОС И АВТОКЕФАЛИЯ

Последнее время (сентябрь 2018 г.) главная новость православия — это битвы титанов вокруг автокефалии Украинской Церкви.

То известный питерский священник — протоиерей Константин Пархоменко — на своем канале в YouTube нам в открытую рассказывает, как к Константинопольскому патриарху ездят с уговорами и подкупами то украинский президент Петр Порошенко, то наш родненький митрополит-композитор Иларион (Алфеев), да и не только Варфоломея, но и других глав Православных Поместных Церквей пытается РПЦ подкупить, чтобы те были на «нашей» стороне.

То сам патриарх Кирилл летит в Стамбул на встречу с патриархом Варфоломеем, а потом, не задерживаясь, возвращается обратно и, как говорят, в бешенстве от неудачной поездки, хотя официально и Кирилл, и Иларион туманно уверяют, что встреча прошла в «братской атмосфере».

И тут же, через неделю после визита патриарха Кирилла, Вселенский патриарх Варфоломей потрясает всех, назначая в Украину двух своих экзархов для «подготовки автокефалии». Тут же председатель СИНФО Владимир Легойда заявляет, что решение Варфоломея — «грубое вторжение на каноническую территорию» МП, и что ответка вскоре прилетит.

В общем, нас ждет очередная православная война за «каноническую территорию», за право рулить, прещать, разрывать евхаристическое общение и вновь его восстанавливать, за то, кто будет «еретиком и раскольником», а кто — «истинным столпом православия» и т. д. и т. п.

И глядя вот на все это — не только конкретно на нынешнюю возню, но и вообще на всю церковную историю, которая в основном и состояла в борьбе «святителей» за первенство, за власть, за деньги, за слияние со светской

властью, а то и за возвышение над ней, — хочется задать наивный вопрос: а какое отношение эти люди и их деятельность имеет ко Христу, к Евангелию?

Казалось бы, в Евангелии вполне ясно говорится, что ждет Христос от Своих учеников, апостолов: идти в мир, проповедовать Царство Божие, которое приблизилось. Исцелять недужных, изгонять бесов, помогать нищим, защищать вдовиц и сирот, и главное — доказать всем, что они — истинные ученики Христовы, если «будут иметь любовь между собою».

Интересно, автокефалия — это про исцеление? Каноничность — это про изгнание бесов? Подкупы иерархов другими иерархами — это про любовь? Кто все эти люди, почему они — «первосвятители», почему они распоряжаются судьбами миллионов верующих, росчерком своего пера определяя одних в раскольники, других в «неканоничных», третьих — под анафему? Зачем они вам, христиане? Только потому, что они ухватили из Евангелия главные для себя слова: «что свяжешь на земле, то будет связано и на небе»? И теперь считают себя маленькими божками, делящими между собой Олимп?

Приглядитесь к ним. Не позволяйте себе быть ослепленными их громкими «вселенскими» титулами. Уберите с них мысленно их сверкающие одеяния, «сбрейте» с них величественные бороды и власы, отберите у них посохи и жезлы, которыми они властно пристукивают. На кого они стали похожи? Правильно — они такие же престарелые мужики, которые собираются у вас во дворе на лавке пивка попить или в шахматы поиграть. Вот только последние, обыкновенные мужики, намного честнее и ближе ко Христу — потому что власть и Христос находятся на максимально противоположных концах вселенной. И только тот достоин «власти» — власти любви, — кто будет самым последним, реальным слугой для всех. Не на словах, а на деле.

Ищите первосвятителей среди гастарбайтеров и дворников, среди санитаров и сантехников — они могут быть там, а не на высоких кафедрах. И Христос там, а не на «горнем месте» в помпезных соборах.

Глава 2. ПРАВОСЛАВИЕ ЦЕМЕНТА

Алексей Плужников

СОБЛАЗН ЧЕЛОВЕКОЛЮБИЯ

Итак, Верховный суд запретил «Свидетелей Иеговы» (*статья написана в начале мая 2017 г. — А.П.*). Многие православные радуются. Мало того, лет 10 назад я тоже бы наверняка радовался, ибо был наслышан про них много плохого, начиная от запрета на переливание крови и заканчивая случаями из соседнего подъезда, когда мать-иеговистка подписала квартиру руководителям своей секты, лишив жилья родных.

С тех пор я ближе узнал православных и понял, что и среди братьев по вере полно борцов с переливанием крови (а также с прививками). Даже «старцы» такие есть (которые тут совершенные «иеговисты»), утверждающие, что вместе «с чужой кровью при переливании переходят и чужие грехи».

А уж сколько православных сектантов лишают жилья своих ближних, продают квартиры и уезжают «спасаться» в монастыри, землянки, к «старцам», пытаясь спрятаться от антихриста, штрих-кодов и шестерок — не счесть, куда там «свидетелям».

И вот теперь СИ запретили, а митрополит Иларион (Алфеев) выражает свое одобрение: мол, так и надо, те нарушают гражданское законодательство и «по крайней мере, они перестанут открыто приравнять себя к христианским конфессиям, — это к лучшему».

Параллельно с этим суд Верх-Исетского района Екатеринбурга тоже поступает «к лучшему»: осуществляет безумный фарс под названием «суд над ловцом покемонов», в котором те, кто «приравнивают себя к христианским конфессиям», т.е. православные, усердно оскорблялись в своих чувствах, при поддержке священников и равнодушном молчании епархии и патриархии. И, несмотря на то, что группа здравомыслящих христиан выступила против этого позора, оскорбленночувственные православные показали, на чьей стороне «правда»: одного из защитников Руслана Соколовского — историка Алексея Мосина — внесли в неофициальный «запретный лист» епархиальных СМИ (в этом листе, кстати, находятся протодьякон Андрей Кураев, отцы Александр Мень и Александр Шмеман, прот. Георгий Митрофанов, игумен Петр Мещеринов — это те люди, «которых в эфире быть не должно»).

И вот теперь прокурор просит посадить ловца покемонов на 3,5 года (столько и дали, но условно — прим. 2018 г.). Повторяется история 2012 года с Пусси

Райот — тогда РПЦ не сделала никаких выводов из того, что она, РПЦ, «приравнивает себя к христианским конфессиям». Наоборот, чисто язычески глупых хулиганок подвергли показательному наказанию, несоизмеримому с их поступком. Теперь то же самое: вместо голоса любви и милосердия к парнишке-атеисту — «оскорбленные чувства» и «борьба за святыню» при помощи карательной машины «правосудия».

Только почему-то вдруг эта святая борьба и эти праведные чувства приводят к тому, что екатеринбуржцы дружно выходят на Плотинку и протестуют против возведения Храма-на-воде, посреди городского пруда реки Исети. А протестуют именно потому, что такого православия людям не надо. Православия, которое нагло и нахраписто требует, угрожает, оскорбляется и призывает власти сажать неудобных за мелкое, никому не повредившее, хулиганство на реальный срок.

Люди не хотят такого православия, которое считает покемона в храме кощунством, а снос исторического памятника — церкви XVIII века на территории женского Ново-Тихвинского монастыря Екатеринбурга — своим личным делом, делом собственника. Православия, представители которого говорят защитникам культурного наследия: валите прочь, вы никто и звать вас никак, мы тут с властями все порешали, у нас все хорошо.

Люди не хотят такого православия, которое целуется («окармляет») и дружит с теми госорганами, которые еще несколько десятилетий назад разрушали храмы, сажали и расстреливали верующих. Тогда, правда, тотальное кощунство воспринималось православными смиренно, зато теперь представители тех кощунствующих органов стоят в храмах со свечками, но продолжают — теперь уже вместе с церковью — сажать инакомыслящих, которые «не уважают государство и президента».

Да, православные уважают государство и всякую власть — даже тогда, когда эта власть душит их за горло, они продолжают воспевать здравицы царю-батюшке, будь он хоть товарищем Сталиным: власть — это святыня сама по себе, почти на уровне с Богом (в Которого многие верят не как в Распятого на Кресте Раба, а как в Большого Босса). Эту максимум многие православные усвоили куда лучше, чем Символ веры или заповеди Нагорной проповеди.

Вот на днях снова некоторые сурововерующие соблазнились акробатическими упражнениями в храме на детском празднике, мол, такое

кощунство, что гром и молния, а батюшки, допускающие такое, «профнепригодны».

Наверное, акробатике в храме и впрямь не место, но дело ведь не в акробатике конкретно. Это все звенья одной цепи: когда главный начальник всех православно верующих в России борется с «ересью гуманизма», то и все человеческое, живое из такой церкви изгоняется. Остаются только те победители, которые веруют, что человек для субботы, а не суббота (храм) для человека. Остаются со своими святынями, победами, оскорбленными чувствами, правами собственника — только человека изгоняют вон. Потому что человек для них не святыня — он лишь овца, ходячее мясо с шерстью и молоком.

«Ересь гуманизма» — самый страшный сегодня соблазн. Потому что эта ересь призывает овцу стать человеком и начать думать своей головой, а не бляеть покорно под дудку пастырей. И вот такое овцам не прощают.

Ксения Волянская

БАОБАБ И ЗУБАСТАЯ ОВЕЧКА

2003 год. Разгром выставки «Осторожно, религия».

Я еще не работаю на православном радио, но история так меня задевает, что я пишу в газету «Известия», и мою заметку публикуют как письмо читателя. Называлась она «Апофеоз лицемерия», а лицемерами я в ней называла организаторов выставки. Для доказательства правоты своей позиции я приводила простой как мычание аргумент: вот если продвинутый художник возьмет фото ваших родителей, смонтирует с порнографической открыткой и выставит на всеобщее обозрение, неужели вы не вознегодуете и не попытаете уничтожить это «произведение искусства»?

Себе тогдашней я много что могу сейчас возразить. Во-первых, откуда я узнаю о том, что художник оскорбил моих родителей? Я увидела это случайно? Тут может быть две реакции. Я рву картинку, а потом смиренно отвечаю за порчу имущества — при этом не воплю во все горло, что меня наказывают безвинно. И второй вариант — я подаю в суд о защите чести и достоинства и скорее всего его выигрываю.

А еще сейчас я понимаю, что сравнивать с родителями Бога, Богоматерь и Церковь можно только в определенном смысле. Родителей – как вообще ближних — мы должны любить, а значит защищать. Бог и святые в нашей защите не нуждаются, Создатель на оскорбления в Свой адрес, я думаю, смотрит так же, как мы — на отчаянный лай маленького смешного пекинеса, увязавшегося за нами на улице, — снисходительно и с юмором. Если, конечно, Он – Бог-Вседержитель и Творец, Бог-Любовь и Бог-Искупитель, а не Перун какой-нибудь или Зевс.

Итак, в той своей заметке я безоговорочно осуждала устроителей выставки и поддерживала тех, кто устроил на ней погром. О православном активизме мы тогда не слыхали, и погромщики казались рыцарями веры без страха и упрёка. Тогда церковь еще воспринималась как недавно гонимая, восстающая из пепла, слабая и нуждающаяся в защите. Оговорюсь с самого начала — для меня, как и для многих верующих людей, есть церковь и Церковь, институт и Тело Христово, есть Церковь Христова и есть Ее темный двойник, о котором писал Сергей Фудель.

В 2003 году хулиганствующие православные были задержаны, против них даже было заведено уголовное дело, правда, не сидели они, дали подписку о невыезде. Это и вызвало тревогу и протест. Как же, ведь не прошли мимо кощунства, смело ринулись в бой, потому что увидели, как обижают святое для них. Но прошло полгода – и дело признали незаконным, а спустя два года уже организаторов выставки признали виновными в разжигании национальной и религиозной вражды. Прокурор просил три года, но закончилось штрафом в сто тысяч. Однако, это были цветочки, а с принятием абсурдного закона о защите чувств верующих дело пошло веселее.

Как-то незаметно получилось так, что мы защищали нежный зеленый росток, а прошло десятилетие – и росток вымахал в баобаб, пронизывающий мощными корнями все окружающее пространство и удушающий своими ветвями все живое кругом. «Вот приходит православный – говорит: теперь я главный».

«А поутру с похмелья пошли к реке по воду,

А там вместо воды — Монгол Шуудан».

Один из тех, кто казался мне, неофитке в розовых очках, рыцарем веры, — Алексей Кульберг — возмужал и стал сначала священником, а потом и

князем Церкви. Теперь ему, епископу Среднеуральскому Евгению, викарию Екатеринбургской епархии (ныне, на лето 2018 г. — епископ Нижнетагильский и Невьянский), и другим рыцарям не надо марать руки хулиганскими выходками, как поступал пресловутый и уже почти забытый их последователь Дмитрий Цорионов/Энтео, ведь отныне кощунников может наказать государство, надо только вовремя ему помочь. Ну, и немного терпения проявить, пока длится процесс. И помогли — священники храма Большой Златоуст Екатеринбурга организовали для прихожан просмотр роликов ловца покемона Руслана Соколовского, чтобы помочь им оскорбиться и пойти в суд свидетелями.

И сейчас апофеозом лицемерия я называю уже не защиту людей, обвиняемых в кощунстве и богохульстве, а, напротив, уголовное судилище над ними и приговор им от лица верующих. От лица христиан, призванных прощать не только оскорбителей, но и гонителей своих. Нынешние защитники веры настолько извратили смысл христианства, что проповедуют невозможность прощения без публичного униженного покаяния, и утверждают, что человека можно «изнасиловать прощением», что, конечно, нехорошо. А вот Господь наш Иисус Христос ничего не знал об этом и простил Своих распинателей, то есть изнасиловал их Своим прощением, по мнению представителей Церкви.

Я очень благодарна тем христианам, которые не боятся высказать свой взгляд на происходящее безумие, когда гонимые оборачиваются гонителями.

Я уверена, что таких людей было бы намного больше, если бы не пропаганда православных СМИ. И те, кто не восприимчив к этой пропаганде или просто не слушает условное «радио Радонеж», реагирует на все это абсолютно здраво. Помню, когда в разгаре была история с Pussy Riot, я заговорила об этом с подругой, которая много лет работает в церковной лавке, читает в основном православные книги и Библию. Она, когда узнала о реакции верующих, призывах сжечь и посадить в тюрьму или на кол кощунниц, посмотрела на меня удивленно и сказала: «Странно, они что, Евангелие не читали? Как ученики просили Христа наказать жителей самарянского селения за то, что не приняли Его, и что Он им сказал: «Не знаете, какого вы духа?»»

Помню, у моих детей была такая православная книжка-малютка в мягкой обложке — про овечку. В книжке в аллегорической форме малышам

показывалось, как прекрасна кротость овечки и как было бы противно Божьему замыслу, если бы это мирное животное отрастило страшные рога и клыки, чтобы защищаться от врагов и повергать их в страх и бегство. А теперь образ христианина на глазах изменился. Нынче сравнение с овечкой непопулярно. Овечка вооружилась когтями и зубами и извергает огонь из пасти. Она не только научилась защищаться, но и преследовать врагов. И это не просто грустно — это страшно.

А меня тема кощунства и ответа на него сопровождала от первого до последнего дня моей работы в качестве ведущей на православном радио «Воскресение». Один из первых эфирных дней я начала комментарием консервативного публициста Максима Соколова о выставке «Запретное искусство», организаторов которой тоже позже судили за разжигание религиозной вражды. Тогда я была безоговорочно на стороне обвинителей.

Через 11 лет меня попросили уволиться из-за позиции историка Алексея Геннадьевича Мосина, выступившего на стороне защиты в деле Соколовского. Я сообщила многолетнему участнику просветительских радиопередач, что отныне его имя в стоп-листе, и мы не сможем больше вместе работать. После того, как эта информация стала достоянием гласности, мне дали понять, что я больше на радио не нужна.

11 лет назад мне казалось, что чувства верующих нуждаются в защите. Сегодня я уверена, что пресловутые изменения в 148 статье, по которой теперь арестовывают и сажают (под одобрение православного большинства), и которая критерием православности сделала степень оскорбляемости, должны быть отменены. Иначе, боюсь, их отменят вместе с новыми гонениями на Церковь.

Алексей Плужников

ХРАМ НА ВОДЕ ИЛИ В ДУШЕ?

Уже не первый месяц (текст написан в сентябре 2017 г. — А.П.) в Екатеринбурге бушуют страсти вокруг предполагаемого строительства в акватории городского пруда храма святой Екатерины, или, как его окрестили, Храма-на-воде. Епархия вместе с чиновниками и олигархами хотят этот храм построить прямо посреди пруда, а городские активисты (среди которых, как

ни удивительно, немало и православных верующих) выступают резко против, проводят пикеты.

А СМИ регулярно опрашивают экспертов и жителей (меня тоже спрашивали): нужен ли храм именно в этом месте, если в шаговой доступности есть еще несколько; стоит ли учитывать мнение граждан при строительстве храмов; не слишком ли много храмов строится и не лучше ли вместо них строить больницы и стадионы и т.п.

И ответы на эти вопросы (любые: хоть за, хоть против) обычно только подогревают агрессию и взаимную неприязнь. Так происходило и происходит с Исаакием в Петербурге, в парке «Торфянка» в Москве, так происходит в Екатеринбурге и других городах, когда встает вопрос о строительстве храма в общественно значимом месте или о передаче каких-либо зданий РПЦ.

Но мне кажется, проблема взаимной неприязни и бессмысленности ответов на подобные вопросы в том, что нужно задавать совсем другие вопросы и отвечать на них нужно не словами, а принимая другие решения.

Первый из таких вопросов: кому нужен помпезный храм посреди пруда (в парке, на главной площади и т.п.) да еще и под маркой «восстановления святыни»? (Напомню, что храм Екатерины был кафедральным собором Екатеринбургa и располагался там, где сейчас находится фонтан «Каменный цветок». Несколько лет назад епархия уже поднимала вопрос о строительстве собора на старом месте, но тогда горожане выступили резко против, и епархия отступила.)

Храм посреди пруда нужен чиновникам, олигархам и функционерам РПЦ (то есть руководству епархии). Потому что это бизнес, это власть, это деньги, это помпа и эффект, это сигналы наверх (нет, не в небеса): в Кремль, в патриархию — гляньте, мы крутые, мы эффективные менеджеры, мы делаем привлекательные проекты, попутно переливая денежки из одного кармана в другой. Накануне выборов это важно — греметь кастрюлями.

Бог, верующие? А, ну да, учтено: Богу от нас — слава, титановые купола и громкие звон колоколов, кресты, упирающиеся прямо в небо. Верующим — еще один ДТРК (духовный торгово-развлекательный комплекс), куда они смогут приходить, чувствуя себя букашками перед величием многомиллионного по стоимости иконостаса или мраморных колонн,

попутно выкупая продукцию «патриархийного» монополиста — завода «Софрино»: свечечки, иконочки, крестики-цепочки-ладанки. Ведь епархия должна же платить свои взносы (и немалые) в патриархию, а новый большой объект отлично для этого подходит.

Нужно ли спрашивать мнение жителей города? Простите, вы путаете Россию с какой-то занюханной демократической странишкой, где мнение граждан вообще кого-то волнует. На Руси мнение народа — смердов, холопов и крепостных — никого никогда не интересовало. Захотел князь или царь, боярин или помещик забабахать роскошный храм — вызвал себе архитектора итальянского и вперед, во славу Божью. И из глубин веков эти князья нам могут сказать: да, мы делали что хотели, зато теперь вы можете ездить по Золотому кольцу, выпускать календари с видами старинных храмов на фоне заката, а развалины церквей в вымерших деревнях вообще шикарно смотрятся. Чего вам еще надо?

Так же ныне рассуждают митрополиты, губернаторы и олигархи: вы сейчас вякаете, быдло интеллигентское, бездуховное, а ваши потомки быстро забудут про все споры и скандалы и будут фоткаться на фоне Храма-на-воде и писать в Инстаграме, что, мол, этот храм — главная туристическая фишка Екатеринбурга. А те, кто сейчас возмущается, — это «общественные террористы», как назвал противников строительства храма губернатор (на тот момент врио) Евгений Куйвашев.

И еще: активисты-общественники сражаются порой не с теми, с кем надо. Среди риторики противников строительства этого храма (или среди противников передачи Исаакия, или среди противников строительства храма на «Торфянке») часто присутствует возмущение против верующих: мол, совсем веруны обнаглели, всюду свои храмы натывают, заколебали со своим православием.

Вера тут совсем ни при чем. Не надо путать веру с бизнесом, а христианство — с РПЦ (под РПЦ я тут понимаю патриархию — иерархическо-бюрократическую верхушку, номенклатуру — патриарха Кирилла с его аппаратом и епархиальных архиереев, ориентирующихся на аппетиты Кирилла).

Вопросы веры и храмов для верующих решаться должны совсем в иной плоскости. (Подчеркну: для верующих, для христиан, а не для

«православных» язычников, которые ходят в храмы как в комбинаты религиозно-бытовых услуг для получения определенных благ. Для которых священник — это жрец-шаман, решающий житейские проблемы встряхиванием бубна (кадила), и бесплатный психотерапевт, которому можно поплакаться и пожаловаться на ближних, а христианские таинства (крещение, причащение, исповедь, соборование, венчание) — это суеверные обряды, которые принимаются бездумно, потому что «так надо», «нам так сказали», «чтобы ребеночек не болел», «говорят, это помогает»). Говорю «должны», потому что в условиях нынешней РПЦ это не более чем теоретическая риторика, неприложимая к практике.

В идеале храм — это молитвенный дом, куда собирается община верующих. Именно эта община и называется церковью, собранием, а храм — просто помещение для церкви-общины. Отсюда следует, что каждый храм должен быть делом только этой общины. Собралась община верующих, им нужно помещение. Они купили клочок земли, построили на нем дом, который может быть красивее окружающих домов, с куполом и крестом (а может и не быть, это ведь не так важно).

И на этом все проблемы сами бы отпали. Просто частный дом, в котором люди молятся. Он не мешает окружающим своими размерами, он принадлежит общине, он не занимает общественные территории, он не построен на ворованные деньги, на него не наложена грязная лапа чиновников и олигархов — спонсоров-«ктиторов». По сути, так поступают в России протестанты — часто ли вы видите помпезные храмы баптистов, например, мозолят ли они кому-то глаза? Нет, у протестантов все скромно и на собственные средства.

Но проблема в том, что в РПЦ это абсолютно невозможно. Потому что любая собственность, по уставу РПЦ, принадлежит епархии. То есть община может, конечно, построить такой скромный храм, но священника из этой общины в любой момент могут снять, перевести и назначить такого, который из дома молитвы, из места, где присутствует Христос, превратит его в очередной магазин ритуально-духовных товаров. Да и общину из такого храма тоже возможно выгнать или, по крайней мере, полностью устранить от влияния на решения каких-либо вопросов в храме — финансовых или других.

Поэтому часть верующих тоже вместе с активистами выступает против строительства храмов на воде, на горе, в парке, против передачи Исаакия,

потому что понимает, что РПЦ (патриархия — см. выше определение термина) действует не в интересах верующих, а сугубо в собственных.

Поэтому основные вопросы должны быть таковы:

1. В какой стране мы живем, есть ли у нас демократия и гражданское общество?
2. Кому принадлежат храмы и на чьи деньги они должны строиться и содержаться?
3. Есть ли связь христианства с РПЦ (патриархией)?

А верующим и неверующим, православным и неправославным, сторонникам храмов и противникам надо бы научиться слушать и слышать друг друга. Может быть, они на самом деле не враги, а друзья? А вот те, кто кажется другом и товарищем по вере или борьбе, на самом деле таковыми не являются, а лишь используют нас как расходный материал?

В общем, как давно сказали классики, надо определиться: кто виноват и что с этим делать.

P.S. На лето 2018 г. ситуация с храмом святой Екатерины пока такова: вроде бы от строительства посреди пруда отказались. Вроде бы.

Опубликовано в газете "Московский комсомолец" №27501 от 21 сентября 2017.

Ксения Волянская

ПРАВОВЕРНАЯ НЕТЕРПИМОСТЬ

В первые годы работы в качестве ведущей на православном радио я вела цикл передач про секты с руководителем миссионерского отдела епархии. Я тогда, конечно, читала Александра Дворкина, его монументальный кирпич про сектоведение, и все, кто верит не как православные, представлялись мне людьми в лучшем случае глупыми и недалекими, а в худшем — опасными. И вот почти на каждый прямой эфир звонила одна милая пожилая женщина и комментировала наши антисектантские беседы примерно так: «Зачем же вы так нетерпимо? Вот я тоже православная, но я думаю, что Бог один, и каждый идет к нему своей дорогой».

Конечно, мы с эфирным батюшкой относились к словам этой слушательницы насмешливо, переглядывались понимающе — мда, ну и темные же люди, — и

свысока объясняли прописные «истины» о том, что называющие себя христианами протестанты разных толков, а тем более свидетели Иеговы и прочие не имеют ровно никакого отношения к христианской церкви, держаться от них надо подальше, чтобы не погубить свою душу.

Что уж говорить, если у нас на радио некоторые ведущие ничтоже сумняшеся говорили в эфире: «католики – наши враги», месяцами вещал профессор Осипов со своими страшилками о католицизме, а на меня писали доносы в патриархию по поводу передачи о докторе Гаазе. С несколькими слушателями я пыталась вести диалог, когда они звонили, переполненные праведным гневом по поводу добрых слов о католике или протестанте на православном радио, но это оказалось бессмысленным. И люди не виноваты. Если постоянно слушать о том, что все не православные – враги, только и думающие, как бы затащить православных в свои сети, поневоле будешь всех таковых, живых или мертвых, бояться, презирать или ненавидеть.

Некоторые послабления появились со временем в отношении тех, кого иногда печатали в ставшем официозном журнале «Фома»: Честертона и Льюиса, их произведения звучали у нас в эфире, хотя периодически и подвергались нападкам со стороны слушателей-ревнителей. Помню, у меня был цикл по «Письмам Баламута», так одна такая дама звонила и гневно вопрошала: «Когда уже вы закончите говорить об этой сатанинской книге?»

К чему я все это вспомнила? К истории с неотпетым малышом в Запорожье. И отвратительным оправданиям, прозвучавшим из уст местного владыки. Попы, мол, в Киевском патриархате – неправильные попы, их таинства – не таинства. То же превозношение, презрение и ненависть, что и по отношению к сектам, настоящим и мнимым, другим деноминациям и религиям.

А теперь задумайтесь о том, как это выглядит со стороны. Да, давно и прочно «уцерковленные», чей мозг форматировался годами под заданные параметры, видят то, что положено, и не видят того, что видеть не рекомендуется. Но тем, на чьи деньги, собственно, существует вся контора РПЦ МП, так называемым захожанам, а также потенциальным прихожанам из агностиков, — как им видится соперничество МП и КП в Украине? Вот что думает об этом наша читательница из Запорожья Наталья Доня:

«Написать это подтолкнула меня трагедия, случившаяся в нашем городе в канун Нового года. 39-летний мужчина совершил самоубийство, выпрыгнув с 8-го этажа, как раз в тот момент, когда из подъезда выходили отец с двухлетним сыном. Самоубийца упал прямо на мальчика. Спасти ребёнка не удалось. Священник, которого пригласила ритуальная служба, отказался отпевать ребёнка, когда узнал, что его крестили в церкви Киевского патриархата. И началось...

А вернее, продолжилось. Потому что это противостояние уже достало. Я в прямом смысле живу между двумя церквями: с одной стороны дома — Московский, с другой — Киевский патриархат. Прихожане носятся по праздникам с корзинками из одной церкви в другую, либо с выпученными глазами шепчутся о том, кто в какую ходит.

Для меня, простого наблюдателя, все это выглядит как криминальные разборки, дележ территории и бабла. Я перестала задаваться вопросом: почему свечи, обряды в церкви за деньги, почему матушки в бриллиантах, а батюшки на мерседесах — это духовное или материальное? На языке крутится только фраза из «12 стульев»: «А может вы, святой отец, еще и партийный?»

Я перестала заходить в церковь. Меня туда не тянет. Есть в доме уголок для икон и свечей — и хорошо. А Бог внутри».

Отлично знаю все, что прозвучит в ответ от православных: «она не понимает, что такое Церковь», «так можно и в больницу не ходить и не лечиться, если вам врач не понравился», «в церковь ходят не к людям, а к Богу».

ОК, остановимся на больничной метафоре. У вас в городе десять больниц. В одной из них вам постоянно рассказывают, какие косорукие и слепошарые недоучки-вредители работают в других больницах, и запрещают вам не то что лечиться там, а даже нос совать на «вражескую» территорию — зайти, оглядеться и сравнить качество обслуживания и профессионализм персонала.

Да, если вы годами ходите к одному и тому же врачу этого заведения, вы привыкнете и все вам будет казаться правильным, и в другие больницы вы будете бояться обращаться, будучи уверенным, что вас обманут и ограбят. Но если вы пока лишь приглядываетесь к городским лечебным учреждениям, расспрашиваете знакомых и изучаете отзывы: захотите вы

идти туда, где конкурентов поливают грязью? А если зашли в эту больницу, то пойдете ли в следующий раз, наслушавшись от врачей, что медики из соседнего здания: сыны дьявола и их лечение сведет вас в могилу? Пойдете – если внушаемы и склонны доверять первому подвернувшемуся доктору, только потому, что на нем белый халат, а на шее болтается стетоскоп. И не пойдете – если есть здоровый скепсис и здравомыслие.

Если вы думаете, что я сейчас только про РПЦ – вовсе нет. Такую нетерпимость можно наблюдать и у протестантов, и у католиков, и, конечно, у православных разных мастей, включая и прихожан того же КП.

Конкуренция на религиозном поле – такая же жестокая и беспощадная штука, как на поле бизнеса или политики. Приятно знать, что пусть сам ты несчастен, переполнен комплексами и фобиями (ладно, назовите это грехами), но та великая общность, к которой ты принадлежишь, – крута, велика и непорочна, а значит, держись ее, берегись и кусай чужаков – и спасешься.

Интересно, такая грызня и взаимная непримиримость – это неотъемлемое свойство любой религиозной институции, позволяющее контролировать паству и в итоге выживать экономически? Скорее всего, нет, по крайней мере в это очень хочется верить. И, кажется, некоторые уже поняли, что демонизация тех, кто верит не так, как ты – не лучший способ существования в современном мире. Вспомним католиков, охотно предоставляющих свои помещения для православных богослужений, об этом даже по ТК Союз в простоте сердца как-то раз рассказывал батюшка, побывавший в Бари. Или недавний пример из бездуховной Америки: мусульмане пригласили прихожан Мичиганской унитарной универсалистской конгрегации проводить воскресные службы в мечети в период ремонта в здании их общины.

Добрая наша слушательница радио «Воскресение», если вы читаете эти строки, скажу вам, пусть и с опозданием: вы правы, нетерпимость – одна из самых тяжелых и, боюсь, неизлечимых болезней правоверных, и лекарства от нее еще не найдено.

Алексей Плужников

БЕГУЩИЕ ПО КРАЮ НУЖНИКА

Есть два пункта упреков, среди прочих, наиболее часто повторяющихся со стороны благочестивцев в адрес ахилловских авторов:

«Да вы же сбежали! Бросили Церковь! А теперь смеете...!»

«Не надоело еще в дерьме копать?! Сколько можно на Церковь через нужник заглядывать?!»

Давайте немного разберем эти аргументы.

Про «сбежавших»

Этот аргумент повторяется в адрес всех наших авторов, даже тех, кто никуда не сбегал, а продолжает подпрыгивать на одном месте. Ну, это ладно. Видимо, риторика переносится на всех из-за редакции «Ахиллы» — раз они «ушедшие» и «сбежавшие», то и все на их страницах таковое. Хотя, как известно, это нарушение законов силлогизма (в стиле «У Васи кривая рожа. Вася человек. Следовательно, у всех людей кривые рожи»).

Но оставим логику, вернемся к «сбеганию» и «бросанию».

Этот аргумент всегда произносится (сознательно или нет) с чувством превосходства («а мы вот — не бросили!») с одной стороны, а с другой — с чувством удовлетворенного презрения («ха, трусы и предатели! Во времена товарища Сталина вас бы к стенке поставили без суда и следствия, как дезертиров!»).

«Пребывание в Церкви» благочестивцами понимается, в таком контексте, как некий то ли крестовый поход, то ли рейд партизан по тылам фашистов. Слабых быть не должно. Раненых — бросать, потому что дело — важнее. Ранен? — вот тебе граната, когда подойдут враги — подорвись вместе с ними. А мы пойдем дальше — вместе мы сила, но только тогда, когда именно сила. А когда есть слабые — см. выше. Слабость, болезнь, раны и тем более побег (даже в госпиталь) — это преступление.

В общем, подразумевается, что «быть в Церкви» значит делать очень важное общее дело, в котором важен каждый участник, без которого все ослабнет или даже сломается. Это такой часовой механизм, или механизм автомобиля — все должно слаженно крутиться, двигаться в одном направлении, к единой цели.

Так какая же эта общая цель, дело, которое нельзя бросать?

«Конечно же литургия! — сразу же воскликнут благочестивцы. — Разве ты не знаешь, олух, что это и переводится как „общее дело“? Мы все должны приходить в храм, исповедоваться и причащаться — вот наше дело! Община, спасение в едином Телѣ, благодать Святого Духа, стадо овец в главе с патриархом или батюшкой-пастырем идущее в рай! А сбежавшие — это паршивые овцы, и путь их — в пропасть! (Так им и надо!)»

Вы уверены в своих словах? Так оглянитесь вокруг себя. Видите, вон в храме стоит юноша печального образа, за столбом? Он стоит там уже три года — вы знаете, как его зовут? А помните, тут все ходила согнутая старушка с клюшкой, всю службу крепко стояла, ни разу не садясь? Не помните? Ну да, она уже не ходит год. Почему? Где она, что с ней? Болеет, умерла — а может, «сбежала»? Может, предала Церковь и ушла к иеговистам? Или променяла спасение и единое Тело на грядки с капустой? Не знаете? А как насчет сходить к ней домой и узнать, как там член единого Тела, сестра во Христе поживает, здорова, жива ли? Не знаете адреса? А, даже имени ее не знаете? «Бабка и бабка, кому она сдалась».

Вы все еще уверены про общее дело и общий путь? Или для вас быть церковью (как некоторые меняют риторику после таких неудобных вопросов) — это хотя бы приходить причащаться? Мол, ладно, общиной и телом быть не получается, не те времена (урбанизация, глобализация, апостасия, все дела), но зато можно «мистически» относиться — пришел, отстоял, открыл ротик, сглотнул из лжицы, духовно-мистически «соединился» со всем Телом и с Самим Главой — все, я в домике. Пардон, в Церкви.

В общем, «сбегать» нельзя от хождения в храм, «бросать» нельзя, по мнению благочестивцев, причастие, несмотря ни на что и ни на кого.

Помните, как в благочестивых брошюрках любили писать, что если ты подходишь к причащению в грехах и не подготовившись, то причастие будет тебе «в суд и осуждение»? И что «батюшка тебя причастит, а ангелы не причастят»?

А наоборот может быть? Недостойный священник или архиерей, который «в Церкви», но при этом ангелы не позволят ему совершить причастие других своими еретическими или морально грязными руками? Помните байку про

какого-то архиерея (Иоанна Шанхайского? не помню), когда Дух Святой все никак на Дары не хотел сходить, и тут архиерей прозрел, что это из-за дьякона, который накануне «возлег» со своей женой, охальник эдакий. И только после удаления дьякона из алтаря, Дух соблаговолил сойти.

А в прочих случаях, когда архиереи или попы — голубые, сребролюбцы, воры, стукачи, агенты КГБ, купившие сан, гнобящие нижестоящих, просто козлы по жизни — такой же подход на Духа не действует?

«Нет, — говорят, — туточки все ех опере operato. Раз правильно рукоположенное существо в красивых тряпочках важно пролаголило нужные буквы, сложив их в слова, то и говорить не о чем: done! Наше дело — смиренно принимать по вере, а не осуждать пастырей!»

Вот, именно. Повторим для закрепления. «Быть в Церкви» в понимании благочестивцев — это идти единым теоретическим строем в правильный путь к великой победе, «с карамелькой за щекой» (простите, с регулярным причащением), оставляя раненых и забывая по дороге слабых (как пел Егор Летов, а до него — Михаил Светлов в стихотворении «Гренада»: «Отряд не заметил потери бойца»). В практической же реальности «сбежавшие» и «бросившие» никого не интересуют, ни пастырей, ни братьев-сестер, праведный гнев на них и презрение возникают только тогда, когда эти «бывшие» смеют появиться, открыть рот и что-то неприятное сказать о своем церковном прошлом и (негодяи!) — о братьях-благочестивцах и священноначалии.

Гуано церковное

Да, аргумент «хватит копать в церковном дерьме!» именно про это — когда «бывшие» смеют осуждать священноначалие. Обратите внимание еще раз: осуждать бывших благочестивцам можно — это ведь даже не осуждение, это праведный гнев, приправленный (конечно же!) желанием заблудшим овечкам «спастися и в разум истины приити». А вот недовольство священноначалием — это грех сам по себе. Впрочем, это общий принцип — нижние не смеют критиковать высших. Хотя, если в «падшем» светском мире это понятно и естественно, то в церковном мире как бы любви и как бы братства, в мире, где «если хочешь быть первым, будь всем слугой», на это мог бы быть другой взгляд... Теоретически, практически же есть то, что есть: «князя церкви», «их святейшества», «исполати деспоту», священнические

прошения на отпуск, подписанные «нижайший/смиранный послушник вашего преосвященства» и т. д. и т. п.

Но вернемся к нужникам и их наполнению. Радует, что благочестивцы все же признают само наличие «отходов» жизнедеятельности «церкви».

(Повторюсь: когда возмущаются «копанием в дерьме» со стороны бывших, то под этим понятием подразумевается только одно — критика иерархии, а также их законов/канонов, которые ими же и не выполняются, но налагаются на других.)

Радует, потому что до сих пор есть немалое количество восторженных благочестивцев, которые твердо уверены, что батюшки в туалет не ходят, питаются святым духом и просфорками, а дети у них с матушкой получают сугубо путем совместного чтения акафистов перед иконой «Помощница в родах». А архиереи прилетают на службы, как апостолы на погребение Богоматери: на облаках воздушных, несомые ангелами-геликоптерами. Митрополит Нижегородский Георгий — тому святое подтверждение, например.

Но все-таки, значит, дерьмо есть, и оказывается, что его уже так много, что нужники начинают переполняться и вонять не только на весь церковный двор, но и внешний мир за оградой начинает брезгливо принюхиваться и прикрывать носы.

Возникают вопросы: почему дожили до того, что нужники переполнены? Кто столько жрет, что даже глубокие ямы церковных дворов не справляются с нагрузкой? Кто будет очищать нужники? Куда девать эти отходы?

«Ну уж точно не вы! — гордо выпятив грудь, заявляют благочестивцы. — Вы сбежали, а значит потеряли право не только пользоваться нашими сортирами, но и возмущаться вонью, идущей оттуда! Решать вопрос уборки нужников будет... эээ... да — наше священноначалие! Им дана власть, благодать, они соберутся на заседание Синода, создадут комиссию по канонизации нужников, просите, саноочистке, назначат руководителей комиссии, выслушают доклады, „примут к сведению“, „возблагодарят Бога“... А там, глядишь, само и рассосется!»

Пардон, говорят им бывшие овечки, но ведь как раз сами архиереи и являются главными поставщиками гуано в нужники, да еще и в очко не всегда попадают. А вот с лопатой и ведром на очистке мы их что-то не

видели. Прошли времена древних старцев типа Иоанна Дамаскина, которые за счастье считали сортиры чистить. Теперь сортиры золоченые, персональные, куда ходят после сытного аскетического банкета с икоркой, балычком и хамончиком.

«Тогда, тогда...! — кипятятся благочестивцы, — есть православная общественность, во! Соберутся благочестивые журналисты, одухотворенные блогеры, каааак нарежут правду-матку в наиортодоксальнейшие СМИ, кааак покроют грех отцов наших Ноев тряпочкой — дерьмо как закидают благовониями — тут-то правда и воссияет, истина заблагоухает! А вы, вы совершаете хамов грех, когда про дерьмо отцов наших духовных пишете, во!» И, довольные своим твердым богословием и стоянием в отцах, благочестивцы потрут ручки.

Ну, отлично. Ждем. Ждем. Ждем... Простите, вы не уточнили: сколько лет или, может, десятилетий ждать, пока православная общественность зарежет правду в матке?.. А: «смиряться, терпите, не осуждайте»? «У Бога тыща лет как один день?» Ага, слышали, слышали, как же.

Все же знают, для чего еще кал используется? Правильно: для здоровья. То есть его сдают на анализы, врачи (люди, как правило, посторонние больным) изучают: что кушал человек, какие у него излишества, какие пути к выздоровлению. Или «церковь и есть духовная лечебница»? Ну, тогда делаем круг и снова спрашиваем: где врачи? Кто будет лечить? Кто будет говорить вслух диагнозы и выписывать рецепты? Патриарх, Синод, Межсоборное присутствие, соборное отсутствие? Смиренный Тихон, Иларион или какой-нибудь из отцов Чаплиных-Ткачевых-Смирновых-Волковых? Расскажите, нам очень интересно.

Заключение

А вы не задумывались, уважаемые благочестивцы, что проблема может быть не только и даже не столько в «бывших»? Действительно ли люди уходят из Церкви, когда уходят от вашей компании? Действительно ли критики совершают хамов грех, когда критикуют отцов своих Ноев? Действительно ли это пьяные, с голой ж... бородатые зажавшиеся мужики — это те самые Нои? А может, наоборот — это Хамы, которые уже давно убили Ноя и заняли его место? Может, брать из рук этих ноевообразных хамов причастие как минимум... негигиенично? Вы твердо уверены, что Бог с вами согласен? Что

Он этих митроносцев и вас, благочестивцев, назначил Своей Церковью?.. (Тут можно еще долго рассуждать про возможность альтернативы РПЦ — мы ведь про нее разговор ведем, в первую очередь. Может, часть «сбежавших» ушли бы в другие ПЦ, если бы был выбор, как в той же Америке. Или можно было бы вспомнить про времена обновленцев, когда некоторые из «тихоновских» архиереев прямо запрещали своим чадам ходить в «оскверненные» обновленческие церкви, говоря, что «Бог временно отлучил вас от храмов и от причастия, до лучших времен». Или вспомнить Сергия (Страгородского) и непоминающих — кто из них и их последователей был церковью. В общем, тема широкая, многозначная, и не вмещающаяся в нашу краткую заметку.)

Впрочем, о чем я — конечно уверены. Именно эта уверенность и делает вас непрошибаемыми: ни к запахам из нужников, ни к критике извне. Ведь вы же ПРИЧАЩАЕТЕСЬ, а значит все отлично, все правильно, все спасительно (и «надо, мол, отделять мух от котлет», хотя насколько вкусны и полезны котлеты, затоптанные мухами?). А всякое там Евангелие с глупыми словами про «узнают вас по тому, что будете иметь любовь между собою» — ну так тут тоже есть известный аргумент: «земная Церковь состоит из грешников, нечего, мол, любви ждать, ишь, чего захотели!» Вывод: Церковь свята — ее не критикуй, а иерархию не критикуй, потому что (хоть они и люди, а люди — грешны, и любви от них не ждите) критикуя их, вы критикуете святую Церковь (ведь «где епископ — там и церковь»).

Ну, если для вас церковь — это нужник без любви или, хотя бы, элементарного уважения, где пьяные и наглые хамы пачкают святыню дерьмом, то, извините, нам не по пути. Мы лучше в другом месте поищем, или подождем, куда Бог выведет. Всех благ, адью.

Алексей Плужников

ВДУШЕБОГИ ПРОТИВ ДУХОВНОСТИ

Тут в фейсбуке разгорелась бурная дискуссия о захожанах. Краткая суть споров: относиться ли к захожанам с праведным презрением, называя их «развгодушниками», «яичниками», «вдушебогами» и т.п., или все же проявить «уважение», вернее, здравомыслие, помня, что захожане являются экономической основой существования прихода.

Последние три года я человек вполне «бывший» во всех отношениях, включая посещения храма, но до этого я 16 лет отдал церковной жизни, из них лет 12-13 — вблизи или внутри алтаря. Так что мне тоже есть, чем поделиться.

Типы захожан

Не скрою, долгие годы к захожанам я в целом относился довольно холодно, порой презрительно, порой с неприязнью. Но все, конечно, зависело от обстоятельств.

Есть категория людей, которых я не выносил, да и сейчас не смогу ничего сказать о них доброго. Это те, кто сами приходят в храм с недовольными лицами, смотрят с презрением, а то и со злобой на попов, и желают только немедленного «подай-принеси-иди нахрен». В своих книгах я немало приводил анекдотов, связанных с такими людьми («Продайте мне свечей — а ваш бог мне не нужен!!»). Вот этим людям я тоже придумывал прозвища: бадейщики (те, кто ломятся за святой водой 19 января) и куличники (те, кому кроме окропления куличей ничего больше от церкви не надо).

Но этих людей в церкви видишь обычно лишь пару раз в году, можно как-то пережить. Или максимально отвадить их от своего прихода.

Есть захожане куда более неприятного типа. Они не так хабалисты, как первый тип — потребителей вещественных благ, но осадок после общения с ними оставался куда горший. Это те люди, которые сознательно отвергают любую попытку, любой намек на собственную причастность к чему-либо религиозному (не говорю уже — христианскому): они не интересуются Богом («нуу, наверно, там что-то есть...»), им нет дела до Христа, Креста, Воскресения или спасения — им просто скучна и чужда эта тема. Но им «нужно»: покрестить ребеночка, повенчаться, отпеть покойника. Чисто утилитарно, как говорил один поп: «Крестился еси — венчался еси — отпевался еси». Ты, поп, давай не разводи базара, мажай ребенка, делай все, что положено и вали, ни ты, ни твоя церква, ни твой бог нам даром не сдались, да и вообще вы тут все на мерседесах.

Таких я обычно разворачивал, порой довольно жестко. Давал им понять, что поп не официант, а церковь не кабак и не бордель, где все за ваши деньги. Видимо, поэтому и денег у меня никогда не водилось, потому что был гордый.

Но были и другие захожане, самые разные. Кто-то, изредка приходя в храм, пугался всего «божественного» настолько, что убегал при виде черного жреца с крестом на пузе, и его было не догнать.

Кто-то, напротив, приходил именно покалякать с попом, и это его вполне в духовной жизни удовлетворяло (а попа выматывало эмоционально). Кто-то ничего не мог понять в богослужении, несмотря на три высших образования, а спросить стеснялся и поэтому вскоре исчезал, заглядывая лишь пару раз в год на большой праздник. Кто-то приходил в отчаянии, из-за болезней, смертей близких, ставил свечи, горячо молился, но как только ситуация менялась (в любую сторону), человек исчезал. Ибо если церковь — духовная лечебница, то зачем ходить к врачам без нужды?

Вариантов было много, и вот этих людей никак нельзя было как-то обозвать, навесить на них ярлык.

Бюджет

Да, захожане практически в любом храме — это бóльшая часть бюджета прихода, если только приход — не секта вокруг «старчика», где чужих не любят, а духовный вождь умело выжимает все соки из своих «чад». Но обычно, даже в самом честном и демократичном приходе (без ложной скромности скажу, что и наш маленький приходик был таким) захожане приносят процентов 70 дохода, а то и больше.

Потому что прихожане придут пару раз в неделю, поставят пару-тройку свечей, напишут свою привычную записку-две (везде по-разному, говорю, как у нас было), кинут пожертвование в ящик, ну, максимум добавят еще немного на выкуп очередной книги в приходскую библиотеку или на ремонт. Все. Поэтому воскресная служба приносила (вместе с субботним вечером) максимум несколько тысяч рублей (порой две-три всего). А в течение недели заходили те самые пресловутые захожане: свечи, записки, иконки, крестики-цепочки...

В итоге, только так приход мог выживать на самом-самом минимуме: платить епархиальный налог, покупать товар на епскладе, содержать священника, хор и даже умудряться порой наскребать что-то на косметический ремонт нашего вагончика. Потому что слова «спонсор» мы не знали. Разумеется, по моей вине — гордый, и лакеем быть у богачей не хотел.

Но это фактическая сторона дела насчет захожан. А веду я к другому.

Кто лучше?

Повторюсь: 16 лет жизни я полноценно отдал Церкви. Участием в службе (прихожанином, пономарем и священником), в ремонтах (своими руками в первую очередь), в ведении воскресной школы, в наполнении приходской библиотеки, в различных миссионерско-социально-благотворительных вещах, коими не хочу хвалиться. Да, я тоже часто проводил в храме время с раннего утра до позднего вечера, когда «захожане» лишь заходили на минутку воткнуть свечку за здравие и написать записку, а я при этом красил сам крышу или помогал мастеру перестилать полы. Я проповедовал, вел огласительные беседы, писал статьи, книги, был цензором епархиального склада литературы...

И что? Вот я про себя скажу, а вы про себя можете подумать, примерить сказанное: что, я стал чем-то лучше, чище, духовнее, светлее, умнее, человечнее, ближе к Богу, чем любой из захожан? Нет, ни на каплю. Мало того, стал намного хуже. Накопил кучу грехов, недостатков и самое главное — заболел основной болезнью практически всех воцерковленных людей — лицемерием. Научился говорить не то, что думаю, а то, что положено. Делать не так, как считаю честным, а так, как надо — патриарху, архиерею, благочинному, моей роли настоятеля, «духовника», «молитвенника», «заботливого пастыря», хрен знает кого еще. Жить не по совести, а по «типикону».

Год за годом живешь церковной жизнью, и этот груз лицемерия накапливается, накапливается, пока не раздавливает тебя. Я видел радостных неофитов, приходящих в храм, летающих «на крыльях благодати», — сам таким был. Но я не видел практически никакой разницы между прихожанином со стажем лет в 10-20 и атеистом, или тем же захожанином. Мало того — воцерковленный обычно хуже: потому что он вольно или невольно вынужден ежедневно играть свою религиозно-социальную роль — в храме, в семье, на работе, — а вот захожанин или атеист просто живут. Может, не так «божественно» и духовно, зато честно.

Мы ведь все опытные, все воцерковленные, да? И попы, и миряне знают — нет ничего более скучного, нудного и фальшивого, чем регулярная исповедь, все эти натужные слезы пожилых прихожанок у аналоя, мгновенно

высыхающие после возложения епитрахили; все эти сурово нахмуренные бородачи, докладывающие о своем «мшелоимстве» или «несмирении», все эти записочки с грехами по пунктам, которые можно заламинировать навеки, — ведь и исповедующий, и исповедующийся прекрасно понимают, что ничего не изменится, и что следующая исповедь будет точной копией предыдущей. Но все и дальше будут жевать эту роль, потому что — ну а как иначе?..

И знаете: только избавившись от постов, правил, праздничков, исповедей, стояний на службе, от всей епархиально-приходской рутины — я почувствовал себя освобожденным. Я избавился от огромного груза лицемерия, от сотен причин для невроза, мне не нужно переживать ни по поводу рациона или секса, ни по поводу епархиальных мероприятий, ни по поводу всего прочего — пустого и наигранного.

И я теперь захожу в храм на Рождество или на Пасху, но мне не нужна больше ни святая водица, ни освященный куличик, ни очередная иконка очередного святого, ни стопятысотый крестный ход посолонь (хотя я люблю крестный ход перед пасхальной заутреней под пение «Воскресение Твое, Христе Спасе...»). У меня больше не вызывают благоговейный трепет ни солидные бороды в камилавках, ни их кресты с украшениями, ни прочие исполати, важно шагающие из своих «келий» в свои «колесницы», чтобы прибыть на очередной престольный праздничек за своим очередным «конвертиком». Вся эта игра в бисер теперь воспринимается с легкой иронией и добродушием, но не всерьез.

Я посмотрел на ситуацию теперь с двух сторон. И могу сделать свой вывод: есть только одно неоспоримо нужное — жить честно и быть самим собой. А уж прихожанин ты или захожанин, схимник или вдушебожец, поп ты или проститутка, рпцшник или еще какой самой наистиннейшей веры в эволюцию — дело пятое. Лишь бы человеком оставался.

И хорошо бы поменьше рассуждать на тему, кто встретил Бога, а кто нет, и где встретил, а где потерял. Если Бог есть, то мы для Него никогда не потеряемся.

Но заблудиться в тумане над пропастью во лжи — мы можем.

А КТО КРЕСТИЛ «РАЗВГОДУШНИКОВ»?

На днях один известный игумен, утомленный кутерьмой, которую всегда устраивают номинальные православные на большие праздники, на своей странице в фейсбуке придумал для таковых иронично-уничижительное наименование – «развгодушники». А один добрый батюшка с одобрением перепостил и дал у себя на странице в фейсбуке старт веселому лингвистическому соревнованию христиан. Чего только не придумали. И вдушеверы(-верцы), и яйцебойцы, и вербо-, паско- и березосвяты, и свечкодержатели, и куличисвятители, и крещенсководонабиратели. Это все ярлычки для простого народа. Но нецерковной интеллигенции тоже досталось – «вдушебоги» они. А потом оба батюшки очень удивились, а один даже сильно разгневался, когда не все читатели поняли их юмор.

Ох уж эти бессмысленные захожане. В Богоявление толпятся в церковных дворах с канистрами и бутылками – нынче-то еще более-менее благообразно, ведь из любви к народу духовенство заказывает целые цистерны. А я помню времена, когда в священном рвении водолюбивые гражданки дрались в храме, ввергая в шок непуганых розовых неофиток вроде меня. Я с тех пор, как наблюдала подобную безобразную сцену в родном монастыре, много лет на крещенские службы не ходила, боялась опять впасть в осуждение. Свято верят граждане в силу целебной воды. Сколько им ни говори, что богоявленская, что крещенская – все едино, они тонко различают, для чего та, для чего другая. Лечатся ею – на клеточном уровне, она же информацию передает, как известно. Уж сколько над этими водосвятами-развгодушниками иронизировали, сколько просвещали, все равно – обвешаются своими бутылками и идут.

А как снисходительно мы смотрели на куличников: ты такая после бессонной ночи, проведенной в кухне, сидишь с корзинками и одновременно заняла очередь на исповедь, чтобы ночью причаститься как положено, а они зашли как в магазин, наставили своих коробок и подносов со снедью, полчаса подождали усталого батюшку с кропилом, и, довольные, пошли домой – ничего-то они не знают, не понимают, и вчера-то, конечно, на службу не приходили, с фонариком не ходили, под плащаницей не лазили, 4 часа на ногах не стояли, темный народ! А эти, которые ночью приходят на крестный ход, – протопали, послушали «Воскресение Твое» — петь-то не могут, слов не знают, — помаялись полчаса в храме да и пошли по домам, нехристи, куда

им, как порядочным, до 3-4 утра постоять! (Мы и в 5 с детьми возвращались несколько раз, и даже в полшестого-шесть, правда, это уж на Рождество. Вот это я понимаю — засыпаешь с чувством выполненного долга!)

В этом году я тоже была только на крестном ходе – разве бы я поверила в это лет 8 назад? Стала той самой развгодушницей, по поводу которых давеча прохаживались в ФБ просвещенные светом Христовым благочестивые комментаторы на странице известных батюшек. Просветились они так ярко, что про тех, кто за захожан заступился, выражались сурово, по заветам батюшки Иоанна Кронштадтского: «Да нет у них ни совести, ни чести. Никогда не читайте их. Лечить их надо, хоть и сложное дело. Но слушать — просто вредно, в такое болото уволочут, в такую трясиину! А сами хихикать будут на бережке. Тьма их и тьфу на них всех. С нами Бог и Крестная Сила!» Или так: «Держитесь, отче! Дураки бессмертны». Вот такая она, благодать, о которой еще одна дама-комментатор вспомнила: «Не услышат, не поймут, не уразумеют, ничего их не проймет. Все они лучше разбираются в христианстве, политике, футболе, медицине. Несчастные люди. Как живут без Божией благодати?» И пять восклицательных знаков. Или: «Мерзкие там были комменты, что и говорить. За «они церковь содержат» захотелось по щекам нахлестать, как истеричек успокаивают. Чтобы охолонул чуток, содержатель, тоже мне».

Это по адресу известного блогера, который возмутился стебу над свечкодержателями, куличисвятителями, крещенсководонабирателями и написал: «Откажитесь брать с них деньги, тогда называйте, как хотите. А то они вас кормят, поят, а вы им «водяных», «захожан» и прочие безумные глаголы».

Батюшек даже можно понять: и правда, от такого нашествия «левых» людей, как на Пасху, можно и в раздражение впасть. Конечно, потребители. Конечно, обрядоверы. Конечно, язычники. Спрашивают чушь, ведут себя некрасиво, думают, что за свои копейки им тут все должны. Все так.

Ну а вы чего ждали? Ничего другого и быть не может, и не будет. Сколько лет назад нам отец Кураев объяснил, что процент сознательно изучающих веру и живущих по ней, примерно одинаков во всех цивилизованных странах, сколько там, 2-5-8%? И вы правда думаете, что миссионерская работа РПЦ за последние десятилетия была настолько мощной, что была способна

совершить чудо и наполнить храмы просвещенными лаиками, понимающими свою веру и живущими по ней?

Еще вопрос на засыпку: а вот все те, кто посещает богослужения, знает свою веру, они что, вправду все по ней живут? По-моему, мы видим другое: даже те, кто сами это богослужение совершают и в вере наставляют других, далеко не всегда по ней живут, а порой демонстрируют такие образцы человеконенавистничества, что куда там захожанам, которые по большей части люди добрые, просто зевающие от богословия.

Есть в ФБ один батюшка, пишущий под псевдонимом «Иван Простопопов». Кто-то считает, что он троллит, кто-то принимает его мысли за чистую монету. И вот он заявил, что те священники, которые за христианское просвещение выступают, и отпускают саркастические шутки в адрес тех, кого называют принципиально не желающими ничего знать о вере, к которой они принадлежат по факту крещения, тем более – жить по ней, на самом деле не о просвещении пекутся, а жаждут – может быть, неосознанно, — власти над душами прихожан.

С этим трудно согласиться: знаю священников, совершенно не склонных властвовать и манипулировать и при этом положивших много лет на попытки сделать христианское просвещение нормой не только на своем приходе, но и в епархии. Но время прошло, и у тех батюшек руки опускаются, а просветительское рвение идет на убыль. Потому что понимают, что на самом деле никому это не нужно: ни самой потенциальной пастве, ни собратьям-попам, ни тем более епархиальным властям, которым вообще ничего, кроме денег в кассу и отчетов, не надо.

Несколько лет были у нас в епархии заседания-совещания, дискуссии и пламенные речи на тему обязательности катехизации. Проекты писали, круглые столы собирали, указы подписывали. И что? Наберите в яндексе: «крестить ребенка в екатеринбурге» и увидите запросы «крестить ребенка в екатеринбурге без бесед». Несколько лет назад на родительских форумах эта тема живо обсуждалась, мамы обменивались контактами – где можно крестить малыша без обязательных бесед с крестными и родителями. И таких мест немало. Даже когда большинство попов подчинялось указу владыки о том, что крестить без оглашения нельзя, был храм, где спокойно и не особо скрываясь крестили за деньги без всякого предварительного мучения: индивидуально – за 5 тысяч, в компании – 3 тысячи. И что по этому

поводу должны думать люди? В одних храмах священники добрые и понимающие, что у большинства нет ни времени, ни возможности слушать поучения, а в других – попы вредничают, накладывают бремена неудобноносимые. Кто ближе к народу, кто ему милее? Ответ понятен.

И из этой ситуации только два выхода: или полностью закрыть людям с улицы возможность креститься, венчаться, отпеваться, освящать что бы то ни было, таким образом превратившись из подобия службы быта в подобие закрытого клуба для избранных, или оставить людям свободу приходить в храм с той частотой, какую они выбрали сами: быть развгодушниками и развнедельниками, а может, ежедневниками. Но если второе, собственно, существует явочным порядком, вызывая периодические нарекания и жалобы чающих движения воды, то первое невозможно без воли на то священноначалия, которое, само собой, на это не пойдет – такая система подрубит под корень всю финансовую систему РПЦ.

А чего больше в поповском раздражении по поводу глупых ширнармасс – искренней боли о прозябающих в магии и маловерии или стремления заковать в железное платье свободных людей, живущих без церкви своей обычной жизнью? Чтобы думали так, как положено, жили, как скажут духовные наставники, и ходили строем на крестные ходы? В каждом конкретном случае решайте сами...

Ксения Волянская

В ВАС БЕС, ЧИТАЙТЕ АВВУ ДОРОФЕЯ

На сайте православной социальной сети «Елицы» есть раздел «Вопросы батюшке». Отвечают разные священники, монашествующие в сане и даже один диакон. Примерно половина, если не больше, вопросов демонстрируют магическое отношение к вере, невротическое болезненное копание в мелочах, веру во всезнание священника, способного дистанционно решить самые запутанные вопросы личной жизни читателей.

Например (здесь и далее с сохранением авторской орфографии):

«Здравствуйте являются ли грехом компухтерные игры где убивают людей. Мне 64 года, мой внук постоянно играет в компухтер. Подскажите молитву для увеличения скорости интерета пожалуйста».

«ЗДРАВСТВУЙТЕ Батюшка, прошу посоветуйте молитву за детей, которая поможет создать им счастливые семьи, и уберезет от предательства, отведёт от ложных чувств, поможет вовремя распознать ошибки, пока они не принесли вреда»

«Если православный христианин застучал свою жену в постели с любовником, то как он должен себя вести? Должен ли он применять к любовнику рукоприкладство?»

«Думать, что уборщицы приносят обществу большую пользу, чем певцы глупо?»

«Муж разбил большое зеркало. Какие молитвы читать, чтобы избежать беды?»

«Недавно мне приснилась одна женщина (знакомая, жена ее знает) и с ней произошел секс. Я этого наяву не хотел. Надо ли в этом каяться на исповеди? И надо ли рассказать об этом жене?»

«У меня есть свой профиль в соц. сети „Инстаграмм“. Там все выкладывают свои фото и описания под ним. Как вы считаете, можно ли под фотографией вначале написать „Слава Богу“, а после уже поставить описание?»

«Добрый день! Я уже пять лет работаю автослесарем, но думаю что это не моя профессия. Но сам не знаю какую найти другую работу себе по душе. Подскажите пожалуйста как поступить в моей ситуации?»

«Здравствуйте, батюшка. Сегодня я случайно задел верёвочку с крестом об холодильник и верёвочка оторвалась, а крестик упал. Что такое со мной?»

«Разрешает ли господь создание тульп чтоб говорить с ними? Тульпа-отдельная личность созданная в голове самим человеком может я не понятно сказал, можете в интернете прочитать. Зачем? Мне очень одиноко».

«Благословите батюшка. Считается ли грехом супружеская близость в возрасте под 60 лет. Надо ли её исповедовать и каяться в ней. Спасибо».

Отвечающие священнослужители — разной степени трезвости и образованности. Есть здравые ответы, большинство скучные и шаблонные:

молитесь, посещайте храм, исповедуйтесь-причащайтесь, или — спросите у духовника (при том, что совершенно очевидно — человек бы не задавал вопрос в сети, будь у него духовник).

Но самое печальное в огромном массиве опубликованных вопросов и ответов (а это более 32 тысяч), что часто вопросы задаются людьми, чья душевная жизнь отягощена комплексами, невротами, возможно, в состоянии обострения хронического психического заболевания. Кому-то нужен психолог, психотерапевт, кому-то уже и психиатр. Тем не менее вопросы выкладываются на всеобщее обозрение и на них даются те же стандартные или неадекватные ответы, которые, на мой непрофессиональный взгляд, способны лишь загнать человека глубже в невроз, усугубить неуверенность в себе и комплекс неполноценности.

Например, Татьяна спрашивает: *«Если в сердце и в уме человека стоит навязчивый образ другого человека и навязчивые мысли о нём, то является ли это духовной болезнью — одержимостью злым духом, или это болезнь психики, и как с этим бороться и от этого избавляться, надо ли пить лекарства тормозящие мыслительные процессы, чтобы успокоить мозг?»*

Отвечает архимандрит Алипий Светличный: *«Господи, благослови! Нужна усиленная работа с духовником. Поскольку, это одержимость».*

Татьяна спрашивает: *«Здравствуйте батюшка, скажите пожалуйста, надо ли говорить на исповеди, что не держу телесный пост (по воле мужа) во время постов, снова и снова? Спасибо за ответ».*

Отвечает тот же добрый архимандрит Алипий: *«Господи, благослови! Да, нужно. Потому, что, хотя и не по своей воле, но все же нарушаете».*

Вопрос анонима: *«Здравствуйтесь, скажите, пожалуйста, нужно ли обязательно благословение духовника для того, чтобы встречаться, если я прихожанка храма, причащаюсь каждую неделю, а он семинарист и поет на клиросе? Как вообще с таким обстоят дела в церковной среде, как себя вести надо, нужна какая-то встреча наша с духовником или можно пока просто общение? Спаси, Господи!»*

Ответ архимандрита: *«Господи, благослови! лучше, прежде благословится у духовника, чтобы он, зная Ваш характер и Ваши особенности, посоветовал как вести себя и стоит ли начинать встречаться с данным лицом».*

Анонимный вопрос: «Батюшка, у меня тревожно-депрессивное расстройство, раздражительность, паники по ночам, булимия была лет 17 и т. п., я лечилась, регулярно посещаю храм, с Божией помощью надолго из этого выбиралась, но беременности и первое время после родов — обострение. А уж роды для меня — ад. Да ещё с осложнениями, угрозами для жизни. После родов доходит до дереализации по ночам спросонья, когда дикий страх и не понимаешь где находишься и как тебя зовут и в панике бегаешь. Хронические стрессы, недосып — и всё по новой. Сейчас всё хорошо, младшему сыну второй год, старшему 4. Психотерапевты советуют кто как. Кто — не рожать больше, кто — подождать лет 5 или 10, а через 10 лет мне будет под 50. А православные знакомые как-то относятся презрительно к семьям с одним-двумя детьми. Не все, конечно. Да и пишут, что это не правильно и должно быть не меньше трёх. А я не понимаю, может врачи перестраховываются, может надо надеяться на волю Бога в деторождении? Кого слушать? Муж хочет детей, да и я не против, но боюсь очень. Понимаю, что за меня никто не решит, но хоть совет хочу».

Священник Алексей Есипов: «Спросите у духовника».

Спрашивает Екатерина: «Здравствуйте, отец! Что делать, во мне сидит бес, и сколько я не пыталась от него избавиться — у меня это не получается. И как вы относитесь к психологии? Ведь это связано и по идее можно самому избавиться от этого?»

Отвечает священник Алексей Есипов: «Психология не лечит беснование. Она его отрицает, потому что классическая научная психология базируется на атеистическом мировоззрении. Беснование лечит пост и молитва в духе смиренномудрия, ну и, конечно, покаяние и причащение. Больше ничего».

Анонимный вопрос:

«Здравствуйте! Я писала вопрос про страх. Три раза. У меня сейчас новая проблема: появился очень большой страх дать ОБЕТ Богу. Я прочитала, что есть грех неисполнения обетов Богу и наверное из-за этого постоянный страх дать какой-нибудь обет, а поскольку его дать как я понимаю можно без всяких молитв и не вслух то каждый раз когда я просто задумываюсь о даче обета, а такие мысли появляются помимо

моей воли часто то мне уже кажется что я его дала потом приходится исполнять все что в голове просто крутилось так как я не могу понять то что я просто задумалась над каикм-нибудь обетом — это ведь еще не обет? но я почему — то очень боюсь этого греха невыполнения обетов Богу хотя вроде бы никаких обетов и не даю только мысли об обетах постоянно в голове крутятся. Мне тут посоветовали перед тем как дать обет помолиться, но я не понимаю если эти мысли проносятся с моментальной скоростью и я порой чуть ли не успеваю заметить как они появляются кк я даю обет и даю ли я его вообще в общем как я успею каждый раз молиться? Мысли то об обетах чуть ли не каждую минуту (ну я здесь не в буквальном значении) появляются. Помогите пожалуйста ничего не помогает. Как быть? Игнорировать такие обеты? Я ведь в глубине души не хочу давать НИКАКИХ ВООБЩЕ НИКАКИХ обетов».

Отвечает священник Алексей Есипов: *«Я бы не увлекался обетами. И особенно без благословения».*

sergo спрашивает: «Здравствуйтесь батюшка. У меня такая проблема. Я себя ненавижу и презираю, хотя сам не пойму почему. Я себя не люблю и не уважаю. Даже в зеркало не могу на себя смотреть. Нужен Ваш совет».

Отвечает священник Алексей Есипов: *«В голове должны быть другие мысли».*

Юлия спрашивает: «У меня отец пьет. Я молюсь и читаю за него акафест по благословию батюшки. Когда только приступила ночью увидела беса, такого страшного, мне стало очень страшно. Исчез он сразу. Боюсь что я уже сума схожу иногда от всех молитв и мыслей и чтения. Я боюсь впасть в прелесть иногда, что вот молюсь и вроде всё налаживается, правда сил нет уже. Отец стал даже грубее со мною, от этого руки опускаются.

Скажите это нормально вообще чтоб так происходило: бесы, уныние...? Мне страшно».

Отвечает священник Алексей Есипов: *«Не по Сеньке шапка. Научитесь сначала смиренномудрию. Читайте авву Дорофея».*

Иеромонах Макарий Маркиш, довольно трезво отвечая на многие вопросы, касающиеся супружеской жизни или воспитания детей, становится

непримирим и агрессивен, когда, как ему кажется, читатель нападает на церковь или государственные установления. В ход идут даже угрозы.

Вопрос: *«Благословите батюшка! Меня мучает помысл про несправедливость в церкви, даже ходить туда не хочу... Один обман. Вот все говорят что в семье священника много детей, да еще и в пример ставят что и нам мирским так надо жить, да хорошо советовать... Но ведь матушки не работают в основном, сидят дома не измученные... А простые мирские люди уставшие несут от своих копеечек в храм продукты на стол МНОГОДЕТНЫХ батюшек. Нашим двум детям никто не носит сумками продукты на стол, помощи ждать не от кого. Так бы и мы жили, не работали, а прихожане кормите моих детей, а я буду жить благочестиво, плодиться и размножаться... Это боль моей души, у меня 2 детей, больше мы с мужем не потянем... Обидно смотреть как наши батюшки сумками в иномарки продукты загружают, а их жены спят и отдыхают в этой жизни. Мне говорят, и вам бы Господь стал помогать. А у меня все внутри кипит, нас учат не лениться, а что же жены то их наслаждаются благами земными... На чужом хребте в рай... Вот в душе какая зависть, но ведь это правда в жизни так. Ответьте мне батюшка, тяжело с этим жить... Мне 39 лет, 2 детей, венчанный брак».*

Отвечает иеромонах Макарий (Маркиш): *«39 лет, двое детей... — Как же Вы детей-то воспитываете, сами с такой неуёмной жадностью питаясь ядовитой ложью, за которую щедро платят из-за океана? Вашу семью ждет что-то страшное».*

Вопрос нервной и впечатлительной особы встречается предположением о грозящей ей якобы шизофрении:

«Здравствуйте, батюшка. А например, когда девушке выбирали жениха ее родители, а ей он не нравился, но пришлось выходить замуж, то ей тоже придется провести жизнь с ненавистным мужем и быть с ним вечность одним телом и душой? Вот честно, для меня брак — это ужас (поэтому, я буду жить одна). Выходит, если я вступлю в брак, то буду привязана к этому человеку навечно и не известно как он себя в будущем будет себя вести. Тем более моя душа — это моя душа, а его — его и тело тоже, а одна это как? Выходит люди и личность теряют в браке? И даже тело будет не мое? Возможно, я глупая (так говорила часть моих учителей, другая часть утверждала обратное), но на мой взгляд хорошее дело

*браком не назовешь т. к. ты теряешь в нем все (даже душу и тело)
поясните мне, пожалуйста...»*

Отвечает иеромонах Макарий (Маркиш): «Реальная проблема — совсем не там, где Вы её пытаетесь увидеть. Проблема в том, что Вам угрожает шизофрения, И Ваше поведение способствует этой угрозе. Я Вас не пугаю, а всего лишь делюсь с Вами трезвым наблюдением».

Вопрос о том, как поступать христианам, когда власть потеряла берега, встречается руганью («русофобская сволочь») или советами обратиться к врачу.

Аноним спрашивает: «В прошлом году Дмитрий Медведев заявил нам — „Денег нет, но вы держитесь. Удачи вам и хорошего настроения“. Что нам делать в этой ситуации?»

И/м Макарий (Маркиш): «Лечиться. Обратиться к хорошему психотерапевту. Метку „юмор“ не ставлю: нехорошо смеяться над больными».

Такое ощущение, что подобные рубрики вопросов и ответов не только не помогают людям разбираться с их проблемами, а усугубляют те, что есть, дезориентируют, приучают слепо доверять слову любого священника, подсаживают на «иглу» постоянной сверки каждого своего чиха с мнениями, «канонами» и уставами, а духовенство — неосознанно или осознанно укрепляет свою власть над человеческими душами, убеждается в своем праве наставлять, воспитывать, ругать паству как малых несмышленных детей, вмешиваться в интимную жизнь супругов.

Аноним спрашивает: «Добрый день, батюшка! Подскажите пожалуйста, вопрос интимного характера: я беременная, с мужем давно не было близости. Мужу начинают сны интимные сниться, не хочется доводить его до рукоблудия опять (только недавно исповедовались) слышала, что во время беременности близость с мужем не разрешается. Как быть?»

Иеромонах Матфей: «Совершенно нельзя, так как вы будите КАЛЕЧИТЬ душу ещё неродившегося ребёнка, об этом писал, если не ошибаюсь, преподобный Серафим Саровский».

Мы попросили прокомментировать эти вопросы-ответы психолога Александру Имашеву, директора Христианской службы психологической помощи «Свеча» (Москва). Вот ее комментарий:

«Мне кажется, что происходит подмена понятий: священники берут на себя функции, к которым они не подготовлены, а именно диагностику и коррекцию психологических нарушений, а в некоторых случаях даже лечение психических заболеваний. Поскольку образования и профессиональной подготовки в психотерапии и психиатрии у них нет, то людям, страдающим нарушениями психики, их рекомендации в лучшем случае бесполезны, в худшем случае вредны. В данном тексте упомянутым в нем Татьяне, Екатерине, sergo, Юлии совершенно точно нужна психологическая помощь, а в случае одержимости бесом — возможно, и лечение психиатра. А другой женщине, обратившейся с вопросом анонимно, на пустом месте ставится диагноз серьезного психического заболевания — шизофрении, хотя никаких предпосылок для этого нет.

Мнение, что научная психология базируется на атеистическом мировоззрении, неверно. Как и любая другая научная дисциплина (например, физика, биология, экономика), психология как наука описывает существующие факты и находит закономерности и связи между ними, независимо от присутствия или отсутствия в них Божественного начала и замысла. В случае прикладного раздела психологии — психотерапии, в силу присущих ей специфических особенностей, религиозное или атеистическое мировоззрение психотерапевта действительно может оказать влияние на пациента. Но в этом случае у священника есть прекрасная возможность передать страждущего для получения помощи «в хорошие руки». В России в настоящее время существуют многочисленные коллективы православных психологов, в которых работают высококлассные специалисты — есть куда направить прихожанина, который жалуется на «бесов в голове», непреодолимые страхи или болезненно навязчивые мысли».

Возникает вопрос: почему такая очевидная мысль не приходит в голову горе-советчикам? Тем более — и это самое странное — на том же сайте есть раздел «вопрос психологу». Но маниакальное желание вязать и решить, дергать овец словесных как марионеток за ниточки, наслаждаться властью

над чужими судьбами, ловить кайф от того, что тебя считают за всезнающего гуру — видимо, сильнее здравого смысла.

Алексей Плужников

РПЦ и «НОВАЯ ИСКРЕННОСТЬ»

Председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ Владимир Легойда как-то поучаствовал в программе «Прав!Да?» на телеканале «Общественное телевидение России», где, в частности, высказал свои мысли по поводу взаимодействия с молодежью при помощи новых информационных технологий. Вот пара цитат:

«Почему мы проигрываем эту битву за молодежь? Мой коллега недавно замечательно сформулировал: в обществе, особенно у молодежи, существует запрос на новую искренность.

...На YouTube выходят молодые люди, которые говорить не умеют, не здороваются в программе ни со зрителем, ни друг с другом, а у них миллионы просмотров. Почему? Потому что кажется, — я подчеркиваю: кажется, — что они искренние, что они правду говорят, что они — свои.

...Вы можете посмотреть, у нас уже есть священники, которые экспериментируют в этой области. Мне не все нравится, но формат мы, конечно, будем искать: это поиск языка взаимодействия».

Нет, Владимир Романович, молодежь — это не урожай, поэтому, как ни возрождай советский агитационный сленг, но вести битву за нее, или «поднимать невспаханную целину» на поле молодежной работы уже поздно. Кончилось время, когда интересующуюся духовностью молодежь волновал вопрос «мешают ли джинсы спасению». Кончилось время журналов «для сомневающихся», превратившихся в гламурные пустышки о гламурных православных актерах, православных светских львицах и прочих верующих «звездах». Кончилось время миссионерствующих бородатых православных интеллигентов и элегантных православных дам в легких газовых шарфиках, которые строчили как бы либеральные статьи, делали репортажи о возрождении храмов, о сельских батюшках, об открытии обителей милосердия и т.п.

Что уж говорить — кончилось время самого отца Андрея Кураева с его реальной миссией среди думающей молодежи. Много лет его крылатые слова «входя в храм, надо снимать шляпу, а не голову» разносили повсюду и старались им следовать. Теперь уже молодежь включает голову раньше — и не хочет входить в храмы РПЦ совсем.

И это не потому, что молодежь ищет «новую искренность» — нет, она, молодежь, как и во все времена ищет просто — искренность. И вот в последние годы не только молодежь, но и взрослые люди убедились: не в РПЦ ходят за искренностью. Наоборот — там тебе предложат лицемерие, вранье и очковтирательство. Там патриарх и епископы будут с амвона говорить одно, а на деле, не стесняясь, делать другое. Там церковные чиновники и спикеры, вроде господина Легойды, будут с мудрой задушевной полуулыбкой прославлять свое святейшее начальство и закрывать глаза на бесчисленные вопиющие преступления в РПЦ и на несчастных людей, обиженных церковной властью. Напомнить? Про валаамских беженцев, про уничтожение приходской жизни и сведение роли мирян к нулю, про бесправие рядового духовенства, про бесчиния архиереев, про деньги, текущие только в одну сторону — в карман патриарха и епископата.

Так что «битва» за молодежь вами давно и безнадежно проиграна. И какие бы вы форматы ни искали, какие бы новые гаджеты или видеоблоги ни использовали — от перемены мест козлов и мартышек в квартете музыка не зазвучит, будь вы хоть самым композитором Иларионом (Алфеевым).

Впрочем, понятно, что все это вы говорите в эфире не для молодежи. Как всякий чиновник, вы говорите это для своего начальства. А всякое начальство (церковное — особенно) обожает лесть, дутые цифры и фанфары/благозвоны. Им так слаще спится и не икается за трапезой.

P.S. Кстати, хотите подскажу вам новую удивительную форму «битвы за молодежь»? Пускай товарищ патриарх хоть разок отпустит ФСО и прочих прихлебателей, и пройдетя один в одном только подряснике, без посохов и складных бриллиантовых крестов, по улицам, проедет в автобусе в час пик или в метро, зайдет в какой-нибудь двор среди хрущевок, найдет тусующуюся молодежь — с пивком и пыхающую клубами вейпа, — сядет с ними на разбитую заплыванную скамейку (а под ногами у святейшего миссионера будут кучки собачьего дерьма и даже использованные

презервативы), и скажет: «Ну что, ребятки, поговорим за жизнь? Задавайте мне свои прямые и наболевшие вопросы, а я вам, обещаю, отвечу искренно и от души, у меня ведь слова с делами не расходятся».

А потом пусть с нами поделится опытом. Вот тогда и будет — «битва за молодежь». А пока все, о чем вы треплете языком в своих программах, господа церковные чиновники, — это называется «новая искренность», или по-простому, по-уличному, брехня.

Алексей Плужников

ПАСТЫРСКАЯ КОНТРАЦЕПЦИЯ

Есть такой сайт «Пастырь» — не так давно существующая официальная площадка для общения иерархов и священнослужителей. Из мирян среди зарегистрированных пользователей могут присутствовать только семинаристы или кандидаты в священство. В общем, такой патриархийный междусобойчик, где под строгим контролем солидных владык и отцов обсуждаются сложные вопросы пастырской практики. Среди руководителей проекта: епископы Пантелеимон (Шатов) и Вениамин (Лихоманов), архимандрит Алексей (Поликарпов), протоиереи Владимир Воробьев, Артемий Владимиров, Георгий Бреев, Валериан Кречетов. Люди известные, каждый со своей стороны.

Как это в целом принято у пастырей, сложные вопросы они обсуждают без участия паствы, несмотря на то, что именно паства задается этими вопросами, вызывает их. Это навряд ли искусства проповеди — практически каждый священник почему-то твердо уверен, что все собравшиеся на службу люди только и жаждут услышать от него поток банальных нравоучений, текущих в одностороннем направлении. Разумеется, никаких вопросов, возражений или споров во время проповеди не допускается категорически. (Я на своем приходе предлагал людям задавать мне вопросы, вместо проповеди. Чаще всего люди терялись — они не привыкли, что по́па, в фелони и с крестом, такого важного и «духовного», можно о чем-то спрашивать, когда он стоит на амвоне. Редко-редко кто дерзал задать острый вопрос, люди привыкли сдерживать себя и не нарываться на начальство любого уровня и вида, больше задавали скучные, безопасные вопросы.)

И вот тут, на сайте «Пастырь», есть много интересных тем для обсуждения. Например, один из последних вопросов на больную для очень многих православных людей тему, которая уже не раз поднималась, но так и не была внятно решена — тему контрацепции: «„Естественная контрацепция“: допустимая мера икономии или грех уклонения от деторождения?»

Анонимный вопрошающий так формулирует проблему:

«В последнее время использовании контрацепции стало не чуждым и для священнических семей. Это означает, что в пастырской практике священники не обличают людей, использующих контрацепцию, как живущих в смертных грехах. Складывается впечатление, что использование необортивной контрацепции не является грехом».

Также автором вопроса приводится цитата на тему «как у них там, у католиков», из послания папы Павла VI, о том, что в случае необходимости надо использовать «естественную» контрацепцию: заниматься сексом в то время, в которое зачатие наименее вероятно.

Ответ на этот вопрос дает епископ Пантелеимон (Шатов), и ответ этот категоричен и бескомпромиссен: никакой, даже «естественной» контрацепции — сама мысль о сексе без желания зачать — грех:

«В отличии от католиков, мы все эти ухищрения, конечно, принимать не должны. Грехом является не только совершенное деяние, но и само намерение (в данном случае — уклониться от деторождения). Поэтому, если у мужа и жены есть намерение избежать рождения детей, сохраняя при этом радость от супружеского общения, то это является грехом, это недопустимо.

Христиане, желающие участвовать в церковных Таинствах, в данном вопросе должны выбирать что-то одно: либо иметь супружеское общение и рожать детей, которых Господь посылает, либо отказаться от супружеского общения и, если они не хотят иметь больше детей, нести подвиг целомудренной жизни. Третьего варианта быть не может».

Напомним, что епископ Пантелеимон до своего архиерейства был «белым» священником: он овдовел в 1990-м году, у него четыре взрослых дочери. В последние годы он занимает пост председателя Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению РПЦ.

Епископа Пантелеимона с восторгом и пылкой духовной ревностью поддержал московский дьякон Игорь Куликов (выпускник ПСТГУ, входит в Оргкомитет сайта «Пастырь», руководитель сектора дистанционного обучения и повышения квалификации Синодального отдела по благотворительности), заявив, что в сексе надо полагаться исключительно на Бога:

«Будет столько детей, сколько Бог пошлёт, исходя из Своего спасительного промысла о каждом члене семьи. И мы должны об этом свидетельствовать. Если не мы, то кто?»

...Покажите мне хоть одну семью, где родители по своей вере никогда не «предохранялись» от рождения детей, и которым теперь нечего есть или нет крыши над головой?»

При чём тут современные реалии? Это вопрос исключительно веры и доверия Богу.

...Если есть Его воля на 3–5–10–15-го ребёнка — то этот крест ко спасению. И Он поможет его донести».

Среди пылких ревнителей нашелся все же священник, который проявил здравомыслие и осторожность в ответе (и которого поддержали некоторые другие комментаторы-клирики), — протоиерей Константин Островский из Красногорска, который подробно разложил по полочкам, к чему могут привести, в частности, в священнической семье жесткие рамки антиконтрацептивного подхода, или, проще говоря, до чего могут довести призывы к воздержанию:

«Мне известны примеры, во что выливается и к каким последствиям, бывает, приводит такой подвиг: иногда под видом воздержания обычная близость замещается извращённой; иногда, чтобы избежать соблазна, супруги начинают проявлять друг к другу усиленную сдержанность, которая переходит в отчуждение; поскольку вне дома мужу и жене приходится общаться с людьми, то их естественная тяга к противоположному полу перенаправляется с законного на незаконный объект, так что неразумный подвиг заканчивается прелюбодеем.

Если вопрос о допустимости противозачаточных средств будет поднят на уровень священноначалия и зайдёт речь о канонических прещеннях, то есть об официальном запрете контрацепции для семей

священнослужителей, то это может привести к таким, например, вариантам развития событий:

- 1) мамы будут пользоваться контрацепцией как бы тайно от батюшек;
- 2) нечестные батюшки будут отрицать пользование контрацептивами, хотя и будут пользоваться;
- 3) честные батюшки, которые выполняют требования, столкнутся с искушениями, о которых сказано выше;
- 4) честные батюшки, которые не решатся рожать, сколько рожается, или у которых мама откажется, должны будут выходить за штат».

А насчет «доверия Богу» и Его якобы заботы о многодетных, отец Константин разумно добавил:

«Скажем, буду я от прихожан требовать, чтобы они рожали без ограничений, правильно обещая им помощь Божию. И вот придёт ко мне прихожанин с 5-м ребёнком на руках, живущий в съёмной комнате в коммуналке, и скажет: «Вы, батюшка, требовали, чтобы мы с женой не предохранялись и обещали, что Бог поможет. А где нам теперь благословите жить?»»

Сын протоиерея Константина Островского, тоже Константин, но уже епископ Зарайский, викарий Московской епархии, в качестве ответа привел цитату из Основ социальной концепции РПЦ (XII.3.), в которой занимается половинчатая позиция: вроде бы отказ от деторождения и предохранение — это грех, и нужно воздерживаться от секса, если не хочешь детей, но при этом вопрос этот, мол, сложный, и супругам надо решать его с духовником, а тот должен быть мудрым и «принимать во внимание» разные сложные обстоятельства, стараясь сохранить семью. То есть, по сути, решение вопроса остается на совести и разуме духовника, а вот самому духовнику опереться не на что, кроме как на туманные слова соцконцепции или же на жестко обрубающий концы (простите) вывод в стиле епископа Пантелеимона (Шатова) и ему подобных адептов коитуса во имя победы сперматозоида.

Что можно сказать по поводу этой дискуссии, уже много лет регулярно вспыхивающей среди православных верующих РПЦ? А можно сказать то, что

за эти годы огромному количеству людей навредили пастыри-ревнители, огромное, неисчислимое количество семей разрушили эти «глубоко верующие» горе-духовники. Как пафосно выразился один из комментаторов темы, чтец Дмитрий Марков: *«Если священник не будет брать на себя подвиг быть образцом для верующих, что также выражается в применении в жизни священника принципа «рожать сколько рожается», то 1) он ... перестает быть священником, 2) у верующих больше нет ориентира, никто больше по такому принципу не живет»*. Вот только остается вопрос: будет ли такой батюшка проводить мастер-классы своего принципиального подхода к сексу ради деторождения? Каким именно образом священник может показать пример прихожанам, что у него в голове во время готовности №1 была только одна святая идея: «хочу, хочу, хочу пятого сына!»? Впрочем, давно известно, как именно батюшка будет показывать пример: он просто будет втулять всю эту чушь в головы людей во время проповеди, а уж как он сам в семье живет — останется покрыто мраком. Если, конечно, какая матушка или дети того попа не напишут в «Ахиллу» историю о том, как все было на самом деле, не совершат, так сказать, «хамова греха».

Что же касается вопроса о допустимости контрацепции, то ответ на него, как и на все прочие вопросы, связанные с сексом, супружеской или вообще семейной жизнью, прост: никогда, ни при каких обстоятельствах не пускайте в свою постель и в семью попа́. С этого начинается первый и очень важный шаг к оздоровлению семейной жизни. Пусть попы и дальше перетирают между собой на сайтах, подобных сайту «Пастырь», свои злободневные вопросы «пастырской практики». Ведь без желания и согласия овец на «упасение» вся практика духовных пастырей развеется, как дым и морок.

Алексей Плужников

ИЕРЕИ ПЕРЕД АРХИЕРЕЕМ: ЛЮБОВЬ И ПРАВДА ИЛИ ПОСЛУШАНИЕ И САМООТВЕРЖЕННОСТЬ?

Часть 1

Мы уже упоминали о существовании официального сайта «Пастырь», на котором архиереи и священнослужители могут общаться по поводу разных вопросов пастырской деятельности. Также упоминали, что эти вопросы у них

принято решать без участия самой паствы (впрочем, обычное дело в православии, тем более российском). Но есть там темы, которые не только обсуждать пастве не положено, но даже увидеть: на сайте видны вопросы, но ответы может увидеть только зарегистрированный клирик. И, в первую очередь, это вопросы, связанные со взаимоотношениями епископата и священства.

К счастью, у «Ахиллы» достаточно друзей среди священства, готовых поделиться с нами теми ответами, которые нас интересуют. Поэтому цитаты у нас будут, но ссылки нет, придется верить нам на слово, что эти ответы мы не выдумали.

Еще в 2017 году (хотя на самом сайте вроде бы отмечена дата публикации от 12 апреля 2018 года) на «Пастыре» был задан анонимный вопрос:

«Досточтимые архипастыри! Учитывая заявленные в принципах сайта „доверие“ и „свободу“, дерзну спросить: что вы в первую очередь ждете от своих клириков? От рядовых и от тех, кого назначали на руководящие послушания?»

Сразу видно иронию анонимного вопрошателя, не так ли? А вот, что отвечают архипастыри.

По мнению митрополита Липецкого Никона (Васина), *«самое главное, что ожидает каждый архиерей — это послушание»*. Ну, а вторым номером *«архиерей ожидает видеть перед собой верного служителя Церкви, стремящегося жить непорочной жизнью, и любящего свою паству. ... Если священники будут молитвенниками, будут с благоговением служить Литургию, будут любить свою паству, будут верными служителями Церкви, готовыми к послушанию, то отношения выстроятся»*.

Епископ Каменск-Уральский Мефодий (Кондратьев) реалист: он ничего особенного не ждет от попов: *«Надо просто проявлять внимание к тем людям, с которыми работаешь, ничего особенно не ожидая. Когда чего-то ждешь — может постигнуть очень сильное разочарование»*. Ему достаточно, чтобы священник «нес свой крест» на своем месте, а если *«священник не соответствует своему званию»*, то *«с ним надо просто расстаться»*.

Взаимодействовать же с архиереем, по мнению епископа Мефодия, достаточно просто: *«Прежде всего, не надо архиерея без нужды беспокоить».*

Епископ Рыбинский Вениамин (Лихоманов) ломает все заскорузлые мнения о деспотизме епископата: *«Для успешного взаимодействия с архиереем священнику необходимо, прежде всего, говорить прямо и правду, не пытаясь уходить от поставленного вопроса».*

Второе, очень важно, чтобы священник выполнял поручения архиерея, либо, в затруднительных ситуациях заблаговременно сообщал, что-то идет не так и не к намеченному сроку».

Ему вторит и епископ Касимовский Дионисий (Порубай): *«Я жду правду. Но я бы еще сделал примечание, что правду стоит высказывать в человеческом тоне — не надо в почтительном, не надо класть поклоны перед архипастырем, как это было раньше. Нужно просто по-человечески объяснить, в чем проблема».*

Митрополит Саратовский Лонгин (Корчагин), как опытный служака, заявляет прямо: *«В первую очередь я жду от своих клириков самоотверженности и усердия в служении».*

Я всегда говорю священникам, чтобы они как можно чаще ко мне приходили и рассказывали, что происходит на приходе, какие проблемы есть у батюшки, как он их решает. Собственно говоря, если священник не был у меня месяц-другой, для меня это сигнал, что с этим священником что-то неблагополучно».

Епископ Переславль-Залесский Феодор (Казанов) ответил длинно и маловразумительно, но намекнул: *«Самое главное, мне думается, что священник должен четко понимать, и даже чувствовать сам вектор работы. На что этот вектор сейчас направлен в приоритетном исполнении, и с архиереем постоянно эти границы обсуждать».* Короче, смотреть, куда ветер дует, и не делать ничего предосудительного против ветра. Но при этом *«всегда у искреннего служителя рвение и желание должно быть больше, чем требование архиерея».* То есть ты должен не только угадывать нынешнее настроение архиерея, но и прозорливо чутать, куда оно повернется впоследствии, чтобы быть готовым доложить об уже выполненном послушании.

А епископ Рославльский Мелетий (Павлюченков) аж прокричал свои ожидания:

«От священника жду не более чем написано в присяге, которую он давал при принятии сана. Честности. Чтобы храм не воспринимал как собственную лавочку.

И прежде всего ЦЕРКОВНОСТИ!!! А этого очень сегодня не хватает».

И то верно: согласно нынешней церковности, отмеченной в Уставе РПЦ, храм — это не собственная лавочка — это франшиза, и поп должен не забываться, что все храмы епархии принадлежат исключительно архиерею, а он, поп, лишь временно исполняющий обязанности менеджера.

В общем, священникам главное не перепутать: к Лонгину Саратовскому надо ходить почаще, показывая свое усердие и благополучие, а вот Мефодия Каменского наоборот — лучше не беспокоить. Правду в глаза надо рубить Рыбинскому и Касимовскому епископам, а держать рот на замке и оказывать послушание — Липецкому. Впрочем, послушание надо оказывать всем. На всякий случай. И держать нос по ветру. Учитывая векторы в конкретной епархии.

Под ответами архиереев есть комментарии священников. Например, скептические: в частности, протоиерей Андрей Дашевский из Тихорецка отметил: *«Одна из немногих тем, на которую нет откликов. Наверно всем все понятно».* А далее он дает советы по распределению ролей в общении священства и священноначалия:

«Помни! Архиерей — лицо Церкви, и делай все доброе и законное, чтобы оно достойно выглядело.

Будь почтителен, но не раболепствуй.

Не спеши публично высказывать свое мнение, особенно пока ты штатный клирик.

Смирение — это не безмолвие! Говори правду, но при этом будь корректен.

Не будь назойлив! Если твое мнение важно, то тебя спросят!

Чтобы терпели тебя, научись сам терпеть.

Молись, чтобы тебе повезло с Архиереем, а ему с тобой!»

Протоиерей Георгий Добролюбов из Никольска Пензенской области разумно отметил: *«„Не спеши публично высказывать свое мнение, особенно пока ты штатный клирик“.* Вот и ответ, почему мало откликов на тему».

Некоторые священники все же дерзнули высказать свои ожидания и советы архиереям. Иерей Тимофей Торопов, Тюмень:

«Со стороны правящего епископа священники нередко ожидают:

- *простоты и доступности в общении*
- *корректности и уважения*
- *нестяжательности*
- *близости к народу, а не к чиновникам».*

А священник Александр Шрамко из Минска приводит свои критерии необходимых качеств епископа:

- *«кротость*
- *справедливость*
- *отсутствие самодурства*
- *отсутствие фаворитизма*
- *умение признавать свои ошибки».*

Зато иерей Сергей Буряков (с. Большая Поляна, Липецкая епархия) то ли всерьез, то ли иронично польстил своему митрополиту, который, напомним, выше всего ставит послушание у священников: *«Архиерей — это как Царь, который может или казнить, или помиловать. Конечно, многое зависит от личного характера Архиерея. Нужно под него подстраиваться.*

Наш архиерей, владыка Никон (Васин), старческого склада, милостив».

Итак, мы узнали, что ждут архиереи от священников. А как самим священникам относиться к архиереям? Об этом читайте во второй части нашего рассказа.

Часть 2

На сайте «Пастырь» иерей Алексей Попов в прошлом еще году задал вопрос, ответы на который видны только зарегистрированным пользователям-

священнослужителям (на сайте стоит дата публикации 25 июня 2018 г., но, возможно, просто публикация поднимается вверх после свежих комментариев):

«Где епископ — там Церковь, говорит св. Игнатий Богоносец, подчеркивая исключительную важность этого служения. Нужно ли его любить или достаточно уважения? Какими человеческими качествами он должен обладать? Можно ли вообще обсуждать поступки и личные качества епископа, а главное, как быть, если отношения с епископом зашли в тупик?»

На этот важный для всей церковной жизни вопрос отвечают маститые священники (но не архиереи, — те, видимо, промолчали из скромности).

Известный московский духовник, протоиерей Георгий Бреев отвечает развернуто:

«Наша Церковь иерархична, и этот иерархический строй составляет ее суть. Мы воспринимаем призвания, которые имеют в Церкви архиерей, пресвитер, диакон, как установленные Богом. И, конечно, если мы говорим, что Церковь может быть построена или может состояться только на уважении — это ложь. Уважение — это светская категория. ...

Святой праведный Иоанн Кронштадтский говорил так, когда каялся: „Господи, не ради меня, но ради священства, на которое Ты облек меня, дай мне прощение моего греха“ — ради священства! А епископ имеет апостольский сан. Праведен он или неправеден, грешник или нет, но ради этого апостольского чина надо священнику обязательно смириться и сказать: „Господи! Как я могу его судить? Как я могу к нему так формально относиться? Ты поставил его пасти стадо, а я фактически его пасомый“.

Надо смирить себя, и свою ревность, и свою нерассудительность, но увидеть, что архипастырь есть архипастырь».

Как же отец Георгий предлагает научиться любить архиерея? — *«Прежде всего не возноситься. Осуждение начинается с внимания к внешнему: какие апартаменты у кого, один на дорогих машинах ездит, другой „царские“ ряссы на себе носит... Ведь Богу нужны не какие-то особенные одеяния, а сердце сердечное.*

Бывает, приходит какой-нибудь богатый человек и говорит: „Батюшка, у тебя машины нету? О! Завтра я тебе машину пригоню“. А сам батюшка, может, и не хотел никакой машины, он хотел скромно жить... Здесь надо иметь возможность рассуждать. Если я служу на маленьком приходе — у меня маленькие проблемы и маленькие трудности; и то Бог меня не забывает и люди внимательны, заботливы ко мне. А архиерей? У него целая область. В российскую епархию может влезть маленькая европейская страна. Надо не сужать свое сознание, а расширять его».

А если архиерей тебе все равно кажется плохим, то опытный духовник советует молиться за него: «В это время можно сказать: „Господи! Я ведь хочу любить его, хочу принять его в свое сердце, чтобы все строилось не формально“. Это и архиерею передастся, и он скажет: „Мой милый, как ты хорошо за меня молишься-то!“» Ну, а если архиерею все же твоя убогая молитва не «передается», и отношения между вами все равно «зайдут в тупик», то и тут есть решение: «Надо смирить себя и покаяться. Приехать к духовнику епархии и сказать, что лукавый поймал на духе неприязни. Бывает смотришь на человека — и прямо волна неприязни идет. Брань идет! Отойди от меня, дух нечистый!»

В общем, все проблемы — в самом священнике: и тупики, и нелюбовь, и прочие «царские» рясы, апартаменты и дорогие машины. Надо всего лишь «расширить свое сознание», смириться, каяться и молиться, тогда все будет ок.

Еще один уважаемый священник, протоиерей Валериан Кречетов (с. Акулово) очень строг с теми священниками, которые забыли свое место и не хотят любить своего епископа. А место священника — на плацу, в строю:

«Епископ — это начальствующий в Церкви. ...

Чинопочитание — это необходимое условие иерархии. Армия без чинопочитания — не армия. А священство — духовная армия.

Что касается любви — любить нужно всех, тем более епископа. Через епископа священник получил благодать священства.

А отношения... Вообще кто мы такие, чтобы обсуждать старших? ... У нас сейчас такая общенародная болезнь: обсуждать президента, Патриарха, епископов, губернаторов, всех министров. Я думаю, это явление антихристианское».

«Коротко, ясно, легко запомнить» © «Служу Советскому Союзу!»

Протоиерей Павел Хондзинский (Москва) недоумевает над нелепым вопросом батюшки. Любить надо даже врагов, напоминает он, чего ж тогда архиерея не любить?..

Протоиерей Константин Островский (Красногорск) благостно рассуждает, что любить и не осуждать надо вообще всех, раз мы христиане. При этом он добавляет: *«Если архиерей руководствуется в своих решениях не желанием исполнить благую волю Божию о Церкви Божией, а своими страстями, он этим согрешает. Но священник, оказывая ему послушание по службе, поступает правильно. Разумеется, если даже человек, облеченный законной властью, повелевает нарушить заповедь Божию, мы не должны его в этом слушаться».*

Довольно размытое понятие «повелевает нарушить заповедь Божию». Что это значит? Если с тебя требуют по «послушанию» написать донос на собрата — это вопрос послушания или заповеди Божьей? Если с прихода трясут деньги, собранные из копеечек прихожанок-старушек «на храм», а в итоге эти деньги уходят на роскошный стол архиерею и его присным, на «конвертик», на «подарок» в виде новой иномарки — это послушание или нарушение заповеди? Хотелось бы разобраться в конкретике, а не только бесконечно слышать благоуветливые общие фразы.

А эти слова отца Константина у многих священников могут вызвать только нервный смех: *«Если безропотно понесем крест, он будет для нас спасительным. Кроме того, если священник искренне старается слушаться церковное начальство, не грубит, не злословит, не распространяет об архипастыре сплетен, то обычно эти качества ценятся, и больших неприятностей не бывает, только уж по особенной воле Божией».* Ну да, ну да — не груби, и будешь в шоколаде, ага.

Всем известный своей прямоотой протоиерей Димитрий Смирнов (Москва) сразу послал автора вопроса известным курсом:

«Я бы посоветовал почитать Священное Писание. Очень хорошая книга, назидательная. Там написано и про то, каков должен быть святитель, и про то, что даже если епископ твой враг, ты должен его любить. Это проходят в воскресной школе».

Но нахальный и несмиранный иерей Алексей Попов, автор вопроса, не уgomонился ответами старших собратьев и попер в атаку:

«Большое спасибо, дорогой отец Димитрий, за ваш ответ. Как вы и советовали, я обратился к Священному Писанию и вот что я там обнаружил. „Ибо, хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов; я родил вас во Христе Иисусе благовествованием“ — стало быть отношения с апостольскими преемниками должны выстраиваться не на принципе босс-подчиненный, а на принципе отношений родителей и детей.

Отвечая отцу Константину могу сказать, что да, особые отношения требуются — мы дети, а епископ — отец, а вместе мы семья — то есть Церковь. Если принять вашу точку зрения, отец Константин, о том, что „священники на службе“, тогда не понятно, чем Церковь отличается от любой другой организации.

Хотя мой вопрос не об этом. Мой вопрос не столько о любви к епископу, сколько об уважении. Как быть, если уважение к епископу подорвано самим же епископом: его ложью, циничным отношением к святыне и Священному Писанию. Что делать, если ты от всей души любишь своего епископа, но не находишь основания для уважения. Ведь это крайне разрушительно для душевного здоровья — лицемерно оказывать знаки почета тому, кого от всей души не уважаешь».

Очень важный вопрос, под которым подписались бы многие священники, в частности те, кто публиковал свои «исповеди» на «Ахилле». Но маститые отцы отвечают все в том же духе: надо смириться, у всех есть немощи, да и вообще — уважение оказывают не человеку, а сану. (Вот это прекрасный кульбит, постоянно используемый в церковной риторике: сначала требуют почитать епископа и слушаться во всем, потому что он преемник апостолов, у него благодать, он тебя рукоположил, ему дана власть, ты в армии, блаблабла, а как только поворот к тому, что епископ, не то чтобы на христианина не похож, а, извините, вообще порой негодяй и чуть ли не уголовный преступник, щупающий мальчиков и воруящий церковные деньги, — тут же включается про немощи и уважение к сану. Хитрбó.)

Ну, далее отцы начали дискутировать в комментариях, а мы не будем уже вдаваться в подробности той дискуссии, с нас достаточно. Напоследок лишь процитируем одного протоиерея:

«Данное обсуждение видят только зарегистрированные пользователи — священники. Надеюсь, что соблазна для паствы это обсуждение не вызовет».

Извините, отцы и владыки, теперь вызовет. Все срочно начинаем соблазняться, ведь у паствы тонкое и ранимое душевное устройство, не чета задубелым шукурам священников-солдат. А может быть, кто-то еще захочет подумать и сделать выводы. Свои собственные, конечно.

Алексей Плужников

БРАТЬ ИЛИ НЕ БРАТЬ? ДА НЕ ВОПРОС!

На уже не раз упоминаемом нами сайте «Пастырь», предназначенном для общения епископата и священства, один священник задал вопрос:

«В храме, где я относительно недавно стал служить, прихожане во время Исповеди подают деньгами, меня это смущает. Пытался объяснить, что деньги они могут пожертвовать за свечной лавкой или передать после богослужения, но на нарушение такой традиции люди обижаются. Как быть, где грань дозволенного?»

Ему длинно и путано отвечает протоиерей Константин Островский. Суть ответа такова: маститый священник не видит никаких проблем в самом вопросе — деньги во время исповеди. Он начинает кружить вокруг да около: мол, надо смотреть по обстоятельствам, если до вас на приходе был «старец-батюшка», то ничего менять нельзя аж 10 лет, а если другие отцы привыкли брать деньги на исповеди, то ты, такой-сякой бессребреник, можешь принести им «огорчение».

Нет, конечно, требовать деньги нехорошо, молитва ничего не стоит и прочее блаблабла, но, подчеркивает отец Константин, прихожанин должен намотать на ус главное (тут он приводит пример с одним спонсором):

«У нас есть один большой благотворитель, он вложил в храм огромные деньги. Как-то он пришёл и попросил меня отслужить молебен, я отслужил, он мне деньги даёт. Я говорю: „Ну, что Вы? Какие деньги?“ Он говорит: „Нет, я хочу пожертвовать“. И в Библии сказано: „Пусть не являются пред лице Мое с пустыми руками“».

Ясно? Не являйтесь в храм с пустыми руками — таков вам завет от Бога и отца Константина.

А к вопросу преискурантов в храме — и тут опытный настоятель находит выход:

«Однако, учитывая человеческую немощь, бывает необходимо устанавливать рекомендуемые суммы пожертвований».

В церковь ведь ходят одни немощные недотыкомки, они сами не могут определить, что им надо и на какую сумму приобрести благодати — им надо «рекомендовать». Тебе рекомендуют дать за отпевание пять тыщ, а ты такой: ага, спасибо за рекомендацию — и даешь сто рублей. Интересна дальнейшая реакция лавочницы или священника, когда ты им так ответишь на «рекомендацию»...

И тут же отец Константин делает кувырок и говорит, что пожертвование, конечно же, должно быть «добровольное». Хотя есть «рекомендуемые суммы» и даже Бог в Библии велел приходить не с пустыми руками, ага. Делай свой выбор, недотыкомка. А потом не говори, что тебя не предупредили.

Глава 3. «АНТИЦЕРКОВНЫЙ САЙТ» «АХИЛЛА»

Алексей Плужников

ПРАВЕДНОЕ СЕЛФИ НА ФОНЕ ДЕТЕЙ ДЬЯВОЛА

Портал «Православие и мир» продолжает (текст написал в июле 2017 г. — А.П.) последовательно развивать антиахилловский месседж, привлекая к этому известных публичных священников и даже епископов. Забавно, что никакой, даже ультраправый сайт, типа РНЛ, Православия.ру или Радонежа не «обличает» нас с такой методичностью, как «либеральный» Правмир.

Наши оппоненты в сани уже достаточно убедительно фыркнули на страницах Правмира, «доказав», что «Ахилла» готовит революцию, публикует чернуху и заказуху, и вообще тут все авторы поголовно атеисты, блудники и пьяницы. А теперь к хору присоединился наш новый друг и почитатель — епископ Иона (Черепанов), который (разумеется, не произнося вслух невыносимого имени

«Ахиллы» — «Того-Кого-Нельзя-Называть») так вкратце объяснил суть и направление всех текстов нашего проекта, а особенно «исповедей»:

Все ваши (наши) «исповеди» — это духовный эксгибиционизм, селфи и вообще вы все блондинки;

Все анонимные попы на «Ахилле» — вообще никто и даже не мужчины;

Все вы/мы, тут публикующиеся (уже в районе 350 текстов) — дети дьявола и хамиты:

« ...данный вид творчества несколько напоминает иное современное явление, известное как «селфи». Мне несколько раз попадались на глаза исследования специалистов, которые рассуждают о феномене селфи как о разновидности патологии психики, психическом отклонении.

Так и здесь. Человек выворачивает душу буквально наизнанку, пытаясь это сделать «красиво». Но для чего, с какой целью?

Это как обнажение каких-либо частей тела: что вполне допустимо, скажем, на приеме у врача, то, когда происходит где-то перед детьми или посторонними людьми на улице среди бела дня, выглядит гнусным и отвратительным. И разговор о своих духовных проблемах, мучениях, боли вполне уместен и понятен, если происходит между друзьями, или с духовником, или с психологом в надежде получить какую-то реальную помощь. Но если человек открывает всю свою зачастую неприглядную сущность, выставляет болячку напоказ всему честному народу, получается именно такой вот духовный эксгибиционизм. Или селфи — в худших традициях блондинок с губками-уточками, над которыми смеется весь интернет.

...Что еще удивляет при просмотре интернет-откровений, так это то, что анонимно выступают священники. Об анонимности иных участников ситуации, так сказать, «виновников» их скорбей, они нисколько не заботятся, зато себя тщательно маскируют. Но любой мальчишка знает, что за свои слова всегда нужно отвечать, и если ты что-то говоришь, будь готов за это ответить. Поэтому трусливо скрываться под ником и безответственно продуцировать «правдорубческие» тексты недостойно не то что священнослужителя, но и любого мужчины. Даже в советский период, период доносов, анонимщики презирались и высмеивались.

Как апостол говорил, что христианам не позволено судиться перед внешними, так и в данном случае происходит тяжба христиан перед внешними людьми, совершается самый обычный Хамов грех». (из указанного интервью епископа Ионы)

Вот такой архипастырский вердикт.

Но я не согласен насчет отсутствия назидания — назидание есть, и очень мощное, вот только не то, которое призывает целовать начальственные пятки и подобострастно кланяться деспотам, прося их милости и благословения.

Кстати, повторяюсь, что я тоже всей душой за открытость отцов, но также я понимаю и принимаю тот факт, что надо заботиться в первую очередь о своих ближних, не подставлять их. Беда лишь в том, что это только на руку деспотам и позволяет им и дальше запугивать и отправлять всех несогласных в ад.

И я всецело соглашусь с последними словами епископа Ионы:

«...злом, осуждением, злословием никогда ничего улучшить не получится. Потому что осуждение, злословие имеют одного отца — дьявола, а с дьявольскими методами в Христовой Церкви делать нечего. Когда люди во что бы то ни стало хотят, чтобы было по их желанию, и при этом не брезгают никакими средствами, может быть, своей цели они и достигнут, но Божьего результата никогда не добьются. Я в этом абсолютно уверен».

Вот только почему-то эти правильные слова церковное начальство относит к кому угодно, особенно к критикам, только не к себе, хотя кому как не архипастырями быть в первую очередь примером «словом, делом, житием» нам, грешным и окаянными. Но нет, им своих целей можно добиваться любыми средствами, а вот возразить им — ни-ни, иначе «досадишь епископу» и «за свои слова ответишь» — в виде унижения, злобного топота ногами, потрясения архипастырским жезлом, а потом изгнанием, запретом и лишением сана. Ну, а потом тоже критиковать нельзя — ты ж никто и ушел из Церкви.

Как и сто лет назад, вельможи в сане, плотно угнездившиеся в своем сытом, удобном мирке, не желают не только адекватно реагировать, слышать, отвечать, пытаться что-либо исправить, когда им говорят в глаза о

проблемах, когда люди кричат от боли — нет, они с праведным негодованием отрицают и сам факт проблем, и саму возможность критики, и самое существование недовольных, больных или критикующих.

Но ведь вы дождетесь, когда отцы наконец-то осмелеют, разозлятся, плюнут и выскажут в лицо все то, что они о вас, ваши преосвященства, думают. И вот когда отцы отринут анонимность, то я, недостойный, «бросивший семью и РПЦ» (как любят повторять свой главный аргумент праведники пера и «чего изволите-с?»), с большим удовольствием перестану писать что-либо критическое от себя, а предоставлю слово отцам и мирянам.

И мало вам не покажется, раз уж уроки истории ничему вас не учат. Так же, как и ваших подбобрастных прислужников.

Алексей Плужников

ПЫЛИНКА АРХИЕРЕЙСКОГО ГРЕХА

«Это все пишут обиженные, недовольные», «они все бывшие, ушли из Церкви, поэтому слушать их не надо», «Они вышли от нас, но не были наши», «Сами во грехах, а нас учат!», «там все вранье, клевета и вообще там все сыны дьявола», «у вас там грязь, помойка, и вообще вы мухи, а мы пчелки!», «нельзя осуждать архиереев!», «вы судите Церковь!», «да, некоторые недостатки в Церкви есть, но не вам их обсуждать», «да, в Церкви есть проблемы — и это вы, бывшие и пропащие, критиканы с «Ахиллы»»...

Такое чувство, что все представители официоза РПЦ, отправленные защищать православие от «Ахиллы», получили одну методичку, которую они зазубрили и повторяют как мантру. Одни и те же аргументы, одно и то же незнание фактического материала — видно, что очередной критик прочитал максимум два-три материала, а об остальном «слышал», как о Пастернаке.

На передовой уже выступали разные борцы: и публицисты, и священники, и был даже епископ. Теперь вот отметился критикой нашего ресурса маститый архиерей — митрополит Саратовский Лонгин (Корчагин). В интервью о расцерковлении на главном пропатриархийном сайте Православие.ру журналистка задала такой вопрос митрополиту:

«Еще люди говорят, что их отталкивает открытое обсуждение недостатков в церковной жизни. Именно поэтому появляются сайты

типа «Ахиллы», такие книги как «Исповедь бывшей послушницы» и т.д. Приведу слова знакомого православного журналиста: «Я с детства знаю одного священника, который оставил служение; это один из лучших людей, которых я встречала в жизни, – и я не могу не думать, почему так случилось и почему он оказался сторонником “Ахиллы”. Дело не в том, что нам не нравится, что там печатают, а в том, что для людей это важно и резонанс колоссальный...»

Ответ митр. Лонгина:

«Что касается обсуждения недостатков, я думаю, тут нужно всегда руководствоваться Евангелием. Если у человека есть какой-то серьезный недостаток, надо сказать это ему самому, а не выносить посредством интернета на всеобщее обсуждение и посмеяние. Кроме того, наблюдая за самыми бурными дискуссиями в сети, я вижу, что чаще всего они вызваны недостоверной или неполной информацией или даже основаны на прямой лжи. Никогда не надо торопиться с оценками. Я не советовал бы сразу же чем-то возмущаться и становиться на чью-то сторону. Если мы хотим быть христианами, нужно быть очень осторожными в своих словах.

Еще будем помнить, что наши оценки других людей всегда субъективны – как плохие, так и хорошие, комплиментарные. Кому-то человек кажется лучшим на свете, а тому, кто знает его более глубоко, может так совсем не казаться.

Что касается «Ахиллы», «Исповеди бывшей послушницы» и прочих проектов... Потеря веры или уход из Церкви – это всегда страшная трагедия для человека, как бы он ни хорохорился. Можно даже, как известный отступник А.А. Осипов, мучительно умирая от рака, повелеть написать на своем могильном памятнике: «Радости вам, долгих лет жизни желает атеист и друг ваш Александр Осипов». Но на самом деле, конечно, такой человек не находит себе покоя. И диавол дает ему иллюзию покоя, полноценной жизни в том, что побуждает его всю оставшуюся жизнь бороться с Церковью, ненавидя и унижая то, что он когда-то любил. Это, в общем-то, обычное чувство, психологически легко объяснимое. Можно найти ему аналогию и в человеческих отношениях, потому что ненависть между людьми бывает наиболее полной и зрелой, когда она проистекает из прежде бывшей любви. А когда человек

ненавидит, он уже каждое лыко в строку вставляет: там и правда, и неправда, и выдумка, и преувеличение – всё как в том же «Ахилле».

Хотя сказанное не отменяет того, что в нашей церковной жизни множество недостатков и проблем. Я, как архиерей, могу сказать и о себе. Я вообще человек грешный и знаю свои грехи. Они самые разные, но они все вместе – пылинка по сравнению с тем грехом, который я совершаю, когда рукополагаю человека недостойного. Апостольская заповедь гласит: Рук ни на кого не возлагай поспешно (1 Тим. 5:22), а среди нынешних кандидатов встречаются, к сожалению, люди, которых, как выясняется впоследствии, ни в коем случае нельзя было вводить в клир. Это трудно или почти невозможно распознать заранее: они учились в семинарии, не совершили каких-то грубых проступков. Пришло время – просили хиротонии, их рукоположили, а потом оказалось, что этим людям близко не надо было подходить к церковному порогу. И такие люди, увы, встречаются везде. Ведь на том же «Ахилле» посмотрите все эти «исповеди» бывших батюшек: при том что у них были самые разные обстоятельства, понятно, что эти люди совершенно не имели представления о том, кто такой священник, зачем он поставлен и что должен делать. У них совершенно обычные, материальные претензии: им чего-то недодали, или отняли то, что они считали своим по праву, а самая главная проблема обычно – почему его, беднягу, коварнейшим и жесточайшим образом отравили служить в деревню. Это конец жизни, трагедия. Надо срочно всё бросать и писать жалобы в интернет о самодурах-архиереях...

Если подобные проекты имеют заметный резонанс – что ж, вероятно, в этом есть какой-то смысл, если Господь попускает это...»

Итак, митрополит Лонгин призывает христиан быть осторожными в словах и выводах и не торопиться выносить в интернет осуждение и обсуждение чьих-то недостатков. Имея в виду, разумеется, недостатки патриарха, архиереев, «старцев» и некоторых священников, которые подвергаются критике на «Ахилле». Но тут же — мгновенно — митрополит забывает о своем же призыве и высказывает твердое, убежденное мнение, что, видимо, поголовно все авторы «Ахиллы» подобны бывшему протоиерею А.А. Осипову: «ненавидят то, что раньше любили», борются с Церковью, мешают «правду, и неправду, и выдумку, и преувеличение».

Уважаемый владыка, будьте добры предъявить конкретные факты неправды и выдумки в наших материалах — мы с удовольствием извинимся и покаемся в своей неправде. Иначе ваше заявление выглядит, простите, голословным и даже попахивает клеветой.

Вы, владыка, утверждаете, что все ваши грехи — «пылинка» в сравнении с тем, что вы рукополагаете недостойных священников. Смелое заявление. Тут читатели должны насторожить ушки и ожидать откровений о том, как вы рукополагаете недостойных за деньги, или открытых геев, или представителей поповских кланов, или по знакомству, или тех, кто известен другими каноническими препятствиями к рукоположению (второбрачных или женившихся целибатных дьяконов). Но нет, оказывается, вы сетуете, что рукополагали тех, кто хорошо учился в семинарии, не совершал грубых поступков, все было в порядке, и только после хиротонии, с годами, выяснилось, что данных священников вы рукоположили зря.

Простите, но это или лукавство, или глупость. Разве виновата мать, родившая ребенка, в том, что тот потом, с годами, станет убийцей, вором или насильником? Нет, она родила милого малыша. Но, может, что-то в дальнейшем воспитании было не так? Вот это возможно, да.

Ведь ваши «недостойные» священники учились несколько лет в семинарии, несли послушания в алтарях, постоянно были перед глазами преподавателей и дежпомов — не значат ли ваши слова то, что система обучения и воспитания (ведь семинаристов вы называете традиционно «воспитанниками») в семинариях неэффективна, раз за несколько лет невозможно выявить и отсеять недостойных хиротонии? Может, в системе воспитания виноваты не воспитуемые, а воспитывающие?

Вы говорите: «Эти люди совершенно не имели представления о том, кто такой священник, зачем он поставлен и что должен делать», — так это вы не научили их этому за пять лет, вы расписались в собственном провале. Порядочные руководители в таких случаях подают в отставку. Хотя, думается, в вашем представлении «настоящий», «правильный» священник — этот тот, кто знает, «зачем он поставлен» — платить взносы, приносить доход, и при этом помалкивать, быть покорным и выполнять абсолютно все, что требуют. Как раб.

И кого вы, в итоге, называете «недостойными»? Судя по цитате, недостойные священники — это те, кто смеет критиковать начальство, кто недоволен системной жизнью РПЦ, кто возмущается своей нищетой в деревнях, на фоне «сытой жизни» архиереев. Вы ведь упоминаете выше в интервью, что *«наше время – все-таки время достаточно сытой жизни. При том что мы привыкли плакаться: мол, у нас всё плохо, мы живем в непростое время... – но все-таки мы (особенно те, кто вырос при советской власти) честно должны сказать, что живем хорошо. А человек сытый, недавно научившийся жить в обществе потребления, занят только самим собой. Это проявляется и в его церковной жизни, если она у него зарождается хоть в какой-то степени. Кстати, это относится и к нам, духовенству. Мы такие же люди, поэтому все наши недостатки, проблемы, в общем-то, такие же, как у всех»*.

Владыка, говоря о сытой жизни, вы точно не путаете себя с деревенским батюшкой, у которого пятеро детей, прихожан — 10 человек и все они старушки; которому нужно строить храм, а епархиальный налог таков, что впору ходить побираться? Или вы и вам подобные владыки регулярно перечисляют деньги из собственных или епархиальных средств на поддержку бедных сельских приходов, на лечение и обучение детей этих священников? Вы покупаете им дома, выплачиваете пенсии, пособия на лечение и отдых у моря? Или всем этим — миллионными суммами, резиденциями, авто высшего класса, отдыхом в элитных местах и лечением за границей — вы пользуетесь сами?

Может, вы расскажете публично, каков ваш — вроде как бы монашеский — образ жизни? Расскажите нам, каков ваш доход, сколько вы получаете содержания от епархии, сколько вы берете в конвертике с каждого присутствия на приходском богослужении, сколько собирают вам на подарки ко дню рождения, хиротонии и прочим праздничкам? Или нам спросить у саратовских отцов? Уверен, найдутся те, которые сообщат нам суммы конвертов и «подарков».

Хотя, конечно, может оказаться и так, как в некоторых епархиях: архиерею не дают конверта — просто эта сумма уже включена в епархиальный взнос, выросший многократно за время правления патриарха Кирилла.

А вот после того, как услышим ваш честный архипастырский рассказ о ваших доходах, тогда и поговорим про сытую жизнь. Сравним жизнь князей церковных и их холопов.

Или вы скажете нам: негоже считать чужие доходы в чужих карманах? А мы ответим вам: нет, владыка, — гоже. Потому что ни копейки вам, монаху и пастырю Христовых овец, не принадлежит. Все это — деньги ваших овец, копеечки старушек, заработанные рубли братьев и сестер, отобранные от приходов тысячи, переведенные или переданные в чемоданчике от спонсоров-ктиторов миллионы «на Церковь». Поэтому вы просто обязаны давать обществу отчет за каждую полученную и потраченную копейку. Как христианин и как честный руководитель. Или мы ошибаемся?

И напоследок о вранье. Ваша цитата, владыка: «Ведь на том же «Ахилле» посмотрите все эти «исповеди» бывших батюшек».

Что ж, давайте посмотрим «исповеди» «бывших батюшек», которые у нас опубликованы.

Итак, у нас опубликованы (текст написан в начале ноября 2017 г., через 9 месяцев после создания «Ахиллы» — А.П.) 15 заполненных анкет анонимного священника. Из них 11 написаны служащими священниками (один из них служит в заштатном положении, поэтому смело написал под своим именем, другой служит, также будучи заштатным, но имя свое открыть не рискнул).

Два священника написали анкеты, подписав свое имя: Дмитрий Терехин и Павел Радин. Итог: оба были тут же отправлены в запрет.

Одну неанонимную анкету заполнил дьякон, вынужденно не служащий по семейным обстоятельствам.

И лишь ОДИН текст написан священнослужителем, которого с натяжкой можно назвать «бывшим», разочаровавшимся в вере: иеромонахом, ушедшим из монастыря, хотя сама анкета заполнялась тогда, когда автор еще служил в монастыре. Да и официально этот иеромонах до сих пор даже не запрещен в священнослужении, так что бывший он лишь в том, что ушел из монастыря и работает на светской работе.

Есть у нас некоторые другие публицистические тексты священников и интервью, которые близки к категории «исповедей», но и среди этих священнослужителей нет ни ОДНОГО бывшего.

Ах да, пардон: самый натуральный бывший — это же главред «Ахиллы». Да, но вот только ваши аргументы, владыка, ко мне никак не подходят: я не заполнял анкету, не писал исповедей, я ни на что не жалуясь, я не служил в деревне и не вопиял о своем материальном положении. Мало того, за свой уход из РПЦ я не виню ни священноначалие, ни кого-либо еще — это мой личный выбор.

Итак, следует сделать вывод, что вы, ваше высокопреосвященство, или сознательно солгали, назвав наших авторов «бывшими батюшками», или для вас сам факт того, что они посмели заполнить эти анкеты, является тумблером, автоматически переключаящим положение священника из «настоящего» в «бывшего», или все гораздо проще: вы просто не читали «Ахиллу» (максимум — просмотрели пару-тройку материалов вскользь, например, рассуждения одного сельского священника или другого), а выводы делаете «от ветра главы своея».

Нехорошо, владыка, архипастырю и христианину лгать и пользоваться двойными стандартами. Это нам, бывшим и пропащим, можно хулиганить напропалую, с нас взять-то уже нечего, а вот вы — нам пример, мы на вас, как ученики девятого «А» на Нестора Петровича (из фильма «Большая перемена»), «равнялись и будем равняться».

Не подведите нас, дорогой владыка Лонгин.

Алексей Плужников

ОБИДА НА ЦЕРКОВЬ

Часто слышу в адрес нашего проекта, наших авторов (да и вообще критиков порядков в РПЦ) такой упрек от лояльных верующих: «Да это у него обида на Церковь!»

Мне думается, в такой формулировке заложена подмена понятий, которая ведет к определенным выводам.

О чем чаще всего пишут некоторые наши авторы:

- Человека обидел архиерей (как у нас было в рассказе сельского священника, которого унизил и оскорбил архиерей, обозвав лжецом, тунеядцем и бесноватым на том основании, что у того нет денег на строительство храма в бедном селе). Или в своих анкетах священники рассказывают о беспределе архиереев;
- Игуменя превратила монастырь в рабовладельческое поместье, где все сестры находятся в унижении, их морально и физически третируют, где процветают лицемерие, ханжество и стукачество (история Марии Кикоть или монахини L.);
- Священник манипулирует прихожанками, держит их в психологической зависимости или даже домогается их (истории, связанные с прот. Артемием Владимировым, игуменом Лукой Степановым, или история из флешмоба #ЯНеБоюсьСказать);
- Безобразия в семинариях, где вместо образования насаждается «воспитание» верных рабов системы;
- Многие другие истории, в которых авторы высказывают свое недоумение, негодование или разочарование касательно деятельности или личности патриарха Кирилла, архиереев, «старцев» и проч.;
- Истории, посвященные лицемерию и фальши внутрисистемной жизни РПЦ, истории, касающиеся вопиющих нарушений канонов со стороны руководства епархий или патриархии, и т.д. и т.п.

О чем все эти истории? О том, что конкретные люди, чаще всего (да практически всегда) — начальники, которые вроде бы, согласно христианским заповедям, должны быть примером для «малых сих», оказываются не просто банальными грешниками (что свойственно абсолютно всем людям), а соблазном тех самых «малых», разрушителями церковной жизни, живых человеческих отношений внутри Церкви. О том, что такими людьми выстроена система лжи, зависимости, коррупции, высокомерия, властолюбия и унижения по отношению ко всем тем, кто находится ниже по статусу, к тем, кто не хочет быть винтиком этой античеловеческой системы, а хочет быть нормальным христианином в нормальной Церкви.

И вот когда такой человек возмущается системой жизни РПЦ или ее отдельных функционеров, то ему кидают упрек: «У тебя обида на Церковь!»

А из этого упрека следует успокоительный, удобный для благочестивого упрекателя вывод: у нас в РПЦ нет проблем, вернее, они есть, но этими проблемами как раз являются вот такие возмутители спокойствия, такие недовольные, «обиженные на Церковь». Если этих обиженных заткнуть, то в Церкви (которая в понимании благочестивых абсолютно идентична РПЦ, вернее, моспатриархии) все будет отлично и полное благорастворение воздушных. И из проблем останутся лишь выбивание земельных участков под строительство новых храмов да поиски новых дойных коров для увеличения денежного потока снизу вверх, от приходных к патриархии.

И ведь какой мощный аргумент: критик обижен на Церковь, а раз Церковь установлена Христом, то значит и на Христа, а значит этот обиженный — не только отступник, иуда, но еще и богоборец, почти антихрист, бесоодержимый (как назвал меня ничтоже сумняшеся благочестивый батюшка, бывший друг, а ныне горячий обличитель меня и «Ахиллы» — например, я стал «бесоодержимым» после того, как одна из наших авторов посмела порассуждать на тему «я не за аборт, а за выбор», посмела покритиковать православных пролайферов).

Вот так подмена понятия в устах благочестивых становится клеветой. Они не желают услышать и понять, что большинство критикующих «Церковь» (а на самом деле критикующих РПЦ=патриархию) в реальности беспокоятся, любят и переживают именно за Церковь Христову. Пусть кто-то из авторов ушел из РПЦ (а многие никуда не ушли и не собираются), пусть разочаровался, пусть в данный момент находится на перепутье, во внутренней борьбе, но когда говорят ему, что он «обижен на Церковь», то своей клеветой его еще больше отталкивают и даже пытаются окончательно столкнуть в пропасть так называемые собраты. Верные овцы, тщательно блюдущие крепость жердей своего загона, и выталкивающие «заблудшую» овцу, Пастырем которой являются не они. И даже те, кто называют себя «архипастырями», на деле часто являются циничными наемниками, пожирающими овец, в надежде, что истинный Пастырь не заметит пропажи, пока Он ходил в горы за потерянной овцой.

И ведь точно то же происходит не только в РПЦ, но и в России в целом. Когда человек критикует президента, недоволен Думой и депутатами местного разлива, когда человек ругает чиновников, разворовавших страну, когда человек выступает против агрессии своего государства по отношению к

соседям — ему говорят: ты не патриот, ты не любишь Россию, ты не любишь Родину.

Та же клевета: Россию, Родину подменяют государством, идеал, живущий в сознании человека, подменяют аппаратом подавления, называя этот ржавый уродливый танк — Родиной. И вот ты уже не патриот, если любишь Родину (культуру, искусство, природу, историю, людей своей страны), но критикуешь государство, недоволен властью.

Невозможно быть обиженным на Родину, невозможно быть обиженным на Церковь или на Христа — но можно быть недовольным Кремлем или РПЦ. Тебя может обижать член твоей семьи, но вряд ли кто из-за этого может обижаться в целом на само понятие семьи. Человека может обидеть, ограбить другой человек, но из-за этого не обижаются на человечество в целом. Если такое случается, то скорее всего человек просто психически нездоров.

Или, если такая «обида» бывает озвучена, то обычно это лишь не вполне стилистически точная риторика, представленная в упрощенном и сокращенном виде («и так все вроде ясно»), под которой скрывается нечто иное. Например, «я ненавижу людей!» означает — «тех проклятых соседей наверху, что всю ночь орут и бьют посуду». Или «попы зажрались», что значит лишь — «я довольно часто встречаю, к сожалению, нечистоплотных на руку священников, которые вместо заботы о пастве и ближних, строят себе особняки и покупают дорогие авто. Мне хотелось бы, чтобы было иначе, меня бы это радовало, потому что в душе я хорошо отношусь к доброму священству, но... некоторые ПОПЫ ЗАЖРАЛИСЬ!» То же самое в отношении РПЦ — вся критика значит: я хочу, чтобы РПЦ была Русской Церковью Христа, а не московской патриархией со всеми вытекающими.

Но проблема таких упреков в адрес критиков лежит глубже. В корне их — рабский страх, страх народа, который тысячу лет жил в рабстве:

- начальник всегда прав.
- Возмущаться и бунтовать — грех.
- Барин сам решит, не холопье это дело — рассуждать.
- Не думай, не принимай собственных решений, только трудись и плати оброк, налог, епвзнос.

- Так устроено изначально: Бог на небе, царь на троне, президент в Кремле, архиерей в бриллиантах, ты в говне.
- Склонись, молись, целуй барскую руку.
- Молчи, молчи, молчи!..

Нет, товарищи благочестивые. Нет худшего греха, чем страх. И изменения к лучшему начинаются не с молчания, не с покорности, не со страха. Они начинаются со смелости сделать первый шаг и сказать: «нет!»

Ибо «в начале было Слово» и «каждому гарантируется свобода совести, мысли и слова» (Конституция РФ).

И обида на Церковь тут не при чем. А клеветать — нехорошо.

Ксения Волянская

ПОМОЙКА ПРОТИВ БАШЕН ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ

Одни из самых ценных источников для историков, изучающих тот или иной период, кроме документов, газет, журналов – это воспоминания, письма, и, пожалуй, самый важный – дневники непосредственных участников событий. Что бы мы знали о блокаде Ленинграда без собранных Адамовичем и Граниным свидетельств, без дневников Ольги Берггольц и многих других очевидцев трагедии? Официальные цифры, сводки и отчеты, да еще за минусом до сих пор не рассекреченных документов? Это только один пример.

Периодически кто-нибудь, говоря об «Ахилле», брезгливо роняет в комментариях: «Этот сайт – это же помойка, фууу, грязь, неприятно читать».

Неприятно читать рассказ попа, изгнанного в запрет, потому что попал в больницу и не мог полноценно служить; анонимные признания священников и монахов о том, что они верят не так, как положено, или вообще уже не верят, а служат потому, что некуда уйти; откровения бывших прихожан о том, почему они бывшие, и пока-прихожан о том, что их смущает, тревожит, мучает; монолог юноши, бывшего алтарника, о том, как он стал атеистом?

Но все эти люди имеют ровно такое же право высказаться, как и те, кто благостно и вполне традиционно повествует о своем пути к Богу (кстати, таких рассказов на «Ахилле» уже тоже много, но их в упор не хотят видеть,

зачем, проще повторять про помойку) или о том, какие чудеса с ними произошли в Церкви. Ваше право фыркать и отворачиваться, но от того, что вы отвернетесь, эти люди не исчезнут, они есть, со своими мыслями, чувствами, которые вас коробят, смущают, задевают и возмущают. «Ахилла» всего лишь предоставляет возможность всем этим людям быть услышанными. Таким образом пишется неофициозная летопись жизни РПЦ, из которой будущие историки смогут узнать не только то, что подойдет для учебников, а картину более объемную и более правдивую.

И если воспринимать Ахиллу именно так, то пресловутый образ помойки приобретает неожиданный смысл. На помойке, например, иногда находят выброшенных младенцев, а также щенков и котят. Находят выкинутые наследниками документы, письма, фотографии и дневники – для них это хлам, грязь, а вот для историка, архивиста, краеведа – клад. Находят картины кисти известных художников и альбомы знаменитых фотографов.

Люди часто пренебрегают тем, что надо изучать и беречь – из-за своего снобизма, стереотипного мышления, стремления любой ценой сохранить душевный покой и жизненное пространство. А другие люди находят на помойке то ценное, что выкинуто, и несут домой – спасти, отмыть, почистить, отдать в хорошие руки специалистов. И кроме фыркающих и брезгливых есть те, кто благодарит за возможность сказать вслух то, что больше сказать негде, поделиться наболевшим, выплеснуть обиду, рассказать о пути не только в Церковь, но и из Церкви — все вместе эти рассказы пишут летопись «Бог, Церковь и люди на стыке второго и третьего тысячелетий».

Отдельная претензия фыркающих – анонимность некоторых авторов «Ахиллы». Ну, начнем с того, что больше половины текстов на нашем сайте не анонимны. А теперь пойдем дальше – в чем причина анонимности этих рассказов, исповедей, размышлений и писем? Авторы хотят облить кого-то грязью, опорочить чью-то репутацию и остаться безнаказанными? Вовсе нет. Их умозаключения, рассказы не касаются обычно конкретных людей с именами и фамилиями, они касаются Системы РПЦ в целом.

В данном случае критики руководствуются двойными стандартами.

Вряд ли они кинут камень в игуменью Феофилу (Лепешинскую), опубликовавшую «Плач третьей птицы» в 2008 году анонимно, под именем «монахини N». Множество православных издательств выпустили в свет

роман «Архиерей», написанный протоиереем Тихоном Андриевским под псевдонимом «иеромонаха Тихона». Уж не говорю о том, сколько священников анонимно пишут в соцсетях. Но в случае, когда критики знают анонимного попа лично, ему будет позволено ругать церковные порядки, патриарха и архиереев не просто жестко, а с употреблением ненормативной лексики, и никто не обвинит его в подлости — это же наш поп, ему все можно.

И опять – в чем причина анонимности? Авторы стыдятся того, что они пишут? Или, будучи частью системы, не готовы к прещениям, запретам и осуждению со стороны «братьев и сестер»? Один из критиков «Ахиллы» в своем фейсбуке на днях написал:

«Несколько раз в месяц я получаю письма от русских православных священников примерно вот с такими словами:

— Спасибо Вам огромное за то, что Вы пишете. Ведь Вы пишете ровно то, о чем мы и сами думаем, но не можем вслух сказать. Сами понимаете, что на такие темы священнику публично высказаться невозможно, вот мы и молчим. И все молчат. Иногда кажется, что вокруг тебя люди с ума посходили».

«Высказаться невозможно»! Это вы считаете нормальным, правильным? И пусть молчат в тряпочку, если невозможно, говорят на кухне за стаканом чая или коньяка, как в советские времена? Или позвольте им не копить в себе горечь, «уязвленность», а поделиться ею с читателями, чтобы не чувствовать так остро свое одиночество?

Лесковские слова о попах из «Соборян» можно приложить к большинству из авторов «Ахиллы», откровенные признания которых некоторые особо благочестивые читатели любят пренебрежительно называть «нытьем» или «истерикой»:

«Известно ли тебе, что мизерная жизнь сего попа не скудна, но весьма обильна бедствиями и приключениями, или не думаешь ли ты, что его кутейному сердцу недоступны благородные страсти и что оно не ощущает страданий?.. Или ты мыслишь, что уже и самое время мое прошло и что я уже не нужен стране, тебя и меня родившей и воспитавшей... О слепец! скажу я тебе, если ты мыслишь первое; о глупец! скажу тебе, если мыслишь второе и в силу сего заключения стремишься не

поднять и оживить меня, а навалить на меня камень и глумиться над тем, что я смраден стал, задохнувшись...»

А может, вы, как христиане, даже явите им свою братскую любовь и поддержите словом, молитвой, а когда необходимо — и делом, или это непосильный труд для православных в их наполненных благовониями башенках из слоновой кости — высунуть нос из своего уютного мирка и столкнуться с уличной пылью, грязью и шумом? Помните, еще не так давно реклама нам усиленно впаривала антибактериальное мыло и салфетки? Оказалось, пользоваться ими вредно для здоровья так же, как беречься от сквозняков.

Алексей Плужников

ПАРСУНЫ ВМЕСТО ЛИЦ

Председатель СИНФО Владимир Легойда написал в своем фейсбуке:

«Встречался сегодня с ребятами Форума Добролето. Замечательная атмосфера, глубокие, точные вопросы, открытые сердца... Молодая, активная, живая Церковь...

Как же безнадежно маргинальны те наши церковные диссиденты, которые ежедневно хоронят Церковь в своих „критических публикациях“, volens-nolens выдавая себя за последний бастион истинного христианства. Как же все это мимо того реального, что и составляет сегодня основное содержание церковной жизни.

Да, в ней много проблем. Но — „жизнь жительствоет“! И здорового, доброго, правильного, евангельского в этой жизни намного больше, чем действий „темного двойника“ Церкви».

При этом в комментариях к своей записи Легойда отказался называть имена этих «маргинальных диссидентов».

Совершенно согласен с патриархийным чиновником: все те, кто критикует «Церковь» (Легойда тут ставит знак равенства между Церковью и патриархией), действительно маргиналы. В том смысле, что «Церковь»/РПЦ выкинула их на обочину той «жизни», которая, по мнению Легойды, «жительствоет». Владимир Романович считает, что своей критикой

«диссиденты» тем самым выдают себя за представителей «истинного христианства». Странно, литературные критики вроде бы никогда себя не выдают за писателей, а церковная критика почему-то воспринимается только в плане перетягивания каната «истинности».

Хотелось бы вновь и вновь спросить у Легойды: вы говорите, что в Церкви «много проблем». Каких? Кто источник этих проблем? Маргиналы? Язычники? ЦРУ? Атеисты? Пятоколонники? «Бывшие»? Вам не надоедает кататься с боку на бок в гладких, ничего не значащих выражениях? Когда не произносятся имена, не проговариваются проблемы, а только с улыбочкой жонглируется пустословием?

А ответы ведь просты: это ваш начальник — главная проблема РПЦ. Это он и его присные, молчащие епископы (которые сильны на горло только в своей епархии перед священниками). Это патриархийные функционеры, вроде вас, Владимир Легойда, которые из живой Церкви соорудили ЦК Православия и Правсомол, который всегда готов надеть красную, зеленую или синюю курточку, волонтерствовать на патриарших массовках и тащить очередную хоругвь в очередное «покаянное» мероприятие, вслед за дюжими хлопцами, охраняющими ученика апостолов от «самарян».

Это вы убили жизнь в Церкви. Превратились сами в говорящие трупы и других подгоняете под себя. Может, ваши критики и сами неказисты, грешны и далеки от совершенства, но по крайней мере стараются больше не врать и не красить изо дня в день гробы.

Вы потеряли не только совесть, но и лица. Одни «парсуны» остались.

Алексей Плужников

SILENTIUM!

Молчи, скрывайся и таи

И чувства и мечты свои...

(Ф. Тютчев. Silentium!)

Тут мне попался на глаза текст, в котором автор упрекает Олега Курзакова за то, что он посмел опубликовать текст о своем уходе из священства, да еще на нашем сайте. Да и вообще всех «бывших» упрекает в том, что они своим

публичным «хлопаньем дверью» «искушают» оставшихся, «неустоявшихся в вере», а также других батюшек, которым тоже тяжело, нудно в системе, но которые не могут или не готовы выйти. Мол, нехорошо вы поступаете с нами — грех вам.

Эта идея — не искушайте нас своим громким уходом — довольна устойчива, часто слышна из разных уст. Мол, ну решил уйти — уйди уж молча, пропади с радаров и кувыркайся там в своей жизни как хочешь. Если сдохнешь под забором, сопьешься — то и хорошо, вот тебе и наказание будет. Не сдохнешь — ну все равно, небось, весь внутри исстрадался, иссох, только изображаешь, что ты счастлив и доволен жизнью без поповства или вообще без РПЦ. Что, реально счастлив и доволен? — Ну ты, гаад... Не искушай нас, а?! Исчезни, страдай, сдохни!

Это с одной стороны голоса. А с другой — полное молчание, штиль. Первые полгода существования «Ахиллы» на нас не раз кидались с яростными обличениями то епископы на «Правмире», то прикормленные системой публицисты — в чем только не обвиняли наших авторов: и в богоборчестве, и в атеизме, и в революционности, и в маргинальности...

Но потом там, наверху, видно, поняли, что лучшая тактика борьбы с критикой, с неудобными вопросами и неудобными людьми — игнор. Полный, тотальный. Если проблему нельзя решить — от нее можно отвернуться. Глядишь, сама рассосется.

В начале февраля 2018 года, то есть практически полгода назад, мы составили анкету неанонимного архиерея. В ней было несколько прямых вопросов, на которые мы вежливо попросили наших архипастырей, учеников апостолов и проч. ответить нам письменно. Эта анкета была разослана на почти все возможные электронные адреса всех структурных подразделений РПЦ, включая зарубежные автономные церкви (для тех вопросы и письмо были составлены на английском языке).

Результат? Сами понимаете — полная тишина в ответ. В РПЦ более 300, чуть ли не 400 уже епископов — ноль ответов, никакой реакции.

Далее. Существует портал «Пастырь», на котором насущные вопросы пастырской практики обсуждают епископы и священники. Мы попросили священника задать на этом сайте вопрос: как участники проекта «Пастырь» относятся к порталу «Ахилла». Вопрос был задан 6 июля 2018 г. С тех пор на

«Пастыре» обсудили такие наиважнейшие вопросы, как «когда нужно одевать фелонь на всedневном богослужении», «почему старец Паисий не стал священником», «как реагировать священнику, если о нем распространяют лживую информацию», вопросы священнического аскетизма, материального обеспечения священнослужителей (разумеется, под замком) и проч. и проч. Вопрос собрата-иерея про «Ахиллу» был проигнорирован.

Ради эксперимента был задан вопрос касательно отношения к «Ахилле» в православной социальной сети «Елицы», в рубрике, где разные батюшки (во главе которых иеромонах Макарий (Маркиш)) отвечают на бесчисленные вопросы читателей: про секс и онанизм, про почитание нынешних властей и чтение Псалтири, про то как поститься, молиться и слушать радио... Ну, в общем, про все, о чем постоянно спрашивают те, кому не хочется своей головой думать. Прошло несколько недель — в ответ тишина.

Нет, конечно, можно сказать, что тематика, обсуждаемая на «Ахилле», столь ничтожна, что не стоит внимания. Можно сказать, что авторы нашего проекта — сплошь маргиналы, отщепенцы и nobody (как сказал Владимир Легойда про всех «церковных диссидентов», категорически отказываясь называть вслух имена). Можно также сказать, что и те тысячи наших читателей (среднее количество просмотров на нашем сайте в месяц — в районе 200 тысяч) — на самом деле не существуют, не имеют отношения к христианству, Церкви и вообще человеческой расе.

Можно, да так и делают. Но выводы из того, что одни требуют от наших авторов «молчать и не искушать», а другие — сами молчат, потому что отвечать — для системы невыгодно, напрашиваются сами собой. Надо говорить. Вслух, громко, четко проговаривать те проблемы, которые есть, и которые системой изо всех сил замалчиваются. Только победив в своей голове страх перед свободой слова и укрепив в себе человеческое достоинство, став внутренне свободным, можно рассчитывать на какие-то изменения. Пусть для начала внутри самого себя, внутри своей семьи, общины. Общество ведь состоит из нас, отдельных личностей. Может, однажды критическая масса думающих и сопротивляющихся насилию системы людей достигнет нужной величины?

Алексей Плужников

ДУХОВНОЕ ЖЛОБСТВО

...Ну вы, попы, там вааще, в вашей РПЦ: вас архиереи нагибают, а вы сидите, трясетесь, молчите, хоть бы один мужик нашелся — да вы бабы ваще!

...Паадумаешь, нашелся мне тута смелый — написал анонимную статейку! Неча тут ныть и жалиться, обиженка! Да ты ваще не мужик — спрятался за анонимство! Ты давай-ка личико-то раскрой, труууус!

...И чо? Думаешь, такой весь из себя? Ну и че ты тут понаписал, отец Вася Пупкин? Героя из себя лепишь? Все плохие — ты хороший? Каноны знаешь? — Архиерей всегда прав, а ты всегда — г**но! Не нравится в системе — будь мужиком, уйди честно, живи в миру, работай, как мы! А то вцепился в свое кадило, ходит, как баба, в платье — привык он! Бороду сбрил — и на завод!

...Чо?! Снял крест, отбросил рясу? Да ты Христа предал! Тебе не архиерей крест дал — тебя Христос призвал!!! Ты трус, ты сбежал, ты предатель, ты ушел из Церкви, ты не мужик!

...А вот отец Павел Адельгейм!.. А вот Александр Мень! А тыщи отцов, что смиренно и терпеливо несут свой крест и не ноют?! Ты чо — лучше прочих? Ты просто не хочешь вкалывать — ты хочешь, чтобы тебя ценили, да? Абразованный, внатуре?! Не хочешь в деревне с тремя бабками? Трое детей у тебя, жена с тремя высшими, сам с двумя? — Гордец, интеллигент вшивый! Навыучивали на свою голову! Смирение потерял, добротолюбие попутал!

...Ты в попы зачем ваще шел? Где твоя голова в семинарии была? Ты чо — не видел всю гниль системы? Чо? «Видел тогда только гнилую картоху, которую чистил часами в столовке»? Твои проблемы, зема! Впарился — теперь не ной! Неча было совсем рясу надевать! Мужик должен слово держать пистолетом, пальцы топырить валетом!

...А Христос ваще ходил по деревням — босой! В драной рубахе! Ел одну рыбу и сухари! И ничо! А тебе подавай жилье, зарплату, детям — школу, бабе — работу, попам — профсоюз?.. Ты в попы зачем пошел? Ради бабы с детьми? Выкинь их в овраг — и за Христом пошел-распялся! Пшел, я сказал!

...Не, нучо — архиерей тебе плохой? Найди хорошего! Епархия не та? — Смени! РПЦ хреновая, страна в тоталитаризм катится? И чо? — Чемодан, вокзал, Майями! Ты на меня посмотри! Я вон как хорошо устроился — весь

тута в Европах/Израилях/Штатах в шоколаде! В воскресенье паки-паки, фелонька греческая, ладан афонский, прическа нью-йорская, прихожаночки тexasские. Потом на пляж, потом винцо в кафешке парижском, потом на конференцию багасловскую очередную на Кипре — солнце, море, харизма, кафизма... не, кафизма тут не катит, тусня, знакомства, связи, баблецо... В смысле, капуста — не бабы. Хотя и бабы тут... загорелые, да.

И ты приезжай — тут всем хватит места нести Христа в сердца разлагающейся гейропы! Не на Кипре, канеш, и не в Майями, но Филиппины большие, пристроим. Чо? «Дети малые, жена беременна, родители старые, денег нет, архиерей отпускную грамоту не дает, у самого инфаркт подпирает»? Ну извини, сам виноват, что лузер! На меня вот посмотри — читай выше. Я смог — я тебе советую. Пóтом и кровью всего достиг. Пóтом — своим, кровью — ближних. Чо? «Не спрашивал совета»? — Ну, лууузер, сам виноват, и хрен с тобой!

...Сан с тебя сняли? А че ты клювом щелкал, паря? Ты в общецерковный суд подай! В ЕСПЧ! В Гаагу! В ВВС! Напиши письмо Богу! Или САМОМУ ПУТИНУ — он сильнее! Сам проср*л свой сан, теперь бороду не жуй!

...Да ладно — у нас всеобщее священство! Организуй свою церковь, собери истинно-православно-пупер-верующих — за идею не благодари! Не хочешь? Хочешь в прогнившей РПЦ мирянином быть?! Ну ты ваааще! Они же сгнили все насквозь! Ты че — не видишь?! Ты когда в семинарию поступал — где был! А, да, в столовке, вспомнил... Валить надо от них! Ну ты лууузер... Не мужик ты, не мужик.

...Их надо валить? «Архиереев таких гнать из церкви»? «Очищение, возрождение»? Ты каноны ваще вштыриваешь? Без епископа нет церкви, без деспота нет протодьякона, без владыки ты г**но! Смиряться, молчи, терпи, плати — вон как тыщи прочих! Не вякай, не будь бабой — будь мужиком, пей спирт стаканáми, сдохни в пономарке!

...Семки есть? А есть найду?!

Глава 4. РПЦ КАК ОНА ЕСТЬ

Алексей Плужников

ЕСЛИ БЫ Я БЫЛ ПИАРЩИКОМ РПЦ...

На странице «Атеизм как религия» появилась «программа» преобразования РПЦ, которую публикую с моими комментариями:

«Если бы я был пиарщиком, и кто-нибудь из РПЦ вдруг обратился ко мне за советом, я бы предложил:

1. Следующим патриархом должен стать абсолютный аскет. В засаленной рясе, живущий в маленьком монастыре и каждое утро лично копающий грядки. Средство передвижения — «Форд Фокус». Телефон Fly. Отказаться от охраны ФСО. Основной контингент встреч: нищие, юродивые, смертельно больные. Депутаты Госдумы? Только когда перейдут в одну из трех упомянутых категорий».

Понятия «абсолютный аскет» и «патриарх» несовместимы: «абсолютный» аскет на то и абсолютный, что уходит от всяких мирских забот и забот о мире, кроме молитвы.

Предложение же некой аскетичности для патриарха поддерживаем: правда, непонятно, зачем ряса должна быть засаленной — нормальный аскет может и потрудиться — постирать себе рясу. Аккуратный аскет симпатичней грязнули.

Монастырь, грядку и отказ от ФСО поддерживаем руками и ногами. Причем в монастыре патриарх не настоятельствует, а живет в качестве рядового монаха, можно даже в отдельной келье.

«Форд Фокус» нет — только пешком и на общественном транспорте, в гуще народа. И только с Nokia 3310.

Непонятно, зачем патриарху встречаться только с «нищими, юродивыми, смертельно больными», — нищие, в основном, работают на мафию или сами к ней принадлежат, юродивые как-то редко встречаются. Смертельно больные — хорошо, но чем хуже просто больные, или просто обычные люди?

Вот вышел патриарх из своего монастырика подмосковного, добрал до станции, сел в электричку, потом в метро: пока до службы доехал — и с людьми наобщался, и душе пользу принес — и своей, и пассажиров.

Не знаю, перейдут ли депутаты в разряд юродивых — хотя нищими они иногда прикидываются, — но в качестве обычных людей, пришедших к патриарху за молитвой и советом, — почему нет?

«2. Из монахов сформировать что-то вроде Армии спасения. При каждом стихийном бедствии, при каждом катаклизме или катастрофе, монахи, благостные и строгие, должны помогать несчастным, кормить обездоленных, утешать скорбящих. Кроткие монахини ухаживают за ранеными и умирающими в больницах».

Обычное непонимание того, что такое монах, да еще и «благостный и строгий»: причем как православные, так и атеисты вечно пытаются кого-то «сформировать» из монахов — какую-нибудь социальную или пропагандистскую службу.

Монах по самому имени своему — это тот, кто живет один или с некоторыми братьями по разуму. Он никому ничего не должен, он для того и от мира сбежал, чтобы не быть ему должным. Потому-то в древние времена уставшие от мирских забот и горестей люди собирались и шли далеко-далеко: в пустыню, или из Сибири пешком до Киева, чтобы посмотреть на монахов, прикоснуться к их тихой безмолвной жизни наедине с Богом, к отблеску вечности и потом вернуться обратно в мир с новыми силами.

А если попытаться сделать, как предлагает автор, то будут те же самые претензии: «Куда вы, черные вороны, лезете? Небось, решили миссионерить и в вашу церкву затаскивать несчастных больных и страдающих?!» Уже не раз ведь такое слышали.

«3. Добиться перевода богослужений на современный русский язык».

И? Братья-атеисты толпой ринутся в церкви? Три раза ха. Есть переводы богослужений на русский язык — возьмите, прочитайте. Ничего не поняли? Правильно — я тоже мало что понимаю в описании фармакологического действия препарата, написанного русскими словами в инструкции по применению.

Язык это одно, знания, которые выражены на языке, — совсем другое, тут учиться надо. А оно вам надо?

А не надо. Когда атеисты говорят о переводе богослужения на «понятный» язык, это просто одна из шпилек, которой можно ткнуть верующих, хотя сама

по себе шпилька атеисту ни для чего другого не нужна. Хочешь молиться по-русски? Да кто ж тебе, брат-атеист, мешает? Встал перед Богом да молись всем русским сердцем и всеми русскими словами — только не переусердствуй в выражениях.

Проблема перевода богослужения есть, но это внутренняя проблема Церкви, никак атеистов не касающаяся.

«4. Добиться пересмотра правил оформления новых храмов. Нужно что-то вроде хрущевского постановления «Об устранении излишеств». Все сэкономленные деньги направить на благотворительную помощь».

В смысле — превратить храмы в хрущевки? Серые, скучные, уродливые и неудобные? Спасибо, дорогой товарищ, от души вы это.

Но, с другой стороны, согласен: если вместо помпезных многомиллионных, а то и — многомиллиардных — монстров будут стоять аккуратные, симпатичные и недорогие храмики для конкретной общины — это хорошо.

Правда, насчет сэкономленных денег я сомневаюсь. Я вот не собираюсь строить виллу на Багамах и покупать роллс-ройс — я сэкономил или нет?..

«5. Объявить, что Церковь начнет ежегодно публиковать финансовую отчетность, а иерархи, вплоть до настоятелей храмов, — отчитываться о своих доходах и имуществе».

Супер пункт, без шуток. Даже усугублю: не «объявить», а реально сделать. И не только публиковать (напубликовать можно что угодно), а показывать правду.

Этот пункт крайне важен, нужен, но именно поэтому он настолько фантастичен, что, кроме печальной улыбки, вызвать ничего не может.

В РПЦ не может быть прозрачной отчетности: в храмах стоят кружки — там сверху узенькая щель, а внутри — темнота, что туда упало — то пропало.

«6. Во всех православных медиа сделать главной темой оказание благотворительной помощи, гуманитарные проекты. Все должны понимать, что главным занятием Церкви является христианская забота о людях».

Важной — да, но почему именно главной? Главная забота Церкви — быть Христовой Церковью, любить Бога и ближних, радеть о спасении людей,

указывать путь в Царство Божие. Гуманитарные проекты — одно из следствий этого, важная часть, но не причина и не цель.

Не надо делать одну и ту же ошибку, пытаясь превратить Церковь в один из институтов общества или государства. Уже проходили и проходим вновь: для одних Церковь — это идеологическая база государства, а для других, вроде автора предложения, всего лишь социальный благотворительный проект. Только тогда это не Церковь, а Благотворительный Фонд РПЦ.

«7. Провозгласить возвращение к принципу отделения Церкви от государства. Минимизировать участие представителей Церкви в государственных мероприятиях, органах, структурах».

Хорошее предложение. Жаль, что невыполнимое. Жажда симфонии с властью, государством овладела Восточной Церковью уже 1700 лет назад, а Русской — 1000.

«8. Потребовать помилования для всех, преследуемых по статье о защите прав верующих и потребовать отмены самой статьи (см. опыт петербургских священников)».

Симпатично, но см. пункт выше.

«9. Объявить о принципе дополнительной ответственности перед законом для священников и любых представителей церкви. Объявить, что священник обладает особой ответственностью перед обществом, поэтому любые нарушения им закона должны рассматриваться с особой тщательностью. От лица РПЦ потребовать возбудить уголовные дела на нескольких священников, уличенных в нарушении закона (если таковые найдутся)».

Непонятный пункт — почему «дополнительная» ответственность? А разве равной ответственности с прочими гражданами правового государства недостаточно? «Особая» ответственность перед обществом есть и у многих других категорий граждан: у политиков, врачей, педагогов, работников правоохранительных органов, судей и т. д. и т. п. Или священникам больше розог полагается?

«10. Объявить, что строительство новых церквей будет возможно только при проведении опроса проживающих на территории граждан. Поручить проведение опросов независимой организации».

Вот это мне всегда нравится: предъявлять претензии только тем, кто нам несимпатичен, но при этом не может сдачи дать.

А строительство магазинов, торгово-развлекательных центров, парковок, стадионов, школ, больниц, etc тоже возможно только после опроса жителей? Когда рядом с вашим домом впихивают алкомагазин или бар, или строят высотку, которая загораживает вам свет заката, — вас спрашивали?

А решение вопроса в правовом государстве (ау, где такое, не встречали?) очень простое: землю надо не выделять, а продавать на законных основаниях, а участки должны предлагаться только в соответствии со всеми нормами градостроительства, чтобы никто никому не мешал. Но раз уж землю продали, то какое дело должно быть окружающим гражданам до того, что происходит на участке того же храма? Уважайте частную собственность.

А в нашей действительности можно было бы решать иначе: не гнаться за великолепием, а покупать небольшой участок, например, в частном секторе, строить там домик, ставить крест и служить для общины. Да, купола не будут сиять за 10 км, зато община будет жить, литургия будет совершаться — а что еще надо?

А надо всем — понты.

«Конечно, больше бы ко мне никто из РПЦ за советами никогда не обращался. Но все-таки.»

Дмитрий Колезев (Dmitry Kolezev)»

Все-таки, Дмитрий, спасибо вам за неравнодушие. Поверьте, сами иерархи Церкви и такого предложить не готовы.

Алексей Плужников

КАК «АХИЛЛА» ЧАСТНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ НАРУШАЛ

20 апреля 2017 г. появилась информация о том, что на территории екатеринбургского Ново-Тихвинского женского монастыря снесли церковь XVIII века под формулировкой «глубокая реконструкция». В тот же день «Ахилла» взял комментарии у пресс-секретаря монастыря и у градозащитника Марины Сахаровой.

А чуть позже вечером решили мы с Ксенией Волянской прогуляться в обитель и на месте сделать пару фотографий самого объекта «глубокой реконструкции». И вот что из этого вышло...

Зашли мы на территорию и напрямиком направились к месту строительства. Вот только сразу поняли, что, к сожалению, ничего интересного сфотографировать не удастся: место обнесено забором, а за забором еще высоченные заграждения в несколько метров высотой, обтянутые зеленой тканью.

Как раз в это время открылись ворота стройки, и оттуда выехал трактор. Открыла те ворота то ли монахиня, то ли послушница – вся в черном – и с подозрением посмотрела на нас.

Все-таки мы решили достать фотоаппарат и щелкнуть хотя бы заграждения. Пока мы его доставали, вновь вышла эта леди в черном (довольно молодая) и напрямиком направилась к нам, пытаясь изобразить вежливую улыбку.

— Простите, фотографировать нельзя! – улыбка, но строгая.

— Как это «нельзя»? Почему?

— Не благословлено!

— Объясните, почему не благословлено, — прошу, тоже приветливо улыбаясь, при этом поправляя ремешки фотоаппарата, чтобы удобнее перехватить. Насельница вытягивает руку и не позволяет мне коснуться крышки объектива, закрывая ее ладонью:

— Даже и не снимайте крышку – нельзя!

В это время подходит еще одна невысокого росточка молодая насельница, одетая так же, как первая. Вежливо улыбается:

— Благословите!

Вы знаете, что такое условный рефлекс, да? Это когда одиннадцать с половиной лет поповской жизни не проходят даром: рука сама дернулась вознестись и благословить главу смиренной насельницы, а язык чуть было на автомате не сказал: «Бог благословит!» Но вовремя вспомнил, что это просто такое монашеское приветствие.

— Что вы хотите? – продолжила вновь прибывшая, забирая инициативу у первой.

— Хотим сфотографировать храм.

— Нельзя, не благословляется.

— Почему, объясните?

Новенькая начинает слегка раздражаться, но продолжает улыбаться. Первая стоит и во все глаза смотрит на нас с подозрением, но тоже вежливо растягивая губы. Я настаиваю:

— Вы можете объяснить: почему? Вот вы подошли и запрещаете мне: вы вообще кто – можете представиться?

Новенькая нервничает:

— Нет!

— Почему?

— Не благословляется!

Мне становится весело, начинаю подначивать твердую в благословении исповедницу:

— Простите, ко мне подошла некто в черном, представляться не хочет, но фотографировать не дает, еще и объяснять не хочет – почему же? Что страшного – сфотать храм?

И тут я получил, наконец, ответ:

— Потому что это частная собственность! Это все принадлежит нам! Ну, монастырю! Мы вас принимаем, как паломников, вы пришли к нам в монастырь! У нас порядок есть – вон таблички: «Фотографировать запрещено»! Выйдите за ворота монастыря – там и фотографируйте!

Нам становится совсем весело.

— А то, что весь интернет заполнен фотографиями вашего монастыря – это нормально, только нам нельзя?

Тут защитница частной собственности находит новый аргумент:

— Они для себя фотографируют, а вы, небось, для СМИ! Написать что-нибудь такое хотите! А у нас надо на это брать благословение матушки – только так! А если хотите храм сфотографировать – вон, — показывает в противоположную сторону, явно радуясь найденному аргументу, — фотографируйте Александро-Невский собор!

— Стоп, — говорю, — вы уж определитесь: вообще нельзя фотографировать или все же собор можно? И если собор можно, то почему тут нельзя? Тут что – ядерный объект? Вы что-то скрываете?

Наконец, препираться обе стороны устали, но улыбаться продолжаем друг другу: мы им весело, они нам – с подозрением на теракт. Договорились, что мы позвоним пресс-секретарю и решим вопрос с разрешением на съемку.

Отошли мы в сторонку. Оглядываемся: первая сестра ушла, вторая идет за нами, сложив сурово ручки на груди, в любой момент готовая кинуться и грудью заслонить таинственную стройплощадку от моего коварного фотощелчка.

Я второй раз за день звоню пресс-секретарю монастыря. Когда та отвечает, ко мне быстро подходит сестра Немо и решительно протягивает руку к телефону:

— Вы звоните пресс-секретарю? Дайте телефон – я с ней поговорю!

— Вот еще, — не соглашаюсь, — я уж как-нибудь сам!

Пресс-секретарь тоже нервничает, сразу кидается в бой:

— Да, у нас фотографировать можно только по благословению! А вам зачем это надо? Вы ведь не просто так – вы, небось, хотите какую-нибудь бяку про монастырь написать!

— Тр-тр, спокойно, — пытаюсь утишить бурю в стакане, — с чего вы взяли, что бяку?

— А вот так кажется! Если бы вы хотели объективно все узнать и написать, то по-другому бы поступили! Вам понравится, если к вам в редакцию мы придем и начнем без спроса фотографировать?!

— Пардон, — говорю, — есть разница между монастырем и редакцией...

— Нет! Нормальные люди так не делают! Не приходят вечером и не требуют чего-то! Надо как положено: договариваться, чтобы получить комментарий

монастыря и право на съемку! Вы, конечно, можете нас не слушать и сделать по-своему, но вот и будет ответ, что вы не хотите объективности, а только что-то нехорошее написать – ведь ради этого копаете, да?!

— Стоп-стоп, давайте притормозим насчет «бьяк» и «нормальных людей», а то точно бьяку напишу. Я вам и звоню, чтобы договориться и получить объяснения, а не нападаю.

Так, кое-как, вроде договорились, что мой запрос передадут настоятельнице. В смске я еще раз уточнил для пресс-секретаря название нашего ресурса: «независимый аналитический проект «Ахилла»». Что-то интуиция подсказывает, что не благословят меня комментарием...

Бьяку мы все-таки сделали, даже целых две: сфотали объект и милую безымянную воительницу-неблагословительницу, барражирующую вокруг меня, пока я звонил пресс-секретарю; а потом я написал эту заметку. Без благословения.

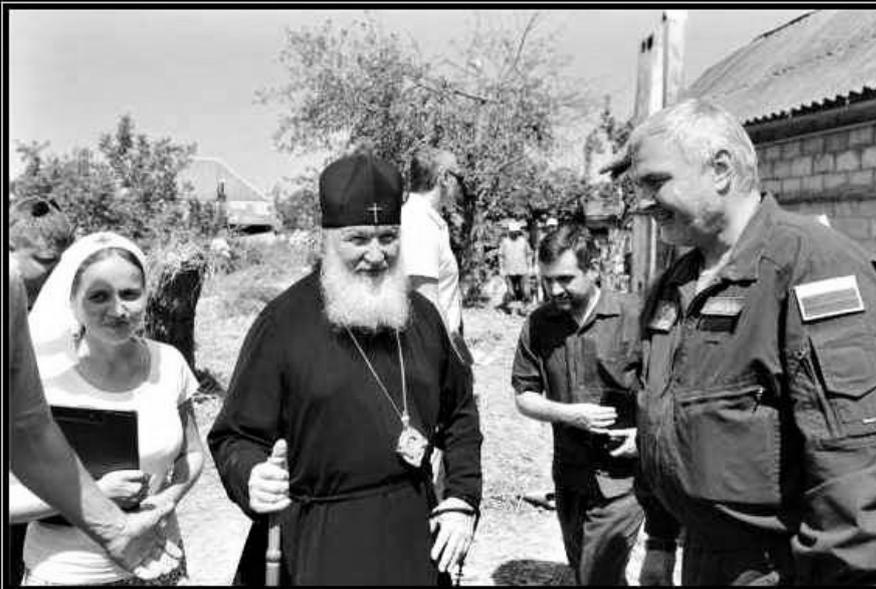
P.S. Разговоры переданы близко к оригиналу, но возможны мелкие неточности. Сама же история рассказана не в качестве обличения или насмешки, а с добродушной иронией и любовью к тем, кто живет по благословию.

И да: конечно же, нас проигнорировали и комментария не дали.

Алексей Плужников

ЕСТЬ ДВЕ РПЦ, И НЕ НУЖНО ИХ ПУТАТЬ

«Главный по тарелочкам» в РПЦ, то бишь глава СИНФО Владимир Легойда поделился у себя на страничке в фейсбуке вот этим демотиватором:

Почему это не обсуждается в интернете?...

РПЦ отправила пострадавшим в Крымске более 14 000 000 рублей и 850 тонн гуманитарного груза

и написал:

«Нашел на просторах интернета.

Конечно, это старая история и старое фото, и денег было собрано больше — но ведь не только в Крымск...»

Стоит пояснить сей прекраснотушный демотиватор, который ненавязчиво предлагает в качестве положительного образца тот, кто в РПЦ отвечает за взаимодействие с обществом.

А с обществом надо взаимодействовать честно. Лукавить и совершать подмены некрасиво.

Да, «РПЦ собрала и отправила» много чего и много куда. Указы сверху приходили с требованием собрать и в помощь Крымску, и Донбассу, и Сирии, и еще много куда (оставим в стороне пока вопрос: почему надо было собирать туда помощь и кто виноват в том, что эта помощь понадобилась). И каждый раз РПЦ в лице приходов и частных лиц напрягалась и собирала эти средства и эти тонны.

Это они собрали эту помощь — те бабушки «у подсвечников», молодые мамочки с младенцами, верующие студенты, редкие мужчины-работяги, которые по совместительству еще успевают быть и прихожанами-

помощниками. Это рядовые настоятели приходов, которые вынуждены собирать со своей паствы дань для добрых дел и для прочих нужд Золотой Орды.

Это они — та РПЦ, о которой не принято упоминать, и те, которых не принято вообще считать за людей, а только за овец, дающих шерсть, молоко и мясо. Мало того, это они же — те, кто ежемесячно жертвует на храм, на чьи деньги храм содержится, ремонтируется, и чьи деньги в виде епархиальных взносов, «конвертиков за службы», подарков на именины, ко дню хиротонии, к Пасхе отправляются в епархию и потом выше — в Патриархию. Это они собирают многие тысячи на визит архиерея на приход и миллионы на приезд Патриарха в очередную епархию.

Вот та РПЦ, о которой не принято говорить.

А вот тот человек на замечательном демотиваторе — патриарх Кирилл, а также сонмы епископов и «блатных» попов на пресловутых мерседесах (хотя сейчас обычно предпочитают джипы) — это та «РПЦ», которая служит поводом для других демотиваторов. Где ФСОшник складывает крест на куколке патриарха, когда он садится в свой скромный автомобиль, и кортежам которого всюду дают зеленый свет, перекрывая улицы. Это та РПЦ, которая считает, что Христос «ходил в дорогих одеждах», и поэтому Лэнд Крузер за 6 миллионов — это жалкое средство передвижения, потому что истинные подвижники добираются до своей паствы на вертолетах.

Есть две РПЦ, и не нужно их путать. Когда говорят о добрых делах РПЦ, вспоминайте тех, кто их делает, и на чьи деньги эти добрые дела делаются. А когда критикуют РПЦ, то надо пальцем показывать в правильную сторону, а простым прихожанам не следует обижаться и расстраиваться — эта критика не про них.

И стоит почаще вспоминать максиму, по которой строятся отношения между этими двумя РПЦ, между баринами и холопами: ваши успехи — это наши успехи, ваши проблемы — это ваши проблемы.

И когда простым прихожанам в качестве упрёка тычут в лицо роскошную жизнь высших чиновников РПЦ или указывают на «голубое лобби», и предлагают уходить «из такой РПЦ», то вслед за отцом Дмитрием Терехиным и многими другими следует твердо сказать: «Это мы — РПЦ, это наш дом, и уходить должны они».

Алексей Плужников

ОТЧЕТ О ЦЕРКОВНЫХ ФИНАНСАХ: КТО И ПЕРЕД КЕМ?

На «Ахилле» в конце августа 2018 г. была опубликована новость о том, как зампреда СИНФО Александр Щипков высказал мысль, что Церкви негоже отчитываться за свои добрые дела и за финансы перед такими, как популярный блогер Артемий Лебедев. Мол, секулярное общество (представителем которого выставлен Лебедев) не имеет права спрашивать с Церкви, отвечать Церковь должна только перед Богом.

В наших соцсетях развернулась дискуссия по поводу этого высказывания. Некоторые мысли были такие: да, Щипков прав в том, что перед Лебедевым отчитываться не стоит: он денег не жертвует, поэтому и спрашивать права не имеет. А если кто-то из православных жертвователей спросит отчета за свои деньги, то, мол, ему можно такой отчет дать. (Видимо, если не спросит, то и тем лучше.)

Давайте немного остановимся на этих аргументах.

Во-первых, надо уточнить понятия, потому что в полемике кто-то случайно, а кто-то намеренно порой их подменяет. Когда пафосно говорят «Церковь должна отчитываться перед Богом, а не перед секулярным обществом», то в сознании читателя как бы должна предстать величественная Церковь Божья, состоящая из ее Главы — Христа, Божьей Матери, ангелов, святых, подвижников, миллионов верующих, живых и отошедших в горний мир, всех тех веков и тысячелетий, которые Церковь существует. И содрогнуться от кощунственного предположения, что какое-то там «секулярное» общество, то есть сознательно отказавшееся от религиозных идей, антицерковное по сути, живущее по грехам и по заветам демонов, смеет чего-то там с Церкви спрашивать. Богохульство! Кощунство! Статья об оскорблении наших чуйств! (Хотя, простите, это ведь только секулярное общество должно на какие-то там статьи и законы светского государства ориентироваться, а Церковь, если отвечает только перед Богом, то и уповать должна только на Бога. Или нет?..)

Ну так вот это — ложь. Хитренькая такая, подленькая, фальшивая. То самое «секулярное» общество, к которому вы так спесиво относитесь, — это в основном те же самые «86% православных», номинально крещеных, чьими «мертвыми душами» вы так успешно оперируете, когда требуете себе новые

участки под строительство храмов, новые преференции по проникновению в школы, вузы, армию и т. п. На самом деле — это обычное российское общество, которое спрашивает не с Церкви Божьей, а с самой обычной религиозной организации, зарегистрированной в органах юстиции РФ, под названием «РПЦ (МП)». Той самой организации, которая считает, что отчитываться перед обществом, в котором она существует и от которого много чего хочет, она не обязана. Не обязаны? Отлично: снимитесь с регистрации, закройте все свои «юридические лица» — приходы, закройте счета в банках, прекратите вести торговую деятельность под уютным брендом «пожертвования», свалите с голубых экранов телевизора (а то от ваших драгоценных камней на митрах и панагиях уже в глазах рябит), разбредитесь по квартирам, собирайтесь там на молитву по воскресеньям — и да будет вам счастье. Общество больше и не подумает с вас ничего спрашивать. Церковная жизнь станет сугубо вашим частным делом, таким же, как дача, рыбалка и совместные походы с палатками. (И так будет наиболее правильно, добавлю от себя.)

А то вы хотите общество поучать, как ему жить, возмущаетесь абортами, которые по ОМС (а вам какое дело? За ваши пожертвования, что ли? Какое вы имеете право спрашивать с государства и общества отчета о том, куда идут налоги?), хотите навязать всем детям ОПК, долдоните день и ночь о духовных скрепках, а «отвечать за базар» не хотите? Хотите обратно жить по лозунгу «Самодержавие, православие, народность (=крепостные)» без всяких обязательств?

Вернемся к Лебедеву, перед которым «не надо отчитываться», потому что «он денег не жертвует». Простите, а откуда вы знаете? Может, Артемий вообще юродствует? На словах он одно, а на деле по ночам кирпичи таскает на строительстве какого-нибудь храма, прикинувшись гастарбайтером? Или миллионы тайно у порогов храмов подкидывает? Или просто творит добро напрямую тем, кто в этом нуждается? Может и нет, но ведь может и да — почему вы сразу готовы «в морг, значит, в морг/ад»?

Да в любом случае: Лебедев — известнейший и популярный блогер, у которого тысячи подписчиков. РПЦ не интересуется добрый пиар? Надо только отпихивать всех? Сейчас многие фирмы используют блог-туры, приглашают блогеров к себе, чтобы они потом написали что-то доброе по компании и ее деятельность.

Но, как видим, РПЦ (в частности, ее официальных спикеров из отдела по этим самым отношениям с обществом, секулярным в том числе) не слишком беспокоит, что репутация «Церкви», а точнее, самой РПЦ, упала ниже всех возможных плинтусов. И виной этому не лебедевы, не секуляры какие, а в первую очередь господин Гундяев, архиереи, те самые пресловутые «попы на мерседесах» (которые то и дело попадают в ДТП со смертельным исходом, и погибают обычно люди на более дешевых машинах), ну и спикеры, которые оправдывают роскошную жизнь высшего духовенства. В то время, когда в стране качество жизни большей части населения неуклонно снижается, несоответствие жизни иерархов и священников проповедуемым ими евангельским ценностям вызывает только растущее презрение и озлобление. Не видеть этого могут только совсем слепые или обнаглевшие (касательно патриархальной верхушки — я за второй вариант).

Ну ок, допустим, гонор не позволяет отчитываться перед секулярным обществом (правда, деньги собирать с этого общества на строительство храмов и прочие нужды вполне можно, тут противоречий с совестью не наблюдается). Хорошо, кто и когда отчитывается перед народом церковным? В отчетность перед спонсором, который дает миллионы на строительство храма, особенно, если спонсор — крутая шишка или бандит в галстуке (что обычно одно и то же), я еще могу поверить, но перед своими же прихожанами? Кто из настоятелей регулярно вывешивает в притворе храма или на сайте финансовую отчетность, или рассказывает на приходском собрании о доходах/расходах прихода? Именно честно и полностью, а не общими словами с жалостливым видом кота Базилио «нам вечно денег не хватает, приносите нам еще!»? Много таких настоятелей?

Я помню, как временами рассказывал прихожанам, какой доход в месяц у прихода, сколько на что тратится, сколько мы отстегиваем в епархию, на какую сумму вынуждены закупать товар (моя честность всегда могла быть подтверждена присутствующим тут бухгалтером и работниками лавки, да и сами прихожане отлично видели, как живет приход, где живет и на чем ездит настоятель). Знаете, какая была реакция некоторых прихожан на такие отчеты? — Недоумение и возмущение. «А зачем мы в епархию платим?! И в патриархию? Пускай сами на себя собирают и обеспечивают! Почему мы должны оплачивать архиерея, его иподьяконов, православный университет, патриархию, сдавать принудительно на нужды Сирии, Донбасса и проч.? Мы на свой храм жертвуем, а патриархия нас не волнует!» И это у меня был

маленький приход, и люди вполне мирные. А в большом приходе такая правда может и до бунта довести (и до доносов в епархию — и «конец карьере» настоятеля, как поется в одной песне (ссылка 18+)).

Про отчетность со стороны епархиального архиерея и патриархии умолчу, зачем народ смешить. Тут и так все понятно: они отчитываются «перед Богом», а не перед ничтожными овцами, которых они пасут, стригут и кушают. Вот только не понимают они, не верят реально, что держать отчет перед Богом им действительно придется... И за то, куда пошла каждая пожертвованная Церкви копейка, тоже. Не сомневайтесь.

Алексей Плужников

МОНОПОЛИЯ НА СЛОВО ПАСТЫРЯ

Недоумение. Брезгливость. Отвращение.

Именно такие чувства чаще всего возникают в голове обывателя, когда он слышит что-то о РПЦ или нечто исходящее от самой РПЦ. Один из самых привычных (и, скажу сразу, неверных) заголовков в СМИ: «В РПЦ считают...»

А что на самом деле думают, к чему стремятся, что обсуждают верующие в России? Совпадает ли это с тем, о чем говорят заголовки в светских или официальных церковных СМИ? Есть ли общественная дискуссия среди православных?

Не скажу за первые семь-восемь лет возрождения православия в России, могу только бегло окинуть взглядом последние 20 лет — с того момента, как я пришел в Церковь.

Конец девяностых — начало двухтысячных были временем утоления духовного голода. В то время издавалось много книг. Одни из них были реальной пищей для души и ума: например, книги дьякона Андрея Кураева, митрополита Антония Сурожского, протопресвитера Александра Шмемана, жития новомучеников. С другого края были мракобесные книжки про сумасшедших «старцев» с апокалиптическими пророчествами, книги и статьи различных борцов с ИНН, штрихкодами, русским языком в богослужении, «Гарри Поттером» и т.п.

В этот период основной прессой для православных были епархиальные газеты. Они издавались на плохой бумаге, но люди жадно искали там крохи информации, читали проповеди священников, выдержки из разных книг, просветительских статей. И на первом этапе эти газеты приносили некоторую пользу.

Шли годы, постепенно практически любая епархиальная пресса превратилась в бесконечные «вести с полей» на тему «как ярко блистали купола в день престольного праздника, и казалось, что солнце играет и радуется вместе с прихожанами...». Отчеты о визитах архиерея на приход, сообщения о праздниках в воскресных школах, тысячное по счету однотипное фото «батюшка и военные», «счастливые скауты в православном лагере», «освящение камер СИЗО в рамках тесного духовно-нравственного сотрудничества с ФСИН» и т.д. — все это стало основным содержанием. С годами выяснилось, что ничего нового писать никто не может, максимум, на что способны редакторы таких газет, — это вновь и вновь перепечатывать выступления маститых столичных священников, имена которых у всех на слуху.

В результате газеты в епархиях совершенно перестали читать. Их никто не стремился покупать и даже бесплатно в храмах практически не брали, поэтому священники вынуждены были навязывать эти газеты в нагрузку, например, в качестве «подарка» крещаемым.

В середине двухтысячных начал бурно развиваться Интернет, появились православные сайты самой разной направленности: от условно либерального направления, где смело рассуждали о том, «мешают ли джинсы спасению» и допустимо ли слушать рок-музыку, до крайне правых, ратующих за скорейшее восстановление монархии или до пены на губах обличающих экуменизм, тайных филокатоликов, жидомасонов, постоянно придумывающих и разоблачающих всемирные заговоры Запада против Святой Руси.

Это было веселое время. Время, когда была возможна критика всего и вся, когда внутрицерковная дискуссия была открыта. Это был расцвет всевозможных православных форумов, самым знаменитым из которых был «курайник», где создавались сотни тем с тысячами комментариев. Было много бреда, но было много и живого слова. Люди прислушивались к голосу отца Андрея Кураева, большим уважением пользовались размышления

священников Михаила Шполянского (уже почившего) и убиенного впоследствии Павла Адельгейма, публиковавшиеся на их страницах в «Живом журнале». Да и не только их.

Но тут умер в конце 2008 года патриарх Алексей II, и все изменилось. Только вначале не все это поняли. К власти, активно работая локтями, рванулся харизматичный митрополит Кирилл, глава ОВЦС, красноречивый проповедник, программу которого «Слово пастыря» слушали по субботним утрам очень многие.

Уже к 1 февраля 2009 года, ко дню патриаршей интронизации Кирилла, стало ясно: время дискуссий, диалога закончилось. Теперь наступило время выстраивания жесткой вертикали власти.

31 марта 2009 года главой Синодального информационного отдела (с конца 2015-го — Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и средствами массовой информации) был впервые назначен мирянин, редактор «Фомы» (журнала «для сомневающихся») Владимир Легойда. Теперь все СМИ, начиная от епархиальных газет и заканчивая сайтами, должны были получать санкцию Легойды на существование, если хотели называться православными и не попасть в категорию «сомнительных».

Новым звонком стало создание цензуры в Издательском совете РПЦ в конце 2009 года: теперь все издаваемые книги должны были проходить через сито «цензоров», якобы для отсеечения неправославных текстов, на самом деле — для тотального контроля над теми мыслями и идеями, которые можно допустить до читателей. Отныне все книги в церковных лавках обязаны были иметь гриф Издатсовета.

Пришел 2012 год, а с ним и знаменитые пляски Pussy Riot на амвоне храма Христа Спасителя. А потом были суд, «оскорбление чувств верующих», «двушечка», тюрьма, сгон верующих на «молитвенное стояние в защиту святынь» (от четырех эпатажных хулиганок). На этом стоянии патриарх выступил с недвусмысленным заявлением, указав на «предателей в рясах», которые смеют думать иначе, чем он, и не готовы приветствовать тюремный срок для оскорбительниц авторитета его понтификата. Всем было дано понять, что отныне прощение и милосердие не являются церковными добродетелями.

Именно тогда общественная дискуссия в РПЦ закончилась. Все руководители и авторы православных газет, журналов, сайтов — хоть либеральных, хоть консервативных (ну, может, кроме самых маргинальных) — поняли главное: можно продолжать рассуждать на малозначащие темы — о праздничках, постах, привозе очередного ребра очередного святого или (одна из последних громких тем для обсуждения в православной интернет-среде) допустимости грудного вскармливания младенцев в церкви — нельзя только одно: категорически запрещено критиковать линию партии, епископат, и, разумеется, строжайшее табу на критику Великого Господина и Отца, Святейшего Патриарха Кирилла. И все это — несмотря на пресловутые исчезающие часы, нанопыль, ФСО и прочее; фараон закрылся непробиваемой стеной от всякой церковной критики, полностью утратил обратную связь с православной общественностью.

Зато на арене цирка, простите — в качестве церковных спикеров начали выступать «говорящие головы», каждое слово из уст которых и стало вызывать у общества недоумение, брезгливость и отвращение. Светские СМИ обрадовались, потому что появилась регулярная пища для скандальных заголовков «В РПЦ заявили...». И весь бред, все злобное хамство, все антихристианские, античеловечные спичи отцов Дмитрия Смирнова, Андрея Ткачева, Всеволода Чаплина и им подобных стали восприниматься в качестве голоса Церкви.

РПЦ, постоянно трубящая о «духовно-нравственном возрождении», стала синонимом невежества, ханжества и полного непонимания того, в каком веке и в каком обществе она живет. Заменой живой дискуссии стало принятие Закона об оскорблении чувств верующих, а результатом — дикий, гротескный кафко-процесс над блогером Русланом Соколовским, который показал, что руководство патриархии не только не сделало здравых выводов о потере репутации после скандала с Pussy Riot, но и пошло по нисходящей в темную долину мракобесия.

Но есть одно «но», и его стоит учитывать тем, кто свое мнение об РПЦ формирует только из заголовков СМИ. Не нужно путать Церковь (христианство) и РПЦ — это раз, а во-вторых, нужно различать две РПЦ. Когда вы читаете очередную ахинею в рубрике «В РПЦ заявили...», то нужно держать в уме, что «один недалекий чиновник из бюрократического аппарата Московской Патриархии сказал нелепость» или «Патриарх Кирилл

(или митрополит такой-то) в очередной раз прогнулся перед властью и велел прогнуться всем нам».

Но есть и другая РПЦ — это тысячи порядочных, честных священников, верно служащих Богу и пастве на своих скромных приходах; есть тысячи и даже десятки, сотни тысяч нормальных, здравомыслящих верующих, которые считают себя чадами Русской Православной Церкви, но не согласны с курсом ее нынешнего руководства и тем жестким авторитаризмом, которое оно продуцирует последние девять лет. Есть та РПЦ (может быть, пока малозаметная), которая хочет честной, открытой, доброжелательной дискуссии как внутри себя, так и с обществом (понимая, что верующие — такие же граждане, как и прочие). Которая не желает жить под бюрократическим давлением чиновников от религии и которая живет в XXI веке, где уважение гражданских прав и свобод человека — хоть верующего, хоть неверующего — одна из приоритетных ценностей. В отличие от духовных скрепок и православия цемента.

Опубликовано в газете «Московский комсомолец» №27445 от 18 июля 2017

Алексей Плужников

ВОЗМОЖНА ЛИ СЕГОДНЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РПЦ?

Вопрос, вынесенный в заголовок, не праздный. Когда на нашем портале «Ахилла» в феврале 2017 года была опубликована статья анонимного священника «Я надеюсь на революцию в РПЦ», она вызвала огромный интерес среди читателей, в первую очередь из-за названия — статью републиковали не только на религиозных, но и на светских и антицерковных ресурсах. А значит, людям небезразлично то, что сейчас происходит в Церкви.

Но есть ли сейчас в РПЦ «революционная ситуация»?

Не только светская часть нашего общества, но и многие воцерковленные люди не знают, что церковная революция в России уже была — ровно сто лет назад. Так современники называли период с марта по август 1917 года (см. книгу историка Павла Рогозного «Церковная революция 1917 года»).

Это был период бурных перемен не только в общественной, но и в церковной жизни России. Впервые священники и миряне получили

возможность влиять на приходскую, епархиальную и даже общецерковную жизнь. Прихожане стали выбирать священников, вместе со священниками проводить епархиальные собрания, на которых выбирали себе в епархию епископа (а до этого епископа всегда назначался сверху, Синодом), стали участвовать через выборных лиц в контроле за финансовой деятельностью епархии, подбирать кандидатов на Поместный Собор.

Священники и миряне были потрясены открывшимися вдруг возможностями. Так, протоиерей Иоанн Уфимцев, редактор «Екатеринбургских епархиальных ведомостей», в конце апреля 1917 года горячо писал на страницах издания:

«Как недавно, всего несколько недель тому назад, мы совершенно не думали, что когда-нибудь, а тем более так скоро, станем избирать сами себе епископа. Если кому-нибудь и приходила в голову такая мысль, то он боялся ее высказывать, как крамольную, и гнал прочь. А что было бы, если бы редактор Епархиальных Ведомостей взял бы да и написал в своем органе:

— Братья и сопастыри! Объединимся с мирянами для того, чтобы немедленно же приступить к избранию епископа и совершить это великое дело с возможно меньшими ошибками во благо родной епархии.

О, что бы было ему за это!.. Теперь же вот я пишу и нисколько не боюсь, что меня объявят, если не сумасшедшим, то опасным крамольником. Все духовенство теперь совершенно гласно готовится приступить к выбору епископа, и никто не машет на него палкою за это, никто не грозит запрещением священнослужения, рясоношения, рукоблагословения и проч. !..

Какое счастье!»

И действительно: наступила свобода, которая, как часто бывает, оборачивалась порой вседозволенностью, борьбой за свои частные интересы (бывали и подкупы прихожан теми, кто желал подсидеть настоятеля на приходе, например, дьяконом или младшим священником). Выборы епископа приводили к бурным многодневным дебатам, в которых избиратели выискивали всевозможные грехи и недостатки кандидатов. Например, на выборах епископа в Екатеринбурге некий оратор восклицал про одного кандидата: *«Здесь говорилось о том, что Знамировский гладит*

детей по голове. Но мне говорят: гладит то он гладит, но с какими целями. Не является ли он членом той же распутинской партии?»

Но эти прения приводили в итоге к тому, что у недостойных епископов, привыкших править деспотично, и единолично распоряжаться средствами епархии, не было шансов быть выбранными в епархиальные архиереи.

В конце августа 1917 года был открыт Поместный Собор, который мог повернуть жизнь Российской Церкви в совершенно новое русло — он подготавливал множество реформ, но смог восстановить лишь патриаршество, а практически все его решения были похоронены победой большевиков, гражданской войной и установлением в стране советской власти.

И вот прошло время, умерла советская власть, жизнь Церкви с начала 90-х годов прошлого века начала возрождаться. У многих были надежды на светлое будущее этой Церкви, на ее открытость — люди бросились в храмы, стали креститься, регулярно посещать богослужения, участвовать в таинствах, жадно читать новые книги о духовной жизни, выпускавшиеся сотнями и тысячами, слушать лекции дьякона Андрея Кураева, профессора Алексея Осипова и многих других проповедников и пастырей.

Но к столетнему юбилею октябрьской революции оказалось, что возрождение Церкви в последние 26 лет в итоге вылилось в погоню за количественным фактором: построить как можно больше храмов, наполнить их большим количеством прихожан (не христиан, а пользователей религиозных услуг), получить больше силы, больше власти, больше денег, заткнуть и растоптать несогласных и критикующих курс руководства патриархии.

Власть епископата в РПЦ, согласно Уставу 2000 года, вновь стала абсолютной (в Российской и Советской империях она была сдерживаема государством), роль мирян и священников вновь свелась к нулю. И в последние годы начался отток людей, которые не хотят быть в Церкви, мечтающей о «симфонии» — имперской связке с государством (конечно, связка эта желательна патриархии не в виде контроля государства над церковью, а в виде защиты прав и привилегий государственной церкви, что и вылилось в закон об оскорблении чувств верующих, по которому регулярно заводятся новые уголовные дела).

Снова в РПЦ патриарха Кирилла устанавливается крепостное право, когда патриарх — царь, каждый епископ — барин, все прочие — холопы. Теперь не только миряне ничего не значат, не только клир находится в абсолютной зависимости от епископов, но и сами епископы, количество которых размножилось до неприличия, стали пешками в руках патриархии.

Известный церковный пастырь — протоиерей Павел Адельгейм (убитый в августе 2013 года, много пострадавший от гонений своего архиерея, псковского митрополита Евсевия), писал в своей книге «Догмат о Церкви» (2002 г.), рисуя обобщенный образ современного епископа: *«Признает ли Преосвященнейший Акакий клириков и мирян своими братьями? Миряне, его бессловесные овцы, и клирики, его рабы, в лице епископа повинуются Богу, пока воля епископа совпадает с волей Божией. А если не совпадает, то епископ сам становится богом, воле которого они обязаны повиноваться».*

Да, многие этим возмущены. Но если мирянам чуть проще в том плане, что с епископом они, как правило, не пересекаются, а от плохого священника могут уйти в другой храм (особенно, если это в крупном городе), то священникам от своего епископа-самодура, выжимающего из них последние соки, уйти практически некуда, потому что в соседней епархии сидит такой же «преосвященнейший Акакий».

И кажется, что революционная ситуация назревает, недовольство все увеличивается, и вот-вот... И все же — ничего не будет, никакой революции.

Потому что церковная революция столетней давности шла параллельно с событиями общественными, а жизнь церкви в нашей стране всегда привычно подстраивается под государственную. Побеждает тоталитарная власть — церковь склоняет шею под нее, побеждает демократия (как временно казалось в 90-е—начале 2000-х) — и в церкви вроде бы повеяло свободой. Сейчас же в обществе высок запрос на авторитаризм, твердую руку — и в РПЦ идет такой же процесс: усиления единоличной власти патриарха по всем направлениям.

А церковное общество не готово к революционным переменам. Священники разобщены — когда епископ травит или уничтожает одного из них, другие в лучшем случае будут молчать и тихо радоваться: «умри ты сегодня — а я завтра», или — в худшем — сами поучаствуют в травле.

Миряне, у которых отбирают пастыря и переводят без всякой причины в другое место, могут немного поворчать или даже написать письмо епископу, но на жесткое «нет» они привычно ответят покорностью и «начальник знает, как лучше» — тем более, что им пришлют нового батюшку, который так же будет махать кадилом, крестить, отпевать и освящать крестики. А что еще нужно большинству?

Поэтому патриарху Кириллу и епископату пока можно не переживать: серьезного самосознания и самоорганизации ни среди клириков, ни среди мирян сейчас нет. Но кто знает, что будет через какое-то время, каким ветром поведет?..

Опубликован в газете «Московский комсомолец» №27552 от 22 ноября 2017

Алексей Плужников

ФИНАНСОВЫЕ ПОТОКИ В РПЦ ТЕКУТ ТОЛЬКО СНИЗУ ВВЕРХ

На днях мне попала любопытная информация: игуменья одного бедного монастыря из Ленинградской области (на границе с Карелией) написала прошение своему архиерею с мольбой не отнимать у монастыря подворье в Санкт-Петербурге, которое, по неофициальной информации, собирается забрать патриархия. (Подворье сельского монастыря в крупном городе — это храм, доходы с которого идут на монастырь и в котором рулят монахи/монашки, а не настоятель — в таком храме «настоятелем» фактически является игумен/игуменья монастыря, а все священники просто несут функцию «главного по кадилу».)

Питерское подворье для этого бедного монастыря является, согласно прошению игуменьи, не просто важным, оно — средство выживания, приносящее 80% дохода. Без него монастырь вынужден будет бороться за то, чтобы не замерзнуть зимой без отопления. Обитель находится в труднодоступной местности, паломники ежедневно валом не валят — в общем, спасите-помогите, не лишайте куска хлеба и вязанки дров.

И в этом прошении не было бы ничего удивительного, если бы оно не стало достоянием гласности: сестры монастыря даже дерзают обращаться к общественности, простодушно надеясь, что огласка поможет им спасти подворье. Хотя любой, кто мало-мальски знаком с порядками в РПЦ, знает,

что «вынос сора из избы» в ситуации противостояния с патриархией будет истолкован только в минус тому, кто дерзнул уповать на свободу слова. Наверняка скоро игуменья каким-либо способом получит на орехи за «бунт» против начальства, за «непослушание и несмирение».

В 2008 году была издана книга «Плач третьей птицы» некой Монахини Н. Как потом оказалось, автором является игуменья Барятинского женского монастыря в Калужской епархии Феофила (Лепешинская). В то время эта книга, довольно смело рассказывающая о внутренней жизни русских монастырей (да и вообще о монашестве в целом), стала откровением. Например, там были такие строки:

«Уже имеются безобразно разбогатевшие, по разным причинам, монастыри, но наотрез не принято делиться с бедными, деревенскими, трудовыми обителями; просят у мирских, даже, может, бандитов, но и в голову не придет обратиться к братьям, да ведь и не дадут: „С ума сошла!“ — ответил один архимандрит просительнице-игуменье; отказывают и с мотивировкой: „Мы на братском собрании приняли решение никому не помогать“».

Такова суть внутренних отношений в РПЦ последних десятилетий. Люди, плохо знающие эту специфику (да даже и многие прихожане), вполне искренне уверены в таких вещах, услышав о которых священники или монахи, работники приходов, воскресных школ, семинарий и т.п. могут только горько усмехнуться.

Например, некоторые твердо уверены, что зарплату священникам платит государство (как в Греции), ну, или, по крайней мере, патриархия (епархия). А храмы все поголовно строятся или тем же государством, или спонсорами, или, опять-таки, патриархией/епархией. И очень удивляются, узнав, что обычно все совсем не так.

Как же устроена финансовая жизнь РПЦ (в самом упрощенном, усредненном варианте — не берем ситуацию с мегапроектами типа кафедральных соборов или реставрации древних монастырей, подпадающих под «наследие ЮНЕСКО»)? Устроена она очень просто: односторонняя труба снизу вверх — без вариантов, за редчайшими исключениями.

Каждый приход платит в епархию налог под названием «епархиальный взнос». Касательно налогообложения в разных епархиях есть вариации.

Например, приход может быть обязан платить 10% своего дохода в епархию. Или 20. Или больше (не раз приходилось слышать, что в некоторых епархиях архиереи настолько круты, что забирают до 70–75% дохода храма).

Бывает, что приход платит определенную сумму вне зависимости от прибыли, порой эта сумма слишком высока для бедного деревенского прихода (но это никого наверху не волнует). Или с прихода берутся суммы на определенные нужды помимо епвзноса: на семинарию, на строительство собора, на содержание архиерейских подручных — иподьяконов и протодьякона.

Кроме этого каждый приход обязан закупать на фиксированную сумму продукцию для своего обихода (свечи, лампадное масло, кагор, утварь, иконы, книги) на епархиальном складе по той цене, которая назначена на этом складе (накрутки бывают и 25%, и 50% — да сколько захочет епископ). Если лет 15 назад с этим было проще, и приходы могли изловчатся и покупать товар где-то на стороне, подешевле, то в последние годы строго требуют выкупать только продукцию общецерковного завода «Софрино» (которая чаще всего низкого качества, но высокой цены). Происходит это потому, что каждая епархия должна, в свою очередь, выкупать софринский ширпотреб, обеспечивая одну из важнейших статей доходов патриархии.

Разумеется, каждая епархия также платит и свой денежный взнос «чистыми» в Москву.

Но на этом приходские расходы не заканчиваются. Например, в период правления патриарха Кирилла произошла реформа по разукрупнению епархий (якобы для того, чтобы епископы стали «ближе к народу»). Если раньше епархия по размерам совпадала территориально с областью, то теперь в каждой области насчитывается от двух до четырех-пяти мини-епархий. Соответственно, епископов стало на такое же количество больше. И у каждого из них такие же аппетиты, как и у архиерея целой области, — каждому нужна резиденция, авто высокого класса, дорогие облачения, личная утварь, покрытая золотом и драгоценными камнями, личная обслуга. Платить за все это вынуждены те же приходы, вот только их в новой, уменьшенной епархии стало в два–пять раз меньше, а значит, епархиальный налог на их плечи увеличен в такое же количество раз, если не еще больше.

А ведь эти архиереи еще и приезжают служить на приходы. Если раньше архиерей областной епархии мог приехать на дальний деревенский приход (а приходов в епархии могло быть и двести, и триста, и больше) раз в год или в пять, то теперь они стали приезжать на приходы аки баскаки (сборщики дани Золотой Орды) — несколько раз в год. А значит — надо встречать, устраивать роскошный обед, оплачивать хор и «архиерейскую сволочь» (по выражению Н. Лескова) — протодиакона и иподьяконов и, разумеется, вручать конвертик «в благодарность за службу». В этом конвертике может быть сумма от пяти–десяти (нижняя планка) до... ну, трудно сказать, но с крупного храма может быть, наверно, и сто тысяч рублей, и больше.

А на такие службы «с архипастырским визитом» епископ может ездить два-три раза в неделю. Подсчитайте теперь суммы из конвертиков, которые он кладет себе в карман. Плюс у архиерея есть высокий оклад (минимум от ста тысяч рублей и выше). Плюс — в его руках все деньги епархии, и никто и никогда не спросит с него отчета за их использование (лишь бы вовремя рассчитался с патриархией). Плюс — несколько раз в год приходы собирают деньги на подарок владыченке — к Рождеству и Пасхе, к именинам и дню рождения (не путайте — это разные дни), ко дню хиротонии (поставления в епископы). Все приходы скидываются на общую сумму минимум в несколько сотен тысяч рублей, а порой и в несколько миллионов. Пять раз в год.

А вот обратно деньги не возвращаются практически никогда. Нет, бывает, когда настоятель приходит к епископу и просит помочь деньгами на строительство храма, и, бывает, некоторые архиереи даже дают. Но потом эти деньги обычно надо будет возвращать в виде увеличенного епархиального налога.

Итак, вычтите все расходы обычного прихода — от епархиальных взносов до приема архиерея, вычтите оплату коммунальных услуг, зарплату священника, хора и работников храма, вычтите суммы, необходимые на регулярный ремонт и содержание храма, и вы поймете, что настоятель среднего городского прихода — это чаще всего человек с невысоким уровнем дохода, а настоятель сельского храма или рядовой священник городского храма — с низким.

Конечно, если это честный священник, который не путает свой карман с приходским.

И такая ситуация в РПЦ повсюду: верхи живут в роскоши, низы — в нищете. Между ними есть тонкая прослойка середнячков. Но принцип остается: помогать бедным и слабым приходам и монастырям не принято. Только бедные между собой порой взаимодействуют и делятся чем могут.

Поэтому и жизнь у церковных мышей такая убогая — потому что некоторые коты зажрались.

Опубликовано в газете «Московский комсомолец» №27526 от 20 октября 2017

Алексей Плужников

ПАТРИАРХ КИРИЛЛ: ДУХОВНЫЙ ЛИДЕР ИЛИ ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕНЕДЖЕР

Когда в декабре 2008 года умер патриарх Алексей II, началось сражение за вакантное место патриарха между главой Отдела внешних церковных связей РПЦ митрополитом Кириллом Гундяевым и митрополитом Климентом Капалиным, который с 2003 года был управляющим делами Московской патриархии.

В те дни предпочтения многих были на стороне митрополита Кирилла, который виделся экуменически и миссионерски настроенным, дипломатичным, умным и харизматичным лидером. Простой народ его знал в основном по телевизионной передаче «Слово пастыря». Митрополит Климент же выглядел на его фоне достаточно серо, воплощая собой скучный церковный консерватизм.

Но что реально представляет из себя митр. Кирилл, стало ясно, когда в предвыборную борьбу на его стороне вступил дьякон Андрей Кураев — самый уважаемый на тот момент миссионер РПЦ. Для многих, в том числе и для меня, было жестоким потрясением, когда «дьякон всея Руси» стал «разоблачать» конкурента Гундяева, причем не только самого митр. Климента, но особо наскокивая на его брата — Тобольского и Тюменского архиепископа Димитрия Капалина.

Отец Андрей Кураев в те дни вылил много грязи на братьев Капалиных, выискивая у них всевозможных блох, стараясь показать всем, как выгоден, в отличие от конкурента, будет в качестве патриарха «эффективный менеджер» Кирилл Гундяев.

И сработало. На Поместном соборе патриархом был избран Гундяев, а 1 февраля 2009 года состоялась его интронизация.

Кураев был награжден за труды чином протодьякона, митрополит Климент Капалин смещен с должности управляющего делами МП, став всего лишь главой Издательского совета.

Начались первосвятительские труды нового патриарха-миссионера.

Одним из первых важных деяний патриарха Кирилла было его строгое заявление накануне праздника святых просветителей Кирилла и Мефодия (24 мая) – создателей славянской письменности. Патриарх велел всем архиереям не приезжать в Москву чествовать его в день именин, а лучше заняться просветительской работой на местах. Тогда это его решение широко тиражировалось православной прессой: мол, посмотрите какой — не хочет почестей, хочет просвещения!

Правда, в следующие годы первый благородный порыв забылся, и вот уже в 2015 году в этот же праздник Кирилла и Мефодия на Красной площади Москвы устраивается грандиозный церковно-государственный флешмоб, где патриарх вместе с чиновниками, сонмом духовенства и прочим согнанным в принудительном порядке народом поет бодро «забота у нас простая, забота у нас такая» и другие советские песни. По словам очевидцев, все это действие напоминало бракосочетание государства и церкви, только христианство сменила какая-то другая религия...

Первые годы правления патриарха Кирилла были полны бурными преобразованиями: указаниями развивать миссионерство, социальную работу, образовательную сферу на приходах, в епархиях. Но то, что внешне казалось правильным, на деле оказалось мыльным пузырем: так как для реальных дел не было ни специалистов, ни финансов, ни правильно выстроенной политики, то все свелось к тому, что священников завалили тоннами отчетности, обязали создать кучу организаций на приходе, даже если в храм ходят полторы старушки. Ну, священники «создали» — написали правильные отчеты, поставили в нужных местах галочки, а потом каждый год просто меняли дату в отчете и сдавали заново — и всех это удовлетворяло, правда, каждый год придумывали новую отчетность.

Патриарх создал Межсоборное присутствие, куда вызывались церковные специалисты якобы для выработки четкого отношения Церкви к тем или

иным проблемам путем широкой дискуссии как в самом присутствии, так и в целом среди духовенства и верующих РПЦ.

В итоге все это вылилось в бессмысленную демагогию, а все церковные постановления стали просто спускаться сверху с требованием беспрекословного исполнения.

Патриарх придумал систему раздробления епархий, якобы для того, чтобы «епископы стали ближе к народу». В итоге, если раньше епархия была равна области, а архиерей сидел в областном центре, то теперь в каждой области стало от двух до пяти епархий с соответствующим количеством мелкопоместных архиереев. Отсюда и получила воплощение в жизнь шутка: «брошу все, стану архиереем в Урюпинске» — да, уже есть Урюпинская епархия со своим епископом.

Но епископы не стали ближе к народу — они стали ближе к народным деньгам, потому что каждый церковный феодал, даже мелкий, хочет резиденцию, автомобиль высокого класса, соответствующий достаток, отдых, питание и много красивых и дорогих безделушек на груди и на голове. В итоге в несколько раз возросли налоги с приходов, так, что для многих бедных храмов это стало удавкой на шее.

И в патриархию стали требовать больше и больше денег. Почему? Ну, не стоит заново рассказывать про нанопыль в особой квартире, чудотворные исчезающие брегеты, резиденции и прочую скромную жизнь ученика апостолов — это все и так видят. Скажу лишь, что к дню рождения Кирилла в ноябре 2017 г. с одной маленькой епархии собирали сумму в 10 тыс. долларов. А епархий в РПЦ более 300...

А еще, в 2012 году, были Pussy Riot и митинг в поддержку «веры» — то есть патриарха, под охраной тысяч полицейских. Уже тогда патриарх с трибуны заговорил про предателей в рясах — тех, кто смеет критиковать его лично.

На нашем портале «Ахилла» часто пишут священники — анонимно, потому что под своим именем можно только воспевать хвалу «эффективному менеджеру», а правду сказать можно, только надев балаклаву. Вот лишь незначительное количество цитат священников о своем предстоятеле:

Некоторые священники на службе поминают Кирилла, *«добавляя мысленно про себя перед словом «патриарх» слово «заблудший»»*.

«Разрыв между словами и делами патриарха. Какой-то мертвящий холод, которого не было при Алексии II».

«Мы ждали пророка, а получили прокурора...»

«Позиция Патриарха очень проста: если меня кто обидит, то мне Евангелие не указ».

«Патриарха я уважаю и усердно поминаю, конечно, он – наш Главпахан (простите за выражение), деньги и отчеты выбивать умеет. Если что не по нему – растопчет быстро, как и полагается».

«Патриарх-миссионер... Вспоминаю приезд в нашу епархию патриарха Кирилла на освящение собора. Несколько раз со всех приходов были большие денежные сборы, страшная нервозность, вприпрыжку бегавшие благочинные, ор епископа с брызжащей слюной на подчиненных, и страх, страх, страх. Тогда вдруг я понял, встретив каменно-тяжелый подозрительный взгляд патриарха, идущего между двух шеренг выстроенного духовенства, что это не наш отец, а властный господин, выкованный прежней советской церковной системой, прошедший все ее ступени».

«Надо отдать Кириллу должное — он гениальный демагог. Демагог именно в советском, большевистском смысле слова».

«Патриарх — совершенно нормальный, ожидаемый проект кремлевской пропаганды и вполне себе атеист».

Поверьте, так про патриарха думает подавляющее большинство нормального, честного священства. А остальные просто боятся думать, ибо наказание прилетит даже за наморщенный для размышления лоб.

Но главная проблема нынешнего патриарха даже не в том, что он деспот, или что он любит роскошную жизнь, или что он боится народа, поэтому окружает себя кордонами ФСО. Не только его вина в том, что он выстроил вокруг себя вертикаль власти — трусость и сервильность епископата ему в этом всячески подыграла.

Главная проблема патриарха Кирилла в том, что он лицемер, и не стесняется этого. В церковных канонах, касающихся епископов, есть такое понятие: «доброе свидетельство от внешних». Такое, каким, например, обладал патриарх Сербский Павел. Даже патриарх Алексий II тоже пользовался в

обществе гораздо большим уважением, несмотря на некоторые негативные моменты биографии.

Современное же светское общество презирает патриарха Кирилла и смеется над ним. Думающая часть верующих РПЦ тоже страдает от того, что у них такой патриарх, по которому судят о всей церкви. Конечно, есть и те, кто смотрят лишь благолепные службы патриарха по телевизору, слушают его грозные проповеди — такие не верят критике, вслед за церковными чиновниками повторяя мантру об «антицерковном заказе».

А те, кто реально настроен против РПЦ, радостно потирают руки: «Пусть подольше правит Кирилл! Быстрее все развалится!»

Но другие смотрят трезво и понимают, что патриарх-то — «не настоящий».

Ваше святейшество, люди ждут от вас подвига — уйдите в отставку. Выйдите на амвон и скажите, глядя народу церковному прямо в глаза: «Простите, я нагрешил, я был фальшивым патриархом, но теперь осознал — уйду каяться в далекий монастырь в качестве простого монаха».

Тогда вам все простят, ваше святейшество. И вы вновь станете для всех братом во Христе. А не «эффективным менеджером» и председателем ЦК по религиозной части.

Опубликовано в газете «Московский комсомолец» №27605 от 1 февраля 2018

Алексей Плужников

КАК СТАТЬ ПОПОМ: НЕСТАНДАРТНЫЙ ПУТЬ

Нет, нет, это не то, о чем вы могли подумать. Не тема «голубого лобби» в РПЦ, так активно и часто поднимаемая в блоге протодьякона Андрея Кураева.

Просто есть в обществе расхожее представление о стандартном пути в священство, который якобы проходят все будущие батюшки: растет мальчик в верующей семье (особенно — в священнической), с детства при храме, помогает в алтаре, после школы сразу же, по благословению духовника и папеньки с маменькой, поступает в семинарию, там пять лет сидит за партой, в конце учебы находит себе жену из регентш или иконописиц, обучающихся

тут же, по соседству. Затем его рукополагают и отправляют на приход, где он служит до конца дней своих.

Да, примерно такой усредненный путь и есть, со своими вариациями. Но есть и другой вариант — когда священниками становятся взрослые люди, нередко с высшим образованием, пришедшие из «ниоткуда». Как здесь выглядит процесс, и чем подобный священник будет отличаться от выросшего из мальчика-семинариста?

Как известно, в советское время власти жестко препятствовали тому, чтобы священником мог стать человек с высшим образованием — такому практически всегда отказывали при поступлении в семинарию. Зато охотно брали малограмотных юношей из западно-украинских деревень. До сих пор в России служат еще те попы, рукоположенные в середине-конце семидесятых, которые стали маститыми, митрофорными (то есть достигшими высших священнических наград) протоиереями. И не просто сами служат, но служат целыми кланами. Можно ради интереса полистать списки клира какой-нибудь российской провинциальной епархии, найдете много одинаковых фамилий: братьев, отцов и детей, племянников, прочей родни. Надо ли уточнять, что в делах проповеди и научения христианской вере многие из этих священников не на высоте, сами бывают полны деревенских суеверий. Зато в вопросах деловой хватки: стройки, нахождения спонсоров, укрепления своего личного благосостояния — с ними мало кто сравнится.

Человек же с высшим образованием в советское время мог пробиться в священство только через отказ от своего статуса: он уходил в кочегары, дворники, в церковные сторожа, а через какое-то время его тихонько рукополагали, порой без семинарии совсем, или он учился заочно, уже будучи священником.

В начале девяностых ситуация изменилась, стали в большом количестве открываться храмы, потребовалось и большое количество новых священников. Тогда рукополагали всех подряд: достаточно было чьей-то рекомендации, человек выучивал 50-й псалом, брал в руки кадило, служебник, требник — и вперед, затыкать духовные дыры. Люди приходили разные: как малообразованные бывшие сантехники, милиционеры, водители, колхозники, так и интеллигенция, порой с научными степенями. Возникло разнообразие среди священства: кто-то недалек умом, но склонен к строительству, кто-то наоборот — не слишком деловой, зато хороший

миссионер, проповедник, церковный ученый. И у прихожан появилась возможность, особенно в городе, выбрать батюшку по душе и по уму.

В конце девяностых — начале двухтысячных духовные дыры более-менее были заткнуты, все хлебные места заняты. В это время архиереи стали более разборчивы: уже не рукополагали первого попавшегося с улицы, ставленник (кандидат в священство) должен был иметь хорошую рекомендацию от настоятеля прихода или благочинного (начальника над группой приходов), он должен был тренироваться на приходе: алтарничать, учиться читать на церковнославянском, также его посылали заочно учиться хотя бы в духовное училище или в семинарию. Но человека с высшим образованием в это время уважали — значит умный, будет полезен. Таких священников нередко назначали руководить образовательными проектами епархии, миссионерскими, социальными отделами, всегда можно было щегольнуть в прессе, что такой-то батюшка у нас — кандидат таких-то наук.

Но постепенно (и ради этого мы и ведем рассказ) епископат РПЦ понял, что есть существенное отличие между «стандартным» батюшкой семинарской выучки, и священником, имеющим в прошлом светское образование и какую-то профессию, навыки самостоятельного выживания. Представители второй группы священства в целом более самостоятельны, склонны иметь свое мнение, порой дерзают возражать начальству и даже, в случае чего, способны хлопнуть дверью, уйдя на светскую работу.

Когда наступило время патриаршества Кирилла (Гундяева), то выстраиваемая им вертикаль власти не предполагала ничьей самостоятельности, никакой дерзости, возражений или чего-либо подобного. Сначала поголовно всем священникам велели в обязательном порядке получить духовное образование. Даже духовное училище (двухгодичное заочное, типа церковного ПТУ) перестало считаться достаточным — всех отправили учиться пять лет в семинарии (церковном колледже). Мне известен анекдотичный случай, когда за парту посадили... декана богословского факультета провинциального православного университета — доктора исторических наук. Знания, ум и умения перестали считаться достаточными — теперь все решали массовость, стандарт и корочка.

А для кандидатов в священники, даже с высшим гуманитарным образованием, халява закончилась: теперь путь к рукоположению лежал

только через очную учебу в семинарии, заочка осталась в основном только для тех, кто уже в сане, и для монахов. И многим возрастным людям пришлось бросить работу и семью, и сесть за парту, как школярам.

В последние годы в РПЦ, как и во времена власти КГБ, вновь стало очевидно: светски образованные священники не нужны — они опасны, склонны критиковать, могут зарабатывать на стороне, тем самым выходя из-под полного контроля архиерея данной епархии. А вот тому батюшке, который в 18 лет сел за парту в семинарии, а в 22-23 уже стал священником, нарожал кучу детишек и по уши погрузился в приходские заботы, деваться впоследствии от власти епископа некуда. И чем старше священник становится, тем меньше у него возможностей, сил и смелости выступить в чем-либо против абсолютной власти церковного начальства: у него не остается запасных путей, нет навыков, образования, ничего, кроме умения виртуозно махать кадиллом, крестить, венчать и совершать прочие благодатные действия, которые кормят его на своем месте, но абсолютно не востребованы в светском равнодушном мире бизнеса и борьбы за существование.

Поэтому сейчас в РПЦ ситуация такова: те из образованных и самостоятельных священников, кто возмущается политикой РПЦ — ее обслуживанием интересов власти, а не народа, порой уходят из служения, «хлопнув дверью». Те же, кому некуда деваться в силу разных причин, продолжают служить, но находят отдушину, в частности, в соцсетях и в нашем проекте «Ахилла», анонимно высказывая наболевшее, критикуя сложившуюся ситуацию в РПЦ.

Но выстраиваемая вертикаль власти и тенденция к тотальному подавлению священства со стороны патриархии имеет и обратное действие: в последние годы в семинарии идут все меньше юношей, искренне желающих служить Богу и Церкви. Те же, кто продолжают поступать в семинарии, часто делают это или в силу семейной традиции, или полагая, что у попа всегда будет кусок хлеба. А тех, кто имеет высшее светское образование и профессию, с каждым годом среди священства будет все меньше. Ясно, что это путь к усугубляющейся потере доверия и уважения к РПЦ со стороны общества.

Но, как видим, пока патриархию это совершенно не волнует. После 2012 года, после танцев «пусек» на амвоне Храма Христа Спасителя, стало очевидно: патриархию и конкретно самого патриарха Кирилла абсолютно не

интересует ни мнение, ни уважение как светского общества, так и думающих священников и мирян. Контроль, слепое подчинение, непрерывный денежный поток вверх по трубе, плюс смычка с государством в вопросе «скреп» — вот единственное, что значимо для нынешнего патриарха.

Долго ли такое продлится — неизвестно. Но всем искренним верующим юношам, стремящимся послужить Богу в алтаре, можно пожелать только одно: получите сначала высшее образование и приобретите хорошую профессию. Пригодится в жизни.

Опубликовано в газете «Московский комсомолец» №27635 от 14 марта 2018

Алексей Плужников

У ПОПА БЫЛА ЖЕНА

В конце июля 2018 года многие были ошарашены известием: молодой священник Дионисий Горовой завез в лес свою жену и зарезал ножом, а потом закопал. И хотя руководство и знакомые этого священника говорят, что неадекватность у него была заметна уже достаточно давно, некоторые стали искать другие причины, толкнувшие священника на жестокое преступление.

Например, пустили слух, будто этот священник якобы увлекался идеями известного медийного проповедника — протоиерея Андрея Ткачева. Ткачев знаменит своими высказываниями, в которых он молодых девушек, ведущих свободную сексуальную жизнь, называет «малолетними шалавами» и призывает пороть их ремнем, а непокорных жен советует воспитывать про помощи засовывания их в стиральную машину, и вообще — «ломать через колено, отшибать рога». Вот, мол, начитался Горовой Ткачева — и пошел жену ломать так, что насовсем.

Но это объяснение слишком простое и притянута за уши. Да, в историческом православии патриархального общества Российской империи у женщины всегда была незавидная роль, и за человека жена не слишком-то считалась — тут Ткачев просто яркий представитель этой традиции. Все это находило оправдание в обрывке цитаты из Священного Писания: мол, «жена да убоится мужа». Правда, в контексте это означало, что жене просто следует бояться расстраивать мужа, то есть уважать его, а муж при этом (и эта часть

цитаты всегда игнорируется) должен любить жену, «как свое тело», как самого себя.

Но есть еще и конкретные проблемы, о которых современному светскому человеку мало известно, и чтобы их прояснить, надо немного углубиться в историю.

Например, в середину XIX века. Был такой удивительный священник, Иоанн Белюстин, который осмелился написать книгу, потрясшую тогдашнее общество «Святой Руси», — «Описание сельского духовенства». В книге он в подробностях описал все ужасы жизни низшего священства, от первого шага в духовном училище до самой смерти.

В то время (и столетиями до этого) священство было замкнутой кастой. Дети священников шли в семинарии почти поголовно, соответственно большинство из выпускников семинарии рано или поздно также становились священниками. Но в православии нельзя стать священником, предварительно не женившись. (Католические священники, наоборот — вместе с саном принимают обет безбрачия, а в некоторых протестантских деноминациях можно сначала стать пастором, а потом уже подобрать себе жену. Первым безбрачным — целибатным — священником в России стал протоиерей Александр Горский в 1860 году, но это был экстраординарный случай.) Но православный семинарист в России XIX века должен был не просто жениться: ему предстояло еще заплатить кучу денег вымогателям из епархиального управления, консистории — так называемой «архиерейской сволочи», церковным чиновникам, чтобы пробиться к рукоположению и получить приход для служения. Поэтому кандидату в священство надо было не просто найти невесту, но с порядочным приданым, из богатой поповской семьи. Разумеется, никого не волновала любовь или хотя бы нравственные качества той девицы — взял деньги, купил сан, ну и в нагрузку дается жена, без нее никак.

И, пишет Белюстин, это вело к постоянно нарастающим проблемам в будущей жизни молодого священника: ни любви, ни даже взаимного уважения в семье нет, жена его пилит или требует денег, смотреть на нее тошно: *«Молодой иерей начинает ненавидеть все — до самых стен дома, в котором живет. Быть дома — мука для него, и он ищет всех случаев быть вне его — в приходе, у причетников, в сторожке, где бы то ни было, только не дома. Не имея в себе нравственной точки опоры, от семинарии*

с предрасположением злым, он принимается за чарку — сначала чтобы заглушить горе, а потом чарка делается для него потребностью и обращается в страсть. ... Случается, и нередко, предается грубейшим порокам — пьяному и ненавидящему свою жену что не взойдет в голову?»

Напомним, что во все времена православному священнику не разрешалось разводиться и вступать во второй брак — он должен тянуть лямку с той женой, которая ему досталась, или прекратить служить (или постричься в монахи).

В нынешнее время так называемого «церковного возрождения» конца XX — начала XXI вв. ситуация немного улучшилась. Далеко не везде со ставленника (кандидата в священники) требуют денег, да и жену он, теоретически, может выбрать себе сам. Но это именно «теоретически». Обычный путь к священству у большинства таков: юноша идет после школы в семинарию, потом иногда — в духовную академию. Там очень строгие порядки, режим, гулять особо некогда и негде, найти себе подружку жизни проблематично. Но вот он оканчивает курс, и его вызывает архиерей: «Будем тебя рукополагать! Вот тебе две недели — чтобы срочно нашел себе попадью!»

Где неопытному юноше такую найти? Обычно рядом с семинарией есть регентское отделение, где учатся в основном девушки. Конечно, там — наилучшие кандидатки, их не только послушанию учат, но и пению, церковному уставу, а на деревенском приходе, куда ходят три с половиной бабушки, всегда нужна собственная бесплатная певчая. И вот семинарист находит себе ту, которая согласится разделить с ним «счастье», — готово, есть муж и жена, а он вскоре — батюшка.

Буквально накануне нам на портал «Ахилла» прислали текст про такую матушку. Она вышла замуж за будущего священника еще проще: ее вызвал архиерей, ткнул пальцем в семинариста и сказал: «Вот за него выйдешь замуж». И она вышла. И такое не редкость: всякие «старцы», или духовники порой именно так и сводят православных молодых людей: забудьте про любовь, поиск общего, дружбу и прочие глупости — я вас благословляю, женитесь.

А потом, рассказывает та матушка из письма, муж начал ее регулярно бить. И она с большим трудом, с кучей детей, смогла сбежать от него через несколько лет и начать новую жизнь.

А еще (это к причинам и поводам для насилия в священнических семьях) священник — это очень странное существо. С одной стороны, на своем приходе (если он настоятель) — он почти бог. Ему кланяются, целуют ручку, он все за всех решает, отпускает грехи, накладывает епитимьи (типа духовного «штрафа» на грешника за нерадивую жизнь), может начать «рулить» внутренней, семейной жизнью своих прихожан. Это может дать такое чувство власти, что оно способно сшибить с ног даже психически устойчивого человека.

С другой стороны, перед своим правящим архиереем священник — это ничто, букашка, которую епископ может унижить, растоптать, снять с прихода, отослать в тьмутаракань, отправить в запрет, лишить сана... И где за эти унижения священнику отыграться, кроме как на домашних?

Мы на нашем сайте опубликовали психолога Наталию Скуратовскую, которая давно и плотно работает со священническими семьями. Так вот, по ее мнению (хоть и нет статистики в цифрах), насилия в таких семьях больше, чем в «среднем по больнице».

Итак, обобщим причины и поводы, ведущие к насилию в семьях священников:

- многовековая кастовость и клановость священнического сословия, которая только в последние несколько десятилетий слегка расширила границы;
- мировоззрение, застрявшее в средневековье, где «жена да убоится»;
- необходимость срочной женитьбы после семинарии, и, как следствие, частое отсутствие любви и уважения к жене, которую выбрал не по сердечному влечению, а ради карьеры;
- огромная власть над душами прихожан, при одновременном униженном положении священника перед архиереем;
- страх перед свободой личности, которая в современном светском мире, в отличие от церковного, является базисом всех отношений, как личностных, так и социальных;
- отсутствие возможности вступить во второй брак для священника, что ведет или к двойной жизни (раздельное проживание с номинальной супругой, наличие любовницы, тайный развод и второй брак, который не афишируется в церковной среде — при этом со страхом

разоблачения), или порождает состояние безнадежности, которое заливается водкой, или находит выход в агрессии.

Какие есть выходы из этого положения — ответить сложно. Система церковной жизни в России строилась столетиями, и изменить ее в одночасье невозможно, тем более не особо наблюдается желание ее менять ни со стороны патриархии, ни «снизу». Но все же в тупиковой ситуации, помимо изворотливости, агрессии или «чарки», есть и более конструктивное решение — выход из церковной системы через снятие сана и попытка построения своей личной жизни вне ее.

Опубликовано в газете «Московский комсомолец» №27747 от 3 августа 2018

Алексей Плужников

ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ ОБЫЧНОГО ПОПА

Мало кто знает, как живут священники, как устроен их быт, распорядок дня. Есть туманное расхожее представление об усредненном «попе на мерседесе» — у него загородный коттедж или четырехкомнатная отличная квартира, денег — полные карманы рясы; помахав в воскресенье кадилом и сказав зычным басом проповедь о смирении, он «торжественно» венчает пару молодых, крестит десяток младенцев зараз, а потом едет к спонсору в сауну и там они пьют пиво и коньяк, обсуждая футбол и баб. А вечером поп прибывает домой на своей импортной колеснице (если по дороге не попадет в пьяное ДТП и не прославится скандалом в СМИ) и там всех заставляет молиться на коленях и читать вслух «Домострой».

Конечно, это утрировано, но примерно так, с вариациями, часто и представляют себе жизнь священников те, кто близко с ними не знаком. Да и как с ними познакомишься, если в обычной жизни их практически не встретить — они или в храме, бормочут чего-то в алтаре, или на своей машине ездят по трем, сшибают деньги.

Кто такой поп, что у него внутри? Тайна.

А давайте заглянем одним глазом в тайну жизни самого среднестатистического, обычного священника, допустим, настоятеля маленького городского храма (или даже пока еще вагончика, а храм только

надо построить), где он служит один, и у него очень маленький штат работников на приходе.

Он просыпается ранним утром, когда еще совсем темно, в маленькой съемной квартирке (даже приходского жилья у него и в помине нет), за которую он отдает больше половины своего ежемесячного дохода. Еще в полудреме, он бежит на остановку маршрутки или трамвая (в его городе нет метро), чтобы доехать вовремя на службу, которая для прихожан начинается в восемь утра, а для него — в семь. Машины у него нет, ибо заработать честным поповским трудом на «мерседес» нельзя. Вернее, можно, но обычно — нечестным. Тогда придется вкладывать средства не в оформлении земли под строительство храма, не в зарплату работникам, не в оплату епархиальных взносов и подарки архиерею... Хотя нет, простите, последние два пункта — святыня: сдохни, но заплати. Иначе белый свет тебе покажется тьматараканью, куда тебя немедленно и сошлют — за «досаждение архиерею» (есть такой пункт в церковных канонах).

Сегодня будний день, но в церкви — каждый день праздник. Вот и литургия сегодня праздничная, но не так чтобы очень — например, память Владимирской иконы Богородицы или преподобного Серафима Саровского. Батюшка их почитает и обязательно служит в этот день. Но прихожан на службе мало — большинство на работе, приковыляли лишь привычные родные старушки, божьи одуванчики. Службу и батюшка, и старушки любят — два часа тихой молитвы, радостного умиротворения. После службы — поют акафист.

Правда, дохода в такой день с гулькин нос — полторы тысячи рублей. Ну да ничего, может, в воскресенье будет больше. Тысяч пять даже. Наверно.

Отслужив, священник торопливо одевается, берет все необходимое и бежит сквозь грязные дворы в соседнюю больницу — он ее «окормляет», то есть обеспечивает религиозные нужды страждущего населения. Там у него крещение младенца в реанимации (тут же его ловят и просят заодно покрестить второго, в соседнем кувезе), соборование старушки в палате — душной, тесной, пахнувшей скорбью и дезинфекцией. Параллельно еще надо умудриться встретиться с главврачом, в десятый раз попробовать уломать того на разрешение открыть при больнице хотя бы молитвенную комнату, чтобы было куда больным зайти, да и священнику удобнее базироваться, не таскать с собой все время поповские принадлежности.

Наконец требы закончились. Разумеется, он ничего на них не заработал, потому что брать с родителей ребенка, жизнь которого в опасности, или с больной старушки — грех, а говоря человеческим языком — нехорошо, недостойно.

После обеда у него в храме намечена беседа с будущими крестными и родителями ребенка, которого хотят крестить (крестит он тоже всех бесплатно, хотя и не будет возражать, если кто кинет что-то в приходскую кружку в качестве благодарности). Есть немного времени перекусить. Правда, до дома ехать далеко, на кафе денег нет, но ведь можно купить мороженку в киоске или даже какой пирожок в маленькой пекарне, где батюшку уже знают и всегда улыбаются, как старому знакомому. Или два пирожка... хотя священник давно понимает, что с лишним весом у него проблема.

А с беседами перед крещением всегда тягота. «Нормальные» попы не заморачиваются болтовней — оплатите в кассе три тыщи и приходите в назначенный час макать вашего младенца в воду. Чики-поки и все довольны. А ненормальный наш — нет, не хочу профанации, хочу, чтобы люди серьезно относились к душе и к жизни. Объясняет чего-то, спрашивает: зачем вам это надо, верите ли вы в Бога, в Христа. «Нуу, это, конечно, — тянут с недоумением те, кто будут воспитывать будущего христианина, — наверно, ТАМ есть что-то... Крестим зачем?! Ну, ээ, чтобы защита была... Евангелие? Неа, не слышали... А нельзя ли побыстрее нам? А то мы уже гостей на воскресенье созвали?..»

Но сегодня батюшке не повезло (или повезло?): никто на беседу не пришел, хотя и договорились. Позвонить, предупредить? — Ну что за блажь, все же уверены, что батюшка если и не живет в храме, так все равно сидит там с восьми и до вечера, как в офисе, скучает...

Впрочем, заняться батюшке есть чем: приткнувшись в своем тесном кабинетике за столом, который пожертвовали добрые люди из соседней общаги, он заполняет очередной отчет: то по социальной деятельности прихода (ага, на какие шишы?), то по миссионерской — с каждым годом отчетов становится все больше. Вот недавно за ним «закрепили» аж две общеобразовательные школы, которые как бы «на территории его прихода». Что он должен сделать? Ну как: провести среди них работу. Ходить к директорам — продавливать «взаимодействие», ходить на родительские

собрания — продавливать, чтобы выбирали для детей не «светскую этику» или «религиоведение», а «Основы православной культуры». Правда, директриса — атеистка, а классная руководительница — гримза комсомольской закалки. Ну ничего, надави посильней, поработай промеж них активнее — воцеркови, убеди, продави. Но главное — отчет нарисуй красивый, чтобы каждый год — рост надоев и урожая нравственности с духовностью...

Ага. А самое главное-то: взнос пора епархиальный отдавать за этот месяц! Просрочишь день — взгреют в епархиальной бухгалтерии, просрочишь два — благочинный выбьет ногой дверь в алтаре и благословит тебя словом неписанным... Просрочишь три — ой, не стоит об этом. Надо платить. «Марьяванна, что у нас там в кружке?.. Да?.. Ну выгребайте все, да сегодняшней доход приложите, да с прошлой недели что отложено... Ну вот, набрали. Ах, блин, еще надо на именины владыченьке... Что ему пусто было (но это не вслух, конечно)!»

Отчеты заполнены, в алтаре прибрано, вечереет, пора и домой. Но тут как раз заглядывает прихожанин Василий — так-то он ходит редко, не чаще одного раза в месяц, потому что работает по вахтам, но теперь ему надо срочно поговорить с батюшкой, рассказать о семейных проблемах, спросить совета. Прихожанин старше своего «духовного отца» на двадцать лет, поэтому священник садится с ним рядом, молча слушает, кивает, вместо советов — вздыхает. Слава Богу, тот уже забыл, что хотел совета: вскакивает, улыбается: «Батюшка, спасибо, что выслушали — как вот камень с души!» Убегает.

А священник убежать не успел: теперь захожанка, мадам в облаках душного парфюма, просит крестик освятить. Ну, куда деваться — освятил.

Уже совсем стемнело, священник торопится на трамвайную остановку. Еще надо зайти в супермаркет, хорошо хоть — подрясник снял, оставил в храме, а то и так весь заляпан грязью, не настираешься, тем более, что денег на новый нет, было бы на что купить семье на завтра продуктов...

В трамвае слегка расслабляется: когда он обычно едет в общественном транспорте в поповской «спецодежде», то чувствует себя то ли космонавтом в скафандре, то ли клоуном на арене: все смотрят, кто с любопытством, кто с презрением, дети показывают пальцем на «дяденьку в платице», а

очередной пьяный опять докопается с «духовными разговорами» о богатствах патриарха и спасении России. Но сейчас на него никто не пялится, и даже свободное место есть. Можно прислониться головой к стеклу и смотреть на огни унылого города, в котором он живет всю жизнь, и кроме которого он почти нигде не бывал — не для него отдых за границей или у моря. Впрочем, в деревне у тестя вполне себе ничего, природа, рыбалка...

Это был обычный день, даже не самый тяжелый — он прошел без эксцессов, трудных разговоров, никто не умер в больнице, священника не вызывали на ковер к архиерею и не заставляли присутствовать на отчетном мероприятии на консервном заводе, у него не болят (о чудо!) дети, и даже его собственная спина, после курса таблеток, целых две недели не воеет, когда он встает с постели.

Рядовой день рядового попа.

Опубликовано в газете «Московский комсомолец» №27685 от 21 мая 2018

Алексей Плужников

ЛИЦЕМЕРИЕ — ГЛАВНАЯ ПРОБЛЕМА РПЦ

Недавно в «Московском комсомольце» я опубликовал очередную заметку, в которой описал обычный день рядового священника (см. предыдущий текст). Хотя «Ахиллу» принято огульно упрекать, что мы круглосуточно занимаемся охаиванием РПЦ, Церкви и веры в Бога, но в реальности мы стараемся показывать разные стороны религиозной жизни. Так, мне захотелось показать людям, что есть не только попы на мерседесах, а есть (и их много) нормальные священники, старательные, искренние и даже бедные.

Как я и предполагал, подавляющее большинство комментаторов в МК статью освистали, забросали тухлыми помидорами. Комменты были в стиле: «ага, заливай больше, у попов полные карманы денег, я вот знаю про молодого игумена на Гелендвагене, а у знакомых поп на Порше, подумаешь, утрудился — пусть пойдет слесарем поработает, попяра, достали уже».

Конечно, комментаторы в МК — это не полностью репрезентативный срез всего российского общества, но очень и очень близко отражающий, как в нашем обществе относятся к РПЦ.

В конце девяностых — начале двухтысячных на попа смотрели с удивлением, открыв рот, и даже восхищением, а уж если встречали на улице или в транспорте, то это было почти чудо, к батюшке подходили, о чем-то спрашивали, водители часто подвозили (сами останавливались, предлагали).

Позже, в нулевых — десятых, попы примелькались, их становилось все больше, и отношение к ним стало более ровным: меньше любопытства, меньше вытаращенных глаз: ну, вот представитель духовенства, на нем униформа, нормально, время такое — «духовное», сейчас можно.

Но после 2012 года отношение к РПЦ и священству в целом резко покатило по наклонной в худшую сторону. Градус презрения и неприязни рос, параллельно с ростом духовности, количества золотых куполов и иномарок духовенства. А уж облик РПЦ в СМИ, в лице патриарха Кирилла, прот. Всеволода Чаплина и им подобных, с их регулярными безумными перлами, бесконечные скандалы — начиная от исчезающих часов, нанопыли вплоть до пьяных ДТП с участием юных игуменов — потускнел и подернулся ржавчиной. Недавно к этому еще прибавились процессы, связанные с законом об оскорблении чувств верующих.

Да и люди, которые все чаще сталкивались со священством в храмах и в жизни, постепенно увидели, что то, что говорят с амвонов, и то, что происходит в РПЦ на самом деле — две очень большие разницы.

И именно в этом главная проблема нынешней РПЦ. И это не богатства, не злобные проповеди ткачевых, не прислуживание власти, не мерседесы и не равнодушные попов (хотя все это и важно). Нет — это лицемерие. Когда люди сталкиваются с лицемерием тех, кто, в их представлении, должен олицетворять собой честность и прямоту, то презрение и брезгливость начинают распространяться, уже без разбора, на всю Церковь, на всех ее представителей.

Поэтому и читатели МК освистали статью об усредненном честном священнике, потому что людям уже плевать на то, что такие существуют, что кто-то трудится не за деньги, а за совесть. Люди тотально разочаровались, они не верят, что церковники в принципе способны не лицемерить, потому что это лицемерие подкарауливает на каждом шагу.

Вот только один маленький пример для иллюстрации (а их тысячи, сотни тысяч), цитата из СМИ:

«Это крещение приурочено ко Дню защиты детей. У нас в ... много многодетных семей, не у всех родителей есть время пройти перед крещением детей занятия в воскресной школе и оставить пожертвования для храма. А в этот день можно просто прийти с детьми и провести обряд крещения».

Тут мне как-то в фейсбуке попался пафосно-гневный комментарий уважаемого священника, который заявил, что крещение само по себе бесплатно, а пожертвование идет на храм, и, мол, самому священнику остается лишь небольшая часть.

И так говорят священники почти поголовно, и не осознают, насколько лицемерно, мерзко это звучит.

Бесплатно, но за «пожертвование». И пожертвование «свободно», но есть минимальный уровень. И если у вас нет денег, то вот приходите в особый день, как в вышеприведенной цитате, и так и быть, мы разок, ради рекламы, покрестим вас бесплатно (а потом об этом новость напишем, как об экстраординарном событии, плюсики нам в карму и в отчет). Ну, а если денег нет, то вы «можете написать заявление настоятелю». А можете еще на карачках перед ним поползать и туфли облобызать.

Это все подлость. Самая чистая, беспримесная ложь и лицемерие. Если бесплатно — то бесплатно. Если говорите пафосные слова о «рождении свыше, рождении Духом», то при чем тут деньги? Если же вам нужны деньги, то не прикрывайтесь высокими словесами — люди понимают, что за услуги надо платить, но тогда и услуги надо качественно исполнять по заказу клиента. Но вы же делаете так (перефразируя неприличную поговорку), чтобы и ягодку съесть, и на репей не сесть. А потом еще и людей упрекаете за то, что они в церкви хотят товарно-денежных отношений и не интересуются возвышенным. Да это вы и только вы их к этому приучили.

Или начинают пафосно рассуждать про то, что своих постоянных прихожан поп крестит и так бесплатно (ага, только прихожане и так деньги регулярно приносят), а вот с «внешних» захожан можно и содрать. Протоиерей Дмитрий Смирнов по крайней мере честно об этом как-то сказал (не дословная цитата): «Ну, с этих хотя бы денег взять — хоть какая-то польза». Уже за это его можно уважать — он хоть груб, но честен, а дальше вы уж сами определяйтесь, иметь ли с ним дела или нет.

А вот остальные прикрываются «духовкой», но всеми фибрами души или, в терминологии патриарха Кирилла, «фонетическими интонациями», намекают, что без денег тут никуда, блеют про храм, который нужно содержать. Но при этом на проповеди обязательно скажут, что церковь — это «не стены, это люди».

(Предупреждая вопросы в стиле «а чо это ты такой дерзкий, сам-то как крестил?» — ответу: бесплатно. Так прямо и говорил: «Крещение ничего не стоит. Совсем». Как и соборование, исповедь-причастие, венчание. И никаких намеков про «пожертвование». Конечно, чаще всего люди самостоятельно что-то жертвовали, кидали в кружку, приученные, что ничего бесплатного в мире не бывает, порой и не жертвовали, но моя совесть была чиста в этом вопросе. А порой и бывало, что люди, выбирая между крещением бесплатно в нашем храме, но с беседами, и крещением за деньги, но без разговоров, в другом храме, предпочитали второй вариант, но это уже другая тема.)

И это только один пример, касающийся «пожертвований» за крещение, а сколько еще таких ежедневных примеров в приходской или общецерковной жизни, когда иерархи и священники жонглируют понятиями с амвонов, страниц СМИ или в своих книгах, будучи твердо уверенными, что народ состоит из идиотов, которые все скушают.

1917 год ничему не научил Русскую Церковь. Не безбожники разорили церкви и уничтожили веру в людях, не коммунисты — сами попы ее год за годом, десятилетие за десятилетием вытравливали веру своим лицемерием, двойными стандартами. Сейчас все вернулось на круги своя.

Мне вот только, по старой въевшейся корпоративной привычке, жаль тех честных и хороших отцов, которые ни в чем подобном не виноваты. Которые трудятся, любят людей и стараются жить не по лжи, которых самих воротит от всей этой фальшивой позолоты на вонючем деревенском сортире. Но когда придет время крушения идолов лицемерия, то вновь, как и сто лет назад, уже не будут разбираться — честный ты был или лицемерный, богатый или бедный, добрый или злой. Раз поп — значит мироед, мироедов — в расход.

Беда наших, даже хороших отцов, часто в том, что они слишком привыкли жить в своем уютном мирке храмового богослужения, быть окруженными

клубами ладана и лицами послушных старушек, а сигналы внешнего мира ими воспринимаются как нелепые вопли и угрозы каких-то там безбожников, воспитанных «западным обществом потребления», а вот если среди них провести духовную работу, привести их в храм, научить исповедоваться и причащаться, то они, мол, все поймут и начнут любить попов-батюшек и церковь-матушку. Да и пожертвования — вещь нужная.

Нет, отцы, поздно уже. Процесс пошел, и скоро не только внешние, но и покорные прихожане, или хотя бы часть из них, протрут глаза и посмотрят на все внимательно, почесав в затылке. И результаты вам очень не понравятся. Но будет уже поздно.

Алексей Плужников

СКАНДАЛ В ВАЛУЙСКОЙ ЕПАРХИИ КАК... ПРОЗА ЕПАРХИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Некоторое время назад (текст опубликован 19 апреля 2018 г.) в сети появилась аудиозапись разговора между секретарем Валуйской и Алексеевской епархии священником Вадимом Лебедевым и протоиереем Игорем Рыбалкиным.

На этой записи секретарь правящего архиерея, епископа Саввы, в резкой и даже оскорбительной форме упрекает настоятеля прихода, протоиерея Игоря, за то, что тот «недодал» причитающуюся сумму «благодарности», скостив шесть тысяч рублей, чем «оскорбил» якобы и иподьяконов, и самого секретаря, который «никогда такого не видел», а владыку поступок настоятеля довел до «гнева». На резонный вопрос отца Игоря, как ему жить, если денег нет, секретарь ответил, что это его проблемы и если он их не решит и не «загладит вину», то может тогда «писать прошение». «Все находят, вы сэкономили — скупой платит дважды, значит, будем приезжать чаще», — пригрозил секретарь.

После того, как запись оказалась в сети и стала широко известной, все стали ждать, какая реакция последует из епархии.

Протодьякон Андрей Кураев 17 апреля сообщил, что секретаря, священника Вадима Лебедева, все-таки сняли с должности.

А 18 апреля в фейсбуке известного священника-миссионера Георгия Максимова появилась информация с «решением вопроса» по поводу самого злосчастного настоятеля, который посмел обнародовать запись рэкета:

«Говорил сейчас с отцом Игорем Рыбалкиным, тем сельским священником, с которым столь примечательно разговаривал епархиальный секретарь по поводу «конвертов». Сегодня отца Игоря вызывали на епархиальный совет для разбирательства из-за того, что он посмел сделать ту аудиозапись. Наказали. Епископ Савва приказал отцу Игорю служить в кафедральном соборе г. Валуйки каждый будний день утром и вечером. А в субботу-воскресенье у себя в селе. Вроде бы как не выглядит плохо. Но что это означает на практике? То, что отцу Игорю каждый будний день утром надо ехать из своего дома за 75 километров в город, где весь день быть в соборе (служить утром и вечером, а днем требы), а поздно вечером ехать обратно по плохим дорогам 75 км. При этом матушка о. Игоря сейчас в больнице. А у него трое детей. С детьми кроме него реально некому сидеть. О. Игорь просил владыку не накладывать на него сейчас такого послушания, ради детей. Редкий случай — все отцы из епархиального совета были на стороне о. Игоря, высказывались за него, но вл. Савва это все отменил, сказал: «что поделать, у всех дети» и оставил свой приказ в силе».

В комментариях под этой записью протоиерей Дмитрий Готовкин, пресс-секретарь Валуйской епархии, внес коррективы:

«1) Прот. Игоря Рыбалкина никто не наказывал, тем более, посредством назначения его клириком в собор. В соборе действительно нехватка клириков, да и вообще в епархии, потому владыка, учитывая финансовое положение о. Игоря, взял его к себе клириком из реально благих побуждений. О. Игорь Рыбалкин сам неверно истолковал этот шаг, и преподносит информацию в таком виде.

2) Насчет километража. Рыбалкин и так не живет на своем приходе, и на богослужения ездит каждый раз, и его это не смущает. Ездить же в собор каждый день по 75 км нет нужды, при соборе есть жилье со всеми условиями, и он там будет проживать на время несения богослужебной чреды.

3) *О. Игорь изначально избрал неверную стратегию защиты. На епарх.совете он заявил, что к записи не имеет никакого отношения, и что не знает, кто ее сделал. А это откровенная ложь, в которую мог бы поверить только полный дурак, ибо если исходить из полной версии записи, а не из той, что тиражируется в СМИ, абсолютно понятно, что запись он делал сам. А в распространении записи в интернете о. Игоря вообще никто не обвинял.*

Пишу все это не для того, чтобы в чем-то обвинить прот. Игоря Рыбалкина, и не для того, чтобы кого-либо обелить — архиерея нашего, и уж тем более иерея Вадима Лебедева. Поступок Лебедева действительно гадкий, это даже не подлежит обсуждению. Но информация не должна быть однобокой, и тем более лживой.

Прот. Игоря Рыбалкина не наказывали вообще».

В комментариях развилась бурная дискуссия, например, пришел протоиерей Алексей Чаплин, который высказал свою позицию:

«Все же не могу не высказать своего недоумения. Если о. Игорь через публикацию этой записи решил искать правды в нецерковном мире, потому что правды в Церкви не найти, то как он будет дальше служить священником и проповедовать людям, чтобы они в Церковь ходили? Зачем туда ходить? Ведь там правды даже священник не может найти. Если общество не знающее Бога справедливее Церкви Христовой, то зачем нужна эта Церковь? Неужели Бог не в силах без посторонней помощи покарать недостойных и защитить невинных? Настоящий верующий все свое упование возлагает на Бога и терпит по заповеди «в терпении стяжите души ваша». Вот как о. Игорь будет паству учить терпению, когда мало того не смог потерпеть — укоризны секретаря? Неужели Господь не избавил бы его «от врага сильного и ненавидящего его»? Конечно бы избавил! Но о. Игорь не поверил Богу, и решил правды искать не в Церкви, а на стороне».

Это тот самый Чаплин №2, который полтора года назад в одной из статей прославился одой, воспевающей рабство: *«Главная проблема современного Православия и, собственно говоря, России (потому что России нет без Православия) – это то, что мы разучились быть рабами. Христианство – это религия сознательного и добровольного рабства. Рабская психология –*

это не какой-то скрытый подтекст, а норма мироощущения для православного христианина».

Помимо блогеров, о скандале написали даже некоторые светские СМИ, в частности «Коммерсант».

Итак, что мы видим? Какой-то из ряда вон выходящий скандал, редчайшее происшествие с участием очень нехороших товарищей? Столкнулись со случаем, когда «пора принимать меры»?

Да нет, друзья. Мы столкнулись с самым рядовым, банальным и далеко не самым ужасным случаем из ежедневной рутины епархиальной жизни РПЦ. Единственная разница тут лишь в том, что запись попала в сеть.

Всем опытным в епархиальной жизни давно известно, что нет большей святости, чем конвертик с благодарностью за посещение архиереем и его свитой прихода. Все остальное прощается, но, как вопил на меня мой благочинный, требуя с меня деньги на подарок архиерею, когда меня только-только назначили на свой собственный приход, гнилой вагончик: «Мне плевать, где ты возьмешь! Займи, найди, хоть сдохни, но сдай! И не смей никогда даже мысли допускать не сдать на архиерея!!»

Насчет снятий виновных с должностей — я уже рассказывал похожую историю в своей книге «Где-то в Тьматараканской епархии», но повторю ее: у нас, в Волгоградской епархии, в начале двухтысячных была история с ушлым священником, который служил на окраине города кладбищенским настоятелем. Храм у него был хороший, и сам он был жутко деловой. Например, он придумал взять в аренду участки земли и устроить там «православное кладбище», незаконно хороня там людей. Этим он перешел дорогу погребальному бизнесу, который держал там все кладбища в своих руках. Поднялся шум в прессе, начались суды, участки отобрали, покойников велели перезахоранивать. На митрополита надавили, и он был вынужден снять этого священника с настоятельства в кладбищенском храме и с должности секретаря епархии. Только потому, что поднялся такой шум.

Итог? Этого священника перевели настоятелем в центр города, в один из лучших новопостроенных храмов, с крутыми спонсорами. Побыв там несколько лет в «тишине», тот священник получил в настоятельство

кафедральный собор, и вновь стал правой рукой митрополита, и, как говорят в епархии, теперь рулит епархией сам при престарелом архиерее.

Вот и все. И в данной истории будет примерно так. Раз поднялся шум, то секретаря снимут (сняли), с настоятелем «разберутся»: дав ему возможность «зарабатывать» в соборе, правда, не учитывая всех жизненных обстоятельств, а потом очень вероятно, что выдавят за штат строптивца.

И только один человек никак не пострадает — архиерей. Тот самый, который был в «гневе», но которому даже строптивный настоятель не посмел «недодать», а сэкономил лишь на секретаре и иподьяконах.

Вот так выглядит суть всей епархиально-приходской жизни РПЦ: есть неприкосновенные князья, архиереи, которым можно все, которые из любой ситуации выйдут сухими, а пострадают всегда нижестоящие. Но система не пошатнется, потому что и епископы знают правила: вовремя отстегивай наверх, не выступай публично против патриарха (и вообще не выступай слишком громко) — и будешь в полной безопасности.

Да, можно бороться со всякими безобразиями в церкви путем огласки — и это очень важно, — но сколько ни пытаться наводить косметический ремонт и подкрашивать сгнившие перила, подоконники и плинтусы здания — ничего существенно не изменится, потому что фундамент недоступен для починки. Любая проблема в РПЦ упирается в епископат, а он неподсуден, несменяем снизу, и голос народа, того самого церковного народа, к которому после раздела епархий епископ стал так «близок», для него не существует.

Говорят: «каков поп — таков приход». Следовательно, каков епископ — такова и жизнь в епархии, таковы у него и попы. Каков патриарх — такова у него и РПЦ.

Что с этим делать? Как обычно — каждый решает сам. Патриарх и епископы, например, отлично знают и умеют решать свои проблемы. Священники и миряне же принимают решения в одиночку, обычно без поддержки своих «братьев и сестер» по вере. И это — самое грустное в церковной жизни российского православия.

Алексей Плужников

ТОРЖЕСТВО КОНСИСТОРИИ, ИЛИ КАК Я ПОБЫЛ ПРОРОКОМ

Просматривал свой старый жж (para_rimsky2003, уже закрытый), наткнулся на пророческую запись от 31 декабря 2009 года. Патриарх Кирилл правил на тот момент уже 11 месяцев. Я на тот момент прослужил 6 лет.

Самоцитата: «Я не хочу, чтобы кто подумал, что я негативно настроен к нынешнему Предстоятелю. Да, он — лидер, харизматический вождь, умница, миссионер и еще много полезных качеств. Но... Одна хорошая женщина, хоть и светская, но с чуткой душой, сказала мне так (и я согласен во многом): «Патриарх Алексей был как отец, а Кирилл... Начальник он». Хороший начальник, но за год я увидел лишь резкое, катастрофически резкое увеличение бюрократии, отчетности, циркулярности, приказности. Стали «шерстить» по всем направлениям: а почему нет духовного образования, а почему тебе крест наградной выдали раньше срока, а почему... Дошло до абсурда: у нас весной выдавали камилавки тем отцам, которые проносили их благополучно уже по несколько лет...

Консistorия. Вот что грядет. Входящие-исходящие, доклад-отчет, фото-видео-рапорт-миссия. Да, миссия становится придатком карьеризма и бюрократии. Время покажет — ошибаюсь ли я».

Прошло с тех пор восемь с половиной лет. Время не только показало, что консistorия заменила собой христианскую жизнь, но и полностью выбило из меня (да и не только из меня, из многих) какие-то надежды на патриарха-«миссионера». Нет, он не «умница», не «харизматический вождь» — он именно начальник, причем в худшем смысле этого термина, такой восточный «ага» — деспот с плеткой и жестким окриком, держащий лежащих ниц рабов в трепете и страхе. И его, как деспота, в реальности никакая миссия и не интересовала, а интересовал и интересуется только бесконечный, все возрастающий сбор дани (о чем мы уже неоднократно писали). Под пение мантр про «миссию», конечно. Все ж у нас не Золотая Орда какая-то, во времена СМИ и интернета надо ведь соблюдать приличную морду лица, а не просто тупо грабить.

Весной 2014 года я написал в жж:

«Да, как и обещали наверху: с разделением епархий архиереи стали ближе к народу. Так, когда у нас в области появился второй архиерей, то взнос мне повысили в пять раз. Теперь, когда появился недавно третий, в два раза увеличили квоту закупки товара на епархиальном складе».

Отцы подтвердят, что процесс увеличения суммы взносов все продолжается, а доходы храмов падают: в стране кризис, спонсоры сворачивают свои благотворительные программы, простым прихожанам все труднее выживать самим. Правда, умелые отцы даже во времена кризиса себя не обижают: дома строятся, внедорожники меняются на лучшие. Ну, а на приходе все больше развивается принцип «во славу Божию», то есть работайте, пойте, мойте бесплатно. Тем более, есть причина: кризис и повышение взносов.

И самое главное в правлении Кирилла то, что он создал такую систему, в которой нет надежды на изменения к лучшему, даже если он внезапно завтра соберется на покой (чего, конечно, не будет, но чисто теоретически), ну, или на вечный покой (дай Бог ему здоровья). Кто бы ни пришел вместо него — Тихон Второй (Шевкунов) или Иларион Первый (Алфеев), или вдруг «темная лошадка» выскочит из недр синодальных путем интриг и компромиссов — ничего не изменится. Финансовая труба настроена, монополизация установлена, личности больше не имеют значения, система входящих-исходящих циркуляров барражирует по кругу, охраняя патриархийную систему от всего живого и нестандартного. Так что ничего сверху не изменится, никакой гипотетический «Павел Сербский» в штопанном подряснике и передвигающийся на трамвае не появится — такой типаж просто не будет допущен на патриаршую кафедру. Да и где вы видели таких кандидатов?

Так что вновь можно повторить: никакой революции в РПЦ ждать не приходится, по крайней мере, в ближайшие десятилетия. Священники и миряне нынче могут только персонально решать, что лично им делать, куда двигаться и кому служить. А система будет катиться себе и дальше, подминая под себя все ростки и цветы, укатывая все в православие цемента.

Алексей Плужников

ВЕРТИКАЛЬ ВЛАСТИ В РПЦ

Как показывает опыт, даже профессиональные журналисты крупных СМИ имеют крайне смутное представление о внутреннем устройстве жизни Русской Православной Церкви, часто путаются в самых простых понятиях. Как в известном анекдоте: «Вышел дьякон, размахивая паникадиллом...»

Давайте устроим маленький ликбез на тему «Структура РПЦ». Возьмем только РПЦ на территории России (потому что она есть еще и в других странах, но сейчас не будем уклоняться в сторону).

Ну, всем известно, что во главе РПЦ стоит Патриарх. Точнее, является ее предстоятелем. Часто ошибочно говорят: «патриарх — глава Церкви». Глава Церкви — Христос, а патриарх — глава организации под названием РПЦ (МП). (МП — Московский Патриархат — второе официальное название РПЦ. А Московская патриархия — это уже название высшего церковного чиновничьего аппарата во главе с патриархом.) Многие Патриарха воспринимают как церковного Президента с неограниченными полномочиями (и нынешний патриарх Кирилл (Гундяев) так и пытается себя вести), но в теории Патриарх — это первый среди равных епископов, он сам — епископ Москвы, а прочие епископы вполне самостоятельны в своих епархиях. Опять-таки теоретически «Патриарх Московский и всея Руси ... подотчетен Поместному и Архиерейскому Соборам» (Устав РПЦ, Гл. IV, 2).

РПЦ состоит из епархий. Во времена патриаршества Алексия II (Ридигера) епархия обычно совпадала в границах с областью. Архиерей (епископ, архиепископ или митрополит — эти ранги отличаются лишь степенью чести, но в принципе есть только один сан (чин) — епископ) сидел в областном центре, будучи на церковном уровне вроде губернатора.

Нынешний патриарх Кирилл пошел по пути дробления епархий: с каждым годом количество их увеличивается. Архиерей областного центра получает звание митрополита и становится первым по чести среди мелкопоместных епископов этой области (но не их начальником).

Иногда в епархии может быть два епископа: один главный, правящий, а другой — викарный, что-то вроде замдиректора, помощника, действующего от лица своего начальника. Обычно викарного епископа дают в помощь в большой епархии или престарелому архиерею, который уже не справляется со своими обязанностями.

Кстати, по правилам, каждый архиерей по достижении 75-тилетнего возраста обязан написать прошение «на покой», но часто он остается на своей кафедре (продолжает управлять епархией) до самой смерти.

При каждом архиерее есть епархиальное управление — бухгалтерия, епархиальный склад, разные отделы — учебный, молодежный,

миссионерский, социальный, по взаимодействию с военными, полицией, казачеством и т.п. Бывают разные комиссии, например, по подготовке канонизации местных святых. Часто при епархии есть духовное училище или семинария.

Архиерей регулярно собирает епархиальный совет. В этот совет входят маститые священники — благочинные и руководители епархиальных отделов. Они обсуждают разные текущие вопросы, разрабатывают внутренние инструкции, вызывают провинившихся священников «на ковер» и проч. Но все решения в епархии принимает только архиерей. Правда, в тех епархиях, где архиерей известен слабой волей или слабым здоровьем головы, реальные решения часто принимают те священники или просто прихлебатели-«помощники», которые имеют на него влияние, а епископ только подмахивает документы. Таких влиятельных священников в поповской среде называют «олигархами».

Пару-тройку раз в год (в некоторых епархиях — только один раз) созывается епархиальное собрание. На нем — теоретически — должны бы присутствовать (вместе с духовенством и монашеством) и миряне, чтобы решать общепархиальные вопросы. Но в реальной практике епособрание — это вроде съезда обкома КПСС — напыщенные речи архиерея про «углубить и расширить», доклады руководителей отделов о том, что «правсомол всегда готов, а партия — тем паче», переключки присутствующих, которая может занимать часа два, зачитывание циркуляров из патриархии (об очередном сборе денег), которые все равно потом скинут на электронную почту. В общем, несколько часов формальностей, которые никому не нужны.

В епархии, как и в патриархии, есть церковный суд, состоящий из избранных священников (общецерковный суд — из епископов). На этом суде рассматривают дела провинившихся священников, решается вопрос об их наказании — запрещении в служении или лишении сана. Разумеется, никогда священник не выигрывает суд против своего архиерея в епархиальном суде — хотя бывали редкие случаи, когда общецерковный суд рассматривал апелляцию священника и отменял несправедливые решения (прещения, то есть наказания в виде запретов) епархиального архиерея. Правда, после «победы» священнику все равно придется покинуть епархию, потому что житья ему там уже не будет.

Благочинные — это священники, которые несут функции бригадира или прораба на вверенном им участке. Например, крупный город делится на несколько условных районов (область так же делится на такие «провинциальные» районы), и назначается священник, надзирающий над остальными. Благочинный тоже время от времени собирает настоятелей приходов на бессмысленные собрания благочиния, где занимаются тратой времени на пустые бумажки. Главная же функция благочинного — быть глазами и ушами архиерея, выбивать из своих подчиненных священников епархиальные взносы и отчеты.

Между собой рядовые настоятели приходов порой называют своих благочинных — «злочинными» или «бесчинными», потому что в руках благочинного обычно находится судьба любого священника — он может оклеветать того перед архиереем, предложить снять или перевести по надуманному поводу, например, чтобы освободить богатый хороший приход для себя или своего родственника в сане. Чаще всего архиерей прислушивается к благочинному, а мнение рядового настоятеля и его протесты просто никого не интересуют.

Следующий уровень — настоятели приходов. Надо сразу учесть, что приход и храм — это не одно и то же. Приход — это юридическая единица в епархии, существующая в первую очередь на бумаге и в органах юстиции. Сейчас это называется МРОП — Местная религиозная организация приход храма такого-то. То есть на бумаге и в отчетах приход может быть, а храма еще нет, даже земельного участка под храм может еще не быть. Приход начинается с того, что десять человек (любых, хоть прихожан другого прихода) собираются на учредительное собрание, они могут зарегистрировать приход на домашний адрес одного из учредителей, а потом уже начинается процесс оформления земли, строительства храма и т.п.

Но вот храм есть, и у прихода есть настоятель — священник, который всем руководит: и людьми, и хозяйством. Он может быть один в храме, но могут у него быть подчиненные священники — обычные клирики (то есть члены клира, духовенства). Настоятель в своих руках держит всю полноту власти, все финансы, он общается с благочинным и архиереем, а рядовые священники — служат, исполняют требы и прочие рутинные священнические обязанности. Разумеется, доход настоятеля обычно не сравним с зарплатами рядовых клириков, ну, впрочем, как и в любой светской фирме.

Так происходит в реальности, хотя (часто приходится повторять это слово) — теоретически — управлять приходской жизнью должно приходское собрание из всех активных взрослых членов прихода, на котором должны решаться все вопросы, начиная от стройки, ремонта, заканчивая зарплатами клириков и настоятеля (тут три раза ха-ха). Еще на приходе есть фиктивные органы — ревизионная комиссия и приходской совет, но... см. выше по поводу «теоретически».

Практически же — и это одна из основных проблем РПЦ в последние 30 лет — миряне, прихожане в церкви ничего не решают — ни на своем родном приходе, ни в масштабах всей РПЦ. По последним двум Уставам РПЦ (1988 и 2000 гг.) абсолютной властью в епархии и на приходах обладает только архиерей. Он может все: снять в любой момент без объяснения причин настоятеля, разогнать приходскую общину, если она выступает против несправедливых решений епископа. В случае конфликта закон всегда будет на стороне архиерея, все имущество прихода до последнего гвоздя принадлежит ему (епархии), поэтому приход не сможет «отложиться» от своего архиерея вместе со своим храмом — придется уйти, оставив все то, что, возможно, построено руками прихожан и на их деньги.

Это схема во многом объясняет жизнь нынешней РПЦ. Система построена таким образом, что любые реформы снизу невозможны, потому что голос мирян и простых священников ничего не значит ни в моральном, ни в юридическом смысле, а все «реформы» сверху направлены только на укрепление власти верхушки руководства РПЦ, его абсолютизма.

Впрочем, тут патриархия идет рука об руку с нашим дорогим государством.

Опубликовано в газете «Московский комсомолец» №27707 от 18 июня 2018

Алексей Плужников

РЕФОРМИРУЕМ РПЦ: ОДНА ОБЩИНА — ОДИН ЕПИСКОП

Время от времени читатели «Ахиллы» задают нам такой вопрос: ну ладно, вот вы все критикуете, уже все понятно, что все плохо и РПЦ прогнила — дальше-то что? Конструктивное предлагать будете или только в сотый раз про дерьмо?

Я не буду сейчас вдаваться в тему почему время конструктива просто еще не пришло, мало того — даже время критики еще реально не пришло, потому что сидеть в интернете и жить в реале — две большие разницы. В интернете кажется, что РПЦ критикуют со всех сторон, из нее массово уходят попы и миряне, а вообще завтра она развалится. А в реале — 95% (в смысле — подавляющее большинство) прихожан продолжают также смиренно и без особых размышлений ходить в храмы, ставить свечи, заказывать требы, «вести православно-христианский образ жизни»; попы продолжают махать кадиллом и зарабатывать — кто на новую машину, кто на дом, кто просто на пропитание, а все еще — на взнос в епархию; епископы — ну, у тех вообще все хорошо всегда: храмы строятся, количество приходов и денег увеличивается, несмотря на разделы епархий, панагий — целые коробки, а завтра — новая поездка на очередной престольный праздник, а значит — новый пухлый конвертик в ручку. В общем, в реале ничего не разваливается и не критикуется, это только махонькая кучка маргиналов в интернете пыхтит. И их мнение, пыхтелок этих, вообще никого из тех, кто имеет возможность заниматься «конструктивом», не волнует.

Но раз уж читатели пристают с таким вопросом к нам, то давайте пофантазируем на тему «конструктивных» реформ. Насколько это всерьез — как обычно, решать читателю.

Мы на «Ахилле» регулярно публикуем отрывки из книги «Описание сельского духовенства» священника середины XIX века Иоанна Белюстина. Автор, помимо критики, которой у него в тексте по максимуму (прямо как и в нашем проекте), предлагает порой и пути решения многих проблем тогдашней церковной жизни, так, как это видится лично ему. Например, в последнем отрывке он предлагает практически полностью упразднить чин дьяконов, как бесполезный для православия, максимум — оставить чуток в соборах и больших монастырях — для красоты службы.

Некоторые современные критики, возмущаясь тем, что происходит в РПЦ в последние годы, предлагают упразднить епископат как таковой, мол, от этих жадных и властолюбивых деспотов одно зло, надо жить без них, только священникам с мирянами, самим по себе.

Кто-то идет дальше, и предлагает вообще обходиться «мирянской литургией», то есть новый вариант беспоповства.

Я же предложу такую «реформу»: упразднить и чин дьяконов, и чин священства — абсолютно, без исключений. Оставить только такой вариант: одна община — один епископ.

Поясню. В гипотетической РПЦ, нафантазированной нами, полностью отменяется всякое высшее руководство: никакого патриарха, синода, никакой патриархии, никаких структур, «Софрино», СИНФО и прочей мишуры. Ноль, корова языком слизала. Из иерархии остаются только равные во всем друг другу епископы, которые — и это абсолютно важное и непререкаемое условие — появляются на свет единственным путем: когда собирается христианская община и из своей среды выдвигает подходящего кандидата. Тогда епископы соседних общин (достаточно тех близлежащих, из того же города или сельского района) собираются, рассматривают этого кандидата, экзаменуют его, договариваются с общиной и рукополагают им этого епископа. Соответственно, община имеет право не только выбирать епископа, но и изгонять его из своей среды, если он недостойн быть епископом, по их мнению, по своему поведению или грехам. Но изгнав такого, они вновь должны выбрать достойного и предоставить его на суд епископов соседних общин.

То есть каждый епископ будет настоятелем своей общины, своего прихода, своей церкви. Как епископ он будет иметь право совершать любые таинства и обряды, только отпадет за ненадобностью хиротония священников, а будет он временами участвовать в хиротонии епископов новых общин.

Каковы плюсы подобной тотальной децентрализации?

- Сохранится то, без чего православные не мыслят себе православия — преемственность епископата. Иначе такой путь сразу назовут протестантизмом.
- Отсутствие высшего руководящего звена, а также отсутствие епархий (и епархиальных структур) означает отсутствие бюрократии, необходимости содержать всех этих начальствующих, а также то, что финансы церкви становятся абсолютно прозрачны и конкретны: деньги, пожертвованные церкви, и остаются в этом храме, в этой общине, потому что никуда их перечислять не нужно, только если епископ с прихожанами не решат помочь кому-то: другому приходу или просто на благотворительность.

- Выборность епископа и возможность его смещения (смещение епископа тут означает полное прекращение его полномочий везде — он «уходит на покой», то есть или живет как мирянин в общине, или уходит в монастырь как монах, ну или сам с собой служит в каком-то затворе, но права собирать общину у него уже нет) ведет к ограничению произвола епископа. В то же время и община должна будет вести себя разумно: выгнав епископа, она рискует не найти замену, и останется без служб, без таинств, без духовного руководства, должна будет или долго ждать в «безпоповстве» или расформироваться и отдельными личностями разойтись по другим общинам.
- Каждый епископ с общиной обручаются навсегда, никакие переводы, повышения или прочее невозможны (как, теоретически, и положено). Соответственно, становятся невозможны интриги других епископов, подкупы, симония, «любимчики», «гей-лобби», тепленькое местечко или другие проблемы внутриепископской жизни. Все взаимодействие епископов — только на братской основе для рукоположения нового собрата и для братских служб или совещаний, касающихся соседних общин.
- Никаких иподиаконов, протодьяконов — никого, епископ служит как священник, максимум — пономари в храме.
- Епископ живет при храме — никаких резиденций, дворцов, особого содержания, кроме того, что назначат ему прихожане.

Конечно, тут возникнет много вопросов и недоумений. Но раз уж сейчас в РПЦ идет курс на якобы «сближение епископа с народом», когда епархии дробятся, епископов уже стало чуть ли не 400, но почему их не может быть 40 тысяч? А в реальности их будет намного меньше, потому что епископ должен быть только у реальной общины, никаких там «86% крещеных» — только те, кто реально хочет христианско-общинной жизни, как в «золотой древности»: тщательная подготовка, вхождение в общину, духовное единство в молитве и братской любви. Будет на Руси несколько десятков тысяч маленьких «поместных церквей» (а может, и несколько тысяч всего лишь, или даже сотен), взаимодействие которых будет не в дипломатии, политике и интригах, не в обсуждении автокефалии, расколов, параллельных структур, не в борьбе за власть и слияние с госаппаратом, а в любви, общем причащении и общем вероучении — и все на самом низовом, частном, почти

семейно-дружеском уровне. Да, это путь к «секте», но чем, как не сектой, были первые общины христиан?

У этой идеи есть, разумеется, и множество минусов и проблем. Например, один епископ способен управлять только небольшой общиной, а значит, при увеличении общины она должна отпочковываться, избирать нового епископа и жить своей жизнью. А если люди не хотят, а хотят по-прежнему «своего» батюшку (епископа)?

Разумеется, никаких многомиллиардных соборов и титановых куполов больше не будет — зачем они общине в 70–100 человек (а большего количества вряд ли потянет один пастырь)? Просто небольшой храмик — ровно на размер общины, на деньги общины, из которого общину не сможет выгнать никто и никогда.

Конечно, далеко не каждая община способна найти кандидата в епископы, тем более, что общины по большей части состоят из женщин. Да и вообще сам принцип выборности епископа подразумевает высокую степень не только активности, но и ответственности, и глубины духовности, и просто банального умения договариваться внутри общины, а в российском обществе с этим напряг, мягко говоря.

Далее проблема: чем больше епископов, тем больше шансов, что какая-то «церковь» может уклониться в ересь — и тут надо будет собирать мини-«вселенские» соборы, чтобы эту ересь обличить, а епископа низложить. Без единого руководства и единого центра очень трудно будет собирать епископов. Низовая демократия имеет и свои минусы — может превратиться в базар, где рулят лебедь, рак и щука. Также не исключено, что общины будут нередко выгонять своего епископа, и образуется довольно большое количество праздношатающих «плохих» епископов, которые под шумок начнут все равно собирать общины.

И прочие, и прочие проблемы. Разумеется, вернемся к самому зарождению реформы, все это становится теоретически возможным лишь при условии согласия на то имеющихся епископов: отмена патриаршества, роспуск синода и патриархии, снятие белых клобуков и — самое страшное и поэтому невозможное — самоотказ от власти, денег и всей жизни епархиального деспота. То есть путь кенозиса для епископов, самоуничтожение до низов. (Хватит ржать, мы тут всерьез реформы обсуждаем!)

Но — и вот это главное, к чему я веду. Проблема заключается не в том, какую замечательную реформу надо предложить, после которой небеса засияют, церковь очистится, а православие восторжествует. Кто-то предлагает на первое место по важности решения поставить вопрос церковных финансов, кто-то считает, что все дело в правильном лидере, и если заменить плохого Кирилла Гундяева, а поставить гипотетического Павла Сербского, то все само наладится — все поглядят на пастыря доброго, умилятся и исправятся. Или кто-то, вот как я тут, предложит что-то радикальное по переустройству церковного организма.

Но вопрос в другом: насколько все это относится к Богу? Насколько эти реформы действительно необходимы христианам для спасения души, для вечной жизни? Реформы ради правильной духовной жизни или ради банального удобства совместной жизни? Удобнее спасаться, когда удобно, или когда, как на Руси принято, повсюду страдание и терпение, которые мы сами себе готовы выдумать на ровном месте? Короче говоря: в чем именно оно — христианство? В Евангелии в целом или правильных толкованиях Евангелия, в правильных акцентах (у кого-то акцент — «не мир, но меч», у кого-то — «всякая власть от Бога», у кого-то — «да любите друг друга» и т.п.)? В правильной структуре церкви (как сказал один маститый московский протоиерей: «иерархия — это суть нашей церкви»), в Символе веры, в святых отцах и вселенских соборах с анафематизмами, в Предании, апостольском преемстве, таинствах, а может, оно в исполнении заповедей, или проще — в жизни по совести? А может, из всего этого надо миксером взбить коктейль в единственно правильных пропорциях, а кто ошибется хоть на процент — того в ад, как еретика и безбожника?

Я не знаю ответов на такие глобальные вопросы. Раньше я мог кого-то или что-то процитировать, сейчас у меня ответов нет. Мало того, я с опаской отношусь и стараюсь теперь подальше держаться от тех, кто «знает» и у кого готовая методичка в руках «по всем вопросам» с набором шаблонных цитат «святых отцов». Но я повторяю то, что постоянно повторяю, и чему посвящен наш проект «Ахилла» — отсутствие окончательных ответов еще не означает, что не нужно задавать вопросы, что не нужно искать эти ответы и предлагать пути решений. Но задавать вопросы и искать ответы нужно для начала честно, хоть и порой не слишком благочестиво, а уж дальше — как пойдет. Ибо, как говорил во святых отец наших авва Гилберт Ч. Британский: *«Если вы не будете красить белый столб, он скоро станет черным. ... Если вам*

нужен старый белый столб, постоянно создавайте новый». А когда красишь — всегда есть риск заляпаться краской.

Глава 5. ПРАВОСЛАВНОЕ ЯЗЫЧЕСТВО

Алексей Плужников

НОВЫЙ ГОД И ПРАВОСЛАВНЫЕ

Когда в доме появляется праведник — все остальные превращаются в мучеников (народная мудрость)

Быть православным в современном мегаполисе непросто: его бешеный ритм никак не способствует благочестию. Утром помолиться некогда — выскакиваешь из дома в семь утра и мчишься на работу — многие поэтому молятся в метро. Чтобы не заснуть. Вечером тоже — усталость такая, что на телевизор нет сил, не то чтоб на молитвослов.

Ходить благочестиво каждый субботний вечер и каждое воскресное утро в храм на богослужение — тоже проблема. Надо же ведь и с семьей побыть, и хозяйством заняться, и хотя бы раз в неделю выспаться.

Поститься в мире, где уже непонятно, есть ли в колбасе колбаса, и где все «идентично натуральному» — тоже непросто. Особенно, если у тебя в столовой на работе главный принцип: съесть и не отравиться.

Но есть у православных в России один скорбный день, который дается им тяжелее всего: Новый год.

День, в который счастливые язычники и веселые грешники будут петь, плясать, объедаться оливье, запеченными гусями, тортами, много пить и шуметь, бабахая фейерверками.

А у православных — пост, причем уже давно, больше месяца, да еще чем ближе к Рождеству, тем вроде как этот пост строже.

Кстати, недавно британские ученые доказали: чем глубже в пост, тем злее партизаны. В смысле, православные.

Каждый год в середине декабря православные сайты и форумы заваливаются сотнями «вопросов батюшке» от страждущих: «Как спастись на

корпоративе?! Как не согрешить посреди валтасарова пира? Куда исчезнуть в новогоднюю ночь?..»

А церковные СМИ начинают привычно публиковать адреса храмов, куда можно пойти в новогоднюю ночь на службу, укрыться, так сказать, от соблазнов мира сего.

Что же мы можем посоветовать страждущим от календарного избытка слюны и желчи православным?

В любом затруднительном деле стоит обратиться к первоисточнику. У христиан это — Евангелие. Что делал Христос в своей земной жизни? Разумеется, верным будет ответ, что Он проповедовал, исцелял, воскрешал, был предан, распят, воскрес... Но что делал Христос в обыденном, житейском плане? — Ходил по гостям. Многие страницы Евангелия рассказывают именно об этом: вот, например, Христос присутствует на браке в Кане Галилейской. Что Он делает? Превращает воду в вино для того, чтобы гости могли веселиться. Проповеди о грехе пьянства не произносит...

Он посещает (и не раз) своих друзей: Марфу и Марию с их братом Лазарем. Марфа суетится, старается накормить Его получше, а Он мягко напоминает ей, что слушать Его учение важнее, чем сладко есть, но при этом ни словом не упрекает ее за заботу о столе.

Он посещает Матфея-мытаря (налогового инспектора) и ест, и пьет с ним и его друзьями. Приходят фарисеи и начинают упрекать Его за то, что Он пирует с грешниками. В ответ звучат странные слова: «Пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы?»

Фарисеи вообще регулярно «доставали» Христа и Его учеников — апостолов. То едят, мол, грязными руками (без совершения ритуального омовения рук), то колосья срывают в субботу — в день, когда нельзя работать, даже если с голоду помираешь. Снисхождение и милосердие — не из словаря фарисеев. Зато их любимые понятия — «порядок», «правила», «обычаи», «заветы старцев», «так положено, потому что так написано» — проще говоря, мелочность и занудство.

Казалось бы, странно, но единственными людьми, которых Христос обзывал нехорошими словами («гробы повапленные», «порождения змей», «дети диавола»), были как раз фарисеи — люди внешне праведные, выполнявшие все положенные ритуалы (пост, молитва, десятина на Храм). И вдруг они

слышат от бродячего проповедника, называющего себя Божиим Сыном: сборщики налогов и пьяницы быстрее вас войдут в рай, а может быть, и вместо вас. — Какая наглость! Обидно! Тут молишься-молишься, постишься до посинения, а алкаши и карманники вперед тебя в райские кущи! Да ни в жисть!

Как все это, спросите вы, относится к празднованию Нового года? Очень просто: каждый беспокоящийся о благочестии в этот день и эту ночь может для себя определить, с кем он: со Христом, снисходительно относящимся к естественным человеческим слабостям, или с фарисеями, презирающими своих ближних за то, что те живут не так, как они сами?

Порой, с ростом благочестия верующий человек начинает почему-то стремительно терять терпимость и снисходительность к немощам других. Но вряд ли можно затолкать кого-нибудь в рай пинками. А уж тем более демонстрацией унылых постных физиономий.

В рассказе Николая Лескова «На краю света» есть такие слова о язычниках, живущих по совести: «Они держатся за полу Христа, еще не зная Его». Сегодня вместо язычников можно подставить любых других людей, так же живущих по совести, хоть и празднующих при этом веселый праздник посреди православного поста (напомним, что не только католики и протестанты, но и многие православные Церкви мира празднуют Рождество 25 декабря — и тут верующим РПЦ опять не повезло).

Но давайте все-таки вернемся к практическим рекомендациям: как православному провести новогоднюю ночь или корпоратив в обществе нецерковных ближних.

Если от корпоратива невозможно незаметно уклониться, то настоящим подвигом будет одно только соблюдение умеренности. Если ты смог не напиться до «положения риз» — ты уже если и не праведник, то почти герой.

Дома у тебя неправославные ближние? Обложили все выходы тазиками салатов и селедкой в искушающей шубе? Торчат в бойницах бутылки с шампанским? А ты хочешь, как партизан, прорваться с боем на ночную литургию? Спроси себя тогда: что тебе дороже — «подвиги» или семья? Молитва или мир? Если подвиги и молитва, то надо было давно уйти в монастырь, чтобы не соблазняться любовью к ближним...

Есть древние простые правила, которые могут помочь оставаться нормальным (человечным) христианином в таких ситуациях:

Лучше мясо есть, чем ближних;

Не в пище Бог, а в правде.

Если эти максимы применить в своей жизни, то и тусклость постных лиц, глядишь, прояснится. Божьим светом.

Алексей Плужников

НЕОТПЕТОЕ ЯЗЫЧЕСТВО

В Запорожье (Украина) под Новый год 2017-2018 самоубийца выпрыгнул из окна, и по трагическому стечению обстоятельств упал на мужчину, который гулял со своим двухлетним ребенком. В результате погиб не только самоубийца, но и ребенок.

Неожиданно возник скандал из-за того, что родители ребенка через ритуальную контору (это важно) хотели отпеть ребенка, но священник отказался отпевать «некрещеного» ребенка, потому что тот крещен был в Киевском патриархате, а священник — Московского патриархата. Еще в одной церкви УПЦ МП тоже отказались отпевать и выставили всех из храма (согласно информации СМИ), и наконец священник Киевского патриархата приехал и совершил отпевание.

Запорожский митрополит Лука (УПЦ МП) поддержал решение священников, подтвердив, что все таинства Киевского патриархата незаконны, потому как КП — самозванная церковь.

В итоге вновь вспыхнула вражда к МП (это естественно), доходило до того, что предлагали к храмам МП нести «куколок», мол, пусть умоются, гады.

Комментаторы «Ахиллы» — миряне, священнослужители, те, кто живет в Украине, и те, кто живет в других странах, те, кто из УПЦ МП, и те, кто из других конфессий, — совершенно здраво рассуждают, что скандал — во многом проблема политического противостояния МП и КП в Украине, что таинство крещения, даже совершенное мирянином или инославным, но во имя Святой Троицы, законно, что у нас отпевали и инославных. Верно ругают РПЦ/УПЦ МП за их халатное отношение к людям.

Все верно. Но я о другом хочу сказать.

Зачем вообще нужно отпевание младенца? Согласно христианскому мировоззрению, младенцы безгрешны, они и так попадут в рай. Есть мракобесные товарищи, которые считают, что умершие некрещеные или абортированные младенцы попадают в ад, но это крайняя степень богословского безумия и жестокости.

А уж крещеный младенец так без вопросов — прямым в рай. Ему не нужна молитва о прощении грехов, в чем, напомним, и состоит смысл отпевания (чин погребения) взрослого христианина. Тогда зачем? — Правильно, для утешения родителей и близких. Мне доводилось служить такое грустное отпевание, с гробиком в полметра, и в присутствии только скорбящего отца и бабушки, потому что мать еще была в роддоме... Отпевание — вернее это было бы назвать «утешительной» службой — было для этих взрослых людей. Чтобы обнадежить их, напомнить о жизни вечной, о том, что младенец уже рядом с Богом веселится, а им еще надо постараться, чтобы туда попасть на встречу. Если они, конечно, христиане, и их интересует Бог и встреча с Ним.

О чем же нам говорят скандалы в СМИ? О том, что нигде не видно христиан. Ни в родителях, которым без разницы, какая церковь — их, которым важно, чтобы было сделано «все, что положено, потому что так делалось всегда, и что люди скажут» (я не про семью конкретного погибшего младенца, а вообще — это типичная ситуация). Ни в ритуальщиках, разумеется, для которых это тупо бизнес. Ни в попах, для которых это легкая подработка — 15 минут помахал кадилом, деньги в карман — следующий.

Или, может быть, христиане — те, кто предлагает «куколок» подбрасывать? Они точно христианство с вуду не перепутали?..

Всю историю существования христианства на территории и Украины, и России, начиная с 988 года, в нашем обществе отношение к Церкви и вообще к религии, к вере основано на языческом потребительстве. Как служила Церковь в качестве бюро ритуальных услуг столетиями — так все это и остается. И попы уже реально стали придатком ритуальных услуг, потому что ритуальщики щелчком пальцев вызывают их по нужде отпевать в моргах.

Все виноваты в этой ситуации — абсолютно все. Не Церковь плохая, или попы равнодушные — все такие, и общество такое же равнодушное и нехристианское.

Были бы родители христианами — знали бы, к кому обратиться, знали бы о посмертной судьбе младенца, не было бы причин умолять попа или бить ему физиономию.

Был бы поп христианином — он бы не за кадило хватался или за каноны, а старался бы утешить пришедшего в горе, приласкать, объяснить и помолиться вместе, невзирая на каноничность, конфессию или даже на наличие веры.

Было бы общество христианское — не было бы этих воплей ненависти. Это не сострадание — это ненависть, которая нашла себе очередной повод. Это возмущение продавцом духовного товара, который посмел не обслужить клиента за его деньги.

Поэтому некого винить, что язычество изначально спряталось под вывеской «православие», а само христианство уже много веков как выкинули на помойку за ненадобностью. Вернее, можно винить только самих себя.

Алексей Плужников

ПРАВОСЛАВНАЯ ЗЕМЕЛЬКА ПРОТИВ ХРИСТА-БАПТИСТА

Как получить «особую защиту» на кладбище

Тут накануне Радоницы на моей страничке в фейсбуке случайно зашел разговор о суевериях вокруг погребальной земельки. Оказалось, что до сих пор некоторые не знают смысл «танцев» вокруг этой земельки, а другие даже не подозревают, что эти суеверия — не какой-то локальный народный обычай, а вполне себе проза православной жизни на всем постсоветском пространстве.

И хоть прошло уже почти тридцать лет «духовного возрождения», но в СМИ по-прежнему о церковных праздниках и традициях пишут как о внеземных цивилизациях и о жизни динозавров в подземных пустотах — не понимая сути, сваливая в кучу несвязанные куски информации, надерганные с церковных, оккультных, иных доморощенных сайтов или просто с других СМИ, где публикуют такую же кашу.

Вот, полез я в информационную ленту посмотреть, что пишут СМИ о Радонице. В большинстве изданий это банальности о том, что Радоница —

важный праздник, который совершается на девятый день после Пасхи и происходит от слова «радость»; о том, что в этот день и оплакивать усопших особо нельзя, но и радоваться слишком тоже не положено — все ж это кладбище, не цирк какой; что «церковь рекомендует» (уже прогресс, раньше и этого не писали) не оставлять еду на могилках, не пить, не курить и «обильно не есть» на кладбище (видимо, слегка закусить можно). Также СМИ солидно советуют правильный образ действий благочестиво-культурного человека на кладбище: мол, сначала надо зажечь свечу, прочесть молитву, подумать об усопшем что-нибудь хорошее, потом можно убрать могилку, и, мол, церковь настоятельно рекомендует «уделить внимание» кресту: подкрасить его и подправить. А то вдруг народ сам, без СМИ и без церкви, не догадается, что ему подправить на могилке.

Но помимо банальностей чуть ли не каждое СМИ обязательно поделится перлами «народных обычаев», которые соседствуют рядом с церковными советами «чего нельзя». Кстати, заметьте: народные обычаи чаще говорят о том, что следует сделать, а церковные (по понятиям СМИ) — чего делать не стоит. То есть исходящее от церкви воспринимается как система запретов и наказаний, а народные обычаи — как нечто освобождающее. Что ж, некоторая доля правды в этом есть, особенно в первом пункте...

Например, на одном сайте я узнал новый для себя обычай: якобы *«тот человек, который первый придет на кладбище в этот день, получит особую защиту от умерших людей, а родившийся в этот день ребенок унаследует качества поминаемого родственника...»* Правда, я не понял: пришедший получит особую защиту как способность противостоять умершим, типа станет воином-антизомбяторм, или умершие дадут ему некую защиту, от кого вот только? Роженицам надо тоже быть крайне осторожными, рассчитывать время родов и связь с тем покойником, чью наследственность хотят передать младенцу...

А в другом месте рассказывается о «дождевых» поверьях: *«В прежние времена в этот день также было принято «окликать дождь». ... Считалось, что если в Родительский день умыться дождевой водой, это принесет счастье.»*

В случае первого весеннего грома молодые женщины и девушки, чтобы сохранить красоту и молодость, умывались дождем через серебряные и золотые кольца».

И такой «полезной» инфы полно на многих ресурсах.

Давным-давно, лет 12 назад, я написал статью про православное отношение к погребению и обрядам, а также суевериям, связанным с этим чином. Так как за прошедшие годы мало что изменилось в этом отношении, то вновь предлагаю читателям этот текст в сокращении.

Воскресение и «правильные» похороны

Наверное, нет в нашей жизни ничего, что было бы более мифологизировано, пропитано суевериями, чем смерть человека и обряд его погребения.

С православной точки зрения, смерть человека (верующего, христианина) есть «успение», засыпание, отсюда и «усопший», уснувший. Смерть есть переход в мир иной, рождение в вечность. Усопший не исчез, не уничтожился, он уснул телом, а душой отправился в дальнюю дорогу, на встречу с Богом, поэтому ему нужны молитвы близких, церковные заупокойные службы, милостыни, добрые дела, творимые в его память — в качестве поддержки, в виде дара любви, которую он, может быть, недополучил при жизни.

Тело человека в православной традиции понимается как храм души («разве вы не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас?» (1 Кор.3,16)). Благоговейное отношение к телу покойника напрямую связано с главным догматом христианства – Воскресением. Христиане веруют не в то, что воскреснут их души (согласно православному учению, душа человеческая бессмертна), а в то, что при Втором Пришествии Спасителя воскреснут тела (где и в каком бы состоянии они ни находились) и соединятся с душами, и человек вновь будет целостным.

Поэтому и принято в Церкви тщательно подготавливать тело к погребению: обмывать, одевать в чистое, покрывать белым саваном, и хоронить в землю как в постель, где тело «спит», ожидая гласа архангельской трубы. Тем самым, заботясь о достойном погребении человека, христиане выражают свою веру в воскресение.

У многих из тех, кто не верует в телесное воскресение, отношение к смерти иное. Смерть тут часто воспринимается как катастрофа. Приходилось слышать: «У нас дедушка умер скоропостижно, неожиданно! Ему 80 лет

было...» Несмотря на обращение к Церкви за отпеванием, реально родственники умершего не верят в то, что он «усопший», «покойник» (тот, кто «в покое», «на отдыхе у Бога»). Покойник для них – это труп, мертвец. Представления о душе – самые размытые. Про душу говорят, но больше потому, что «так принято», на самом деле в посмертное существование души мало кто верит.

Когда же смерть все-таки приходит, и в доме появляется покойник, то родственники начинают искать пути, как «правильно» проводить его в последний путь. Соседняя бабушка (которая «все» знает и в церковь триста лет как ходит) объясняет, «как» и «в какой последовательности» надо действовать.

«Бабушкины» и «батюшкины» советы

Бабушкиных (народных) погребальных советов очень много, они порой имеют местный колорит. Приведу лишь некоторые, с которыми самому приходилось сталкиваться.

Итак, когда человек умирает, что делают в первую очередь? Правильно: завешивают зеркала. Зачем? Чтобы душа, бродящая по квартире до сорокового дня, не увидела себя в зеркале. Наверное, в обморок упадет, или застесняется своего неприглядного вида...

Это суеверие работает стопроцентно. За все годы священства я практически ни в одной квартире не видел, чтобы не было выполнено это золотое правило похорон. На вопрос «зачем и почему» – все пожимают плечами: «так вроде надо, бабушка сказала...»

Следующее незыблемое правило: стакан с водкой (для мужчины) или с водой/водкой (для женщины) и кусок хлеба (кладут еще конфеты, печенье). Душа, следовательно, не только гуляет по квартире, она еще и кушать хочет. Правда, непонятно, почему так мало? Уж тогда все три блюда, да с бутылочкой. (На поминках, кстати, часто ставится тарелка с борщом для «нашего дорогого...».)

Один священник рассказывал такой эпизод: позвали его на поминки. Сидит он, кушает блин. Вдруг чувствует, все ему в рот смотрят. Стало ему не по себе, сидит, давится... Когда наконец доел, то все облегченно вздохнули – оказывается, если батюшка доест блин до конца, то все у покойничка будет

нормально там. Правда, не всякий даже батюшка знает, что частенько этот блин предварительно лежал на лице покойника...

Важным моментом считается вопрос после выноса покойника: от чего (от двери или от окна) «замывать» полы? Не знаете? Ладно, отвечу: полы, граждане, нужно замывать от грязи!

Еще есть мелкие советы о том, что надо после покойника раздавать чашки с ложками; приносить в церковь суп-набор для него; раздавать вещи усопшего. Если покойник снится с просьбами, то надо выполнить эти просьбы буквально: просит одеть – отнести в церковь барахло какое-нибудь. Покушать просит – чая с батоном на канун принести. Одна бабуля на помин души дедушки принесла мне... большой флакон одеколона «Нептун».

Существует еще важный обряд проводов души на сороковой день. Что-то нужно прочитать, со свечкой выйти к калитке, открыть дверь, в общем, совершить таинственные действия, недвусмысленно намекающие душе, что, мол, пора и честь знать, до свидания. (Другой вариант проводов: нужно на сороковой день в 9 часов вечера открыть окно, чтобы душа плавно выплыла в сторону кладбища...)

А если душа не хочет убираться в мир иной, а надоедает живым, то есть рецепт.

У одной старушки умер недавно муж. И стал ей являться регулярно, не во сне, а в реале. «Приходит и стоит. А то какие-то мужики и бабы по дому ходят и ходят». Бабуся и батюшку звала, и свечи возжигала, и водой кропила — ничего не помогает. Пока одна добрая соседка не научила: «Ты, когда они приходят, матом их посылай!»

Теперь бабуся, как услышит скрип половиц в другой комнате, грозит бадиком и кричит: «А ну, пошли на... Чтоб вас вашу...!»

Но все эти смешные и не очень суеверия исходят не только от старушек. Часто эти старушки узнали эти «правила» и «традиции» еще в своей молодости, от советского малограмотного попа.

Например, некоторые священники настойчиво советуют освятить квартиру после покойника, «почистить» помещение. Конечно, понятно желание попа срубить лишний рублик на людском горе, но именно таким образом и

создается языческое учение о том, что покойник – это скверна, гадость, после которой надо освящать жилище.

Один «ревностный» поп (30 лет прослуживший в сане) даже требовал у молодого настоятеля, чтобы тот окроплял крещенской водой лавки, на которых стоял гроб с покойником, «чтобы не было болезней у тех, кто потом будет садиться на эти лавки!»

Откуда есть пошла... погребальная земля?

Разговор в храме: «У нас бабушка умерла. Нам сказали, что ее надо земельке предать. Можно у вас земли купить?..»

Еще несколько лет назад этот вопрос был самым распространенным в храмах (не знаю, изменилось ли что в лучшую сторону за последние годы, но вряд ли).

Зачем же нужна эта земелька?

В России до 1917 г. практически на каждом кладбище был храм, совершенно обычным делом было то, что православного человека отпевали в таком храме, или же отпевал своего прихожанина священник в приходском храме. После отпевания священник шел вместе со всей похоронной процессией на кладбище, и когда гроб опускали в могилу, священник брал лопатой землю и бросал ее на гроб, читая молитву: «Господня земля, и исполнение ея, вселенная, и вси живущие на ней». Это символическое действие показывало всем окружающим, что из земли люди созданы и в землю возвращаются — задумайтесь о бренности своего бытия. Всё, другого смысла в этой пресловутой «земельке» нет.

В советское время ситуация осложнилась. С храмами, да и со всем остальным, касающимся православного погребения, стало проблематично. Возникло заочное отпевание, после которого выдавалась освященная земля для того, чтобы верующие родственники могли сами совершить этот символический обряд, напомнив себе о ждущей всех участи.

Но в дальнейшем в связи с катастрофическим уменьшением и верующих, и грамотных священников, это действие превратилось в самодостаточное, оторвалось от своего назидательного, педагогического толкования, и стало бессмысленным и вредным. Сама земля стала считаться сутью погребения, заменяющей даже молитву.

К примеру, в современной брошюре, изданной Сретенским монастырем, читаем:

«Над гробом возглашается „Вечная память“. Священник посыпает крестообразно землю на тело умершего с произнесением слов: „Господня земля, и исполнение ея, вселенная, и вси живущие на ней“. Обряд предания земле может совершаться и в храме и на кладбище, если туда усопшего сопровождает священник. (с. 26)

(..) В наше время часто случается, что храм находится далеко от дома усопшего, а иногда и вообще отсутствует в данной местности. В такой ситуации кому-либо из родственников почившего следует в ближайшей церкви заказать заочное отпевание, по возможности в третий день. По его окончании священник дает родственнику венчик, лист бумаги с разрешительной молитвой и землю с панихидного стола.

(..) Но бывает и так, что усопший погребается без церковного напутствия, и спустя длительное время близкие все же решают его отпеть. Тогда после заочного отпевания земля крестообразно рассыпается на могиле, а венчик и молитва либо сжигаются и также рассыпаются, либо закапываются в могильный холм. (с. 26-27)

(..) Если отпевание бывает до кремации (как и положено), то икону из гроба надо убрать, а землю рассыпать по гробу. Если отпевали заочно, и урну подхоранивают в могилу, то земля крестообразно рассыпается по ней. Если же урну помещают в колумбарий, то погребальную землю можно рассыпать по любой могиле христианина, как обычно, с чтением Трисвятого. Венчик и разрешительная молитва сжигаются вместе с телом». (с. 32) («В путь вся земля». М., Сретенский м-рь, 2003).

И всё. Ни слова, объясняющего смысл этих земельных перемещений. Из этого текста можно сделать только один вывод: главное – земелька и колдования со «сжиганием» и «закапыванием». Особенно дико выглядят советы рассыпать земельку на чужие могилы: зачем? Кому это надо? Усопшему? Глубоко сомнительно. Родственникам, которые будут копаться в чужих могилах, рассыпая пепел и думая, что они совершают удивительно разумные действия? Или священникам, получающим доход от торговли землей?

Заключение

Однажды на отпевании я долго говорил проповедь, рассказывал о важности для усопшего всего духовного (молитвы, добрых дел) и неважности всего внешнего (земельки, завешивания зеркал и проч.). Объяснил, в чем смысл «земельки». В ответ одна интеллигентного вида тетушка заметила:

– Это вы все, конечно, правильно говорите, хорошо. Одно только нехорошо: зря вы земельку-то в дом занесли, не положено.

«Откуда у вас такие глубокие познания в богословии?» — поинтересовался я.

– Как откуда? Из церкви, разумеется!

Она права, конечно. Чаще всего именно оттуда — от священников, свечниц, лавочниц — приносят люди домой весь кладезь духовнообразной ерунды. И те священники, которые выступают против всего этого набора суеверий, порой воспринимаются и собратями, и православным народом как модернисты и разрушители устоев и скреп.

И напоследок повторю свою любимый анекдот, который замечательно характеризует весь спектр церковной жизни в России. Этот анекдот мне рассказал очень хороший священник, мой товарищ и бывший сосед по приходу:

«Отпеваю я у себя в храме. Все, как положено: отпел, земельку благословил. По обычаю начал говорить проповедь. Когда упомянул слово «Евангелие» — народ, чувствую, напрягся... Говорю дальше. Произнес слово «Христос»... Тут народ совсем заволновался, один говорит:

— Батюшка, а вы вообще-то православный?!

Я занервничал, соображаю на ходу: так, епитрахиль вроде не забыл надеть... Может, то, что хвостик на затылке подстриг, смущает?..

— А что такое? — спрашиваю.

— Не, вы точно православный? Мы, конечно, деньги вам заплатим, но лучше еще раз сходим в собор, повторим для надежности.

— Да что случилось-то?!

— Вы, батюшка, если православный, так и ведите себя ПО-ПРАВОСЛАВНОМУ!! Кадилом там помашите, что ли, а то завели тут что-то непонятное: «Евангелие», «Христос» — как баптист какой-то!!»

Алексей Плужников

ДЕНЬ СВЯТОГО ВОДОЛЕЯ

Каждый год СМИ (и светские — даже активнее церковных) начинают накануне 19-го января публиковать кучу всякой «полезной» информации о празднике, большинство из которой — вранье, ну или вежливее — ошибочно, является мифами, суевериями.

Первый миф: Богоявление и Крещение — два разных дня: первый — 18 января, второй — 19-го. Из этого мифа вытекает другой: про два разных по своим «свойствам» вида святой воды: богоявленской и крещенской. Но о воде чуть позже.

Когда-то, в древности, был общий праздник Богоявления, к которому присоединялось и воспоминание Рождества Христова. Со временем Рождество Христово выделили в самостоятельный день.

Событие Крещения Господня описан в Евангелиях. Иоанн Креститель крестил (вернее, омывал — от греческого слова «баптизма») проходящих к нему людей в воде, подготавливая их к приходу Мессии — обещанного избавителя еврейского народа. Люди каялись в грехах, сходили в воду и, окунувшись там при помощи Иоанна, становились «чистыми» — оставляли, символически, свои грехи в воде.

Иисус тоже однажды пришел к Иоанну и попросил крещения (омовения). Иоанн уже догадывался, что Иисус и есть тот самый обещанный Мессия, Спаситель, поэтому не хотел Его крестить, уверяя, что ему самому следует креститься от Иисуса. Но Иисус настоял на своем, сошел в воду и принял крещение от руки Иоанна. И когда Он выходил из воды, то Иоанн увидел Святого Духа в виде голубя, сходящего на Иисуса, и услышал голос Бога-Отца: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в котором Мое благоволение».

Отсюда и появилось позднее толкование праздника Богоявления (позднее, потому что в древней Церкви толкование изначально было несколько иное) как явление Бога в Трех Лицах во время крещения Иисуса, Сына Божьего.

Итак, люди очищали свои тела и души в воде, чтобы быть достойными встречи со Спасителем, а Христос взял грехи людей на Себя и понес их

(грехи) на Крест — для спасения всех людей через Свое распятие и воскресение — в этом смысл праздника Крещения.

Что же мы видим в итоге? День осмысления христианами важного момента евангельской истории превратился в фарс водоношения и бултыхания в проруби.

Да, в Русской Церкви есть обычай освящать воду накануне праздника (в храме) и в сам праздник — чаще всего на открытом источнике. Но это не два разных действия — чин освящения воды один и тот же, соответственно, «свойства святости» этой воды — одни и те же.

По церковному толкованию, это освящение придает воде особые свойства — она становится великой святыней (по-гречески — агиасмой). Но пользу душе и телу эта вода приносит только при благоговейном употреблении ее, при условии, что человек старается вести правильную духовную жизнь — проще говоря, польза только для христианина — реального, а не формального.

То же безумие, которое происходит каждый год в этот день в храмах, никакого отношения к христианству не имеет. Все эти толпы жаждущих «особой» воды, в которой потом варят суп или купают детей «от сглаза», набрав литров по 20-50-100 — это кошмар любого прихода. На Пасху «православные язычники» хоть куличики-яички приносят освящать, и кое-что батюшке и прочим работникам храма перепадает, а вот водоносы — только берут и ничего не оставляют, кроме грязи на полу, а еще мешают богослужению, ругаются в очереди, порой даже устраивают потасовки.

И самое главное — никто не знает, зачем им вообще нужна эта вода, как в советские времена: «выкинули» дефицит — налетай, а то разберут. Многие с подозрительностью относятся к процессу: им подавай только ту воду, в которую батюшка крест непосредственно макал, а если в бак потом подлили воды, то это типа как водку разбавили — обман, обвес!

И хотя отдельные продвинутые батюшки пытаются объяснить, что крещенская вода как уран или плутоний — от количества килограммов или литров не зависит, что капля святой воды способна передать свои свойства всякой прочей воде, сколько ее ни разбавляй, — но кто ж в такую ядерную физику поверит?..

Но даже если цистерна самой натуральной, «из-подкреставышедшей» воды будет взята с боем — толку-то никакого не будет. Как от заряженных Чумаком банок. Хотя, может, и будет — эффект плацебо никто не отменял...

Вера же (вернее, суеверие) в то, что, окунувшись в прорубь, ты якобы смоешь с себя накопившиеся за год грехи, нелепа и смехотворна, но крайне живуча. И она в очередной раз будет подпитана многочисленными невежественными публикациями в газетах и на сайтах.

Но и пастыри православные тоже не слишком стремятся объяснять людям ненужность, бессмысленность этих суеверий. Потому что немало пастырей ровно таких же, как и их паства: невежественных, считающих, что количество важнее качества. Для таких священников торжество веры православной — в толпах народа, которые в этот день набиваются в храм, ожидая раздачу воды, и в тех же толпах, собирающихся вокруг «иордани». Круто же чувствовать себя важным жрецом, волхвом, одним взмахом креста сообщаящим благодать не только целой цистерне, но даже целой реке (хотя обычно скромно умалчивается, что в этот день какая-нибудь Волга освящается десятками, если не сотнями священнослужителей примерно одновременно в разных местах).

Как решить эту проблему — избавления от суеверных предрассудков вокруг крещенской воды? Это отдельная большая тема, включающая в себя и образование пастырей, и необходимость здоровой проповеди, и понимание того, что вообще есть христианство и какое место занимает в нем святая вода (далеко не такое важное, как привыкли считать).

Могу, конечно, дать несколько советов, которыми, правда, никто не воспользуется.

Во-первых, следует перестать освящать публично воду. Перестать ходить на открытые источники, привлекая зевак и «моржей», делая из этого религиозную попсу.

Вообще, есть точка зрения, что в день Крещения Господня освящается «все водное естество» на планете, вне зависимости от места и макания или немакания креста в воду. Поэтому любое освящение воды священнослужителем есть только символ — присоединение своих молитв к уже состоявшемуся явлению, благодарность за дар. Но тут большой вопрос:

что такое «освящение водного естества» — возможно, это лишь богословская метафора.

Можно сказать иначе: вода и вообще все существующее в мире — и так освящено, вне зависимости от дат и правоверности, потому что быть освященным — значит, принадлежать Богу. В этом понимании и Солнце — освящено, космос — освящен, вода — освящена, почва тоже — потому что все — Богово. Но не будем увлекаться тут богословствованием, вернемся к практическим советам.

Можно также перестать освящать воду не только в прорубях, но и в храмах 19-го января. Например, 18-го числа на освящении воды в храме присутствует очень мало прихожан, все прочие «верующие» не верят, что накануне святость воды точно такая же, как в сам праздник. Вот пусть священник освятит воду только для христиан, в тиши и спокойствии, раздаст всем по пузырьку, объяснит смысл события — и все мирно и в благодушии разойдутся. А для всех прочих повесить объявление: «Набирайте воду из-под крана или в реке, если невтерпеж» — потому что разницы для «бадейщиков»-водоносов все равно никакой, ибо святость нельзя навязать тем, кому на нее наплевать.

Но, повторяю, эти советы услышаны не будут. У нас ведь «86% верующих», «Святая Русь — Третий Рим», «духовные скрепки» и «святые бадейки».

Впрочем, каждый выбирает для себя. Кому Богоявление — кому день святого Водолея.

Алексей Плужников

КУЛИЧИ, МОГИЛКИ, ПАСХА

Несмотря на то, что крещен я был вскоре после своего рождения, я вырос в далекой от религии семье.

Праздник Пасхи я ярко помню с самого раннего детства — как один из самых радостных и, одновременно, один из самых отвратительных дней в году.

Пасху воплощала собой бабушка (по маме). Из потомственных донских казаков, она подростком пережила Сталинградскую битву, на себе узнала, что такое голод. Наверное, поэтому божеством бабушки, ее культом была

еда. Еды всегда должно было быть много, простой, но самого лучшего качества: если пирожки, то пять-шесть наименований и — ведрами или большими кастрюлями. Плюс пару-тройку огромных сладких пирогов. Если закрутка, то полный погреб. Если гости — то стол чтоб ломился.

А если Пасха — то самые вкусные на свете крашеные яйца — без изысков, просто — в луковой шелухе, темно-красные, самые-самые. А если куличи (у нас на юге их повсеместно называют «пасхами», или «пасками»), то много — большие, с наивкуснейшим тестом, с огромными изюминами внутри и с толстейшим слоем гоголя-моголя. О, что может быть вкуснее этой белой хрустящей шапки на куличе! Кусочки шапки можно отламывать пальцами и сладостно обсасывать, пока тает во рту... А если повезло в эти дни священнодействия над духовкой быть в доме бабушки (который они с мужем построили сами после войны — сначала мазанку, из глины с соломой, а уже потом дом был обложен снаружи кирпичом, а внутри уютно побелен), то можно было получить этот гоголь-моголь еще в жидком виде, закусывая его божественными запахами очередного пекущегося кулича.

Нигде и никогда больше я не ел таких куличей... Несмотря на 16 лет в церкви, из них 11 лет службы священником. Обычно приносили в храм и оставляли «на пожертвование» магазинную гадость, плохо пропеченную, посыпанную химической цветной дрянью. Или сделанный в хлебопечке кулич, который был больше похож на обычный пышный хлеб, а не на святыню...

Кстати, почему-то бабушка никогда не делала творожную пасху, не было такого обычая. Как и не было обычая ходить освящать куличи. Но отсутствие окропления святой водицей на вкус как-то не влияло.

В более старшем, школьном возрасте я любил пасхальное воскресенье за то, что это был день, когда тебя точно не будут ничего заставлять делать: ни заниматься нудной уборкой квартиры, ни идти сдавать бутылки или стоять в очередной многочасовой очереди, чтобы оприходовать талоны или карточки... Нет, Пасха — святой день, все твердо блюли традицию: на Пасху работать нельзя! Поэтому я счастливо мог весь день гонять во дворе в футбол, а вернувшись, подзарядиться очередным бабушкиным куличом.

Но, разумеется, советская и постсоветская Пасха — это не только и даже не столько бабушкины куличи. Это — обязательный поход на кладбище.

В самом раннем возрасте единственное, что меня радовало в этот день, — это продававшиеся у ворот царства мертвых мячики, обернутые цветной фольгой, на резиночке, этим мячиком потом можно было некоторое время играть и дома, хотя он быстро рвался.

Но все прочее пасхально-кладбищенское действо для меня было воплощенным кошмаром, который до сих пор застрял в моем подсознании.

Я никогда не мог понять: зачем в этот солнечный весенний, часто по-волгоградски жаркий день нужно было идти толпами (первый кошмар социофоба-интроверта) на кладбище, чтобы там собраться на могиле прабабушки или прадедушки, или еще каких-то неизвестных мне родственников, сесть или встать вокруг врытого в землю металлического столика, достать колбасу, конфеты, куличи, яйца и водку и начать нажираться этим... Да еще при этом раскрошив кулич и яйца на могилке, порой стучая яйцом о край памятника.

Разумеется, в первые пару минут взрослые еще пытались делать серьезные лица, поднимая граненые стаканы: «Ну, это — помянем бабулю! Поставь бабуле-то стакан тоже! Земля, значит, кхе-кхе, пухом, ну и все такое, как грится, гм!» А уже через пять-десять минут — смех, красные лица, икание, рыгание, слово за словом — разборка между какими-нибудь родственниками, вскоре чей-то плач, злые ненавидящие глаза...

И так было на кладбище куда ни повернись — пьяные хари, съестной мусор на могилах, мальчишки, цыгане или собаки шныряют, собирая конфеты и яйца, оставленные «дорогим покойникам».

В раннем детстве я смутно недоумевал: зачем все это? Если это Пасха и надо «поминать» умерших, то зачем гадить у них на могилах, зачем осквернять их слух матом, пьянкой и разборками? Если они тут лежат под землей и все это слушают: как кто-то рассказывает сальный анекдот, или смотрят, как кто-то побежал «отлить» за заброшенную могилу...

А когда я стал постарше, то на меня в такое время накатывало омерзение и понимание того, что тысячи людей своим поведением оскверняют память своих усопших. Какая «земля пухом» или «вечный покой», если на кладбище такая вакханалия, спрашивал я себя. Не знаю, сейчас трудно с уверенностью сказать, но мой подростковый атеизм и максимализм, видимо, был во многом связан с таким пониманием Пасхи.

Потом я повзрослел, стал священником. Но и тогда я не мог понять: зачем люди идут на кладбище, особенно верующие (у неверующих хотя бы есть традиция — бухнуть лишний раз). Если мы как бы веруем, что души наших покойников отправились на небо, а в земле лежит лишь сгнившая плоть, то чего ходить туда, зачем «разговаривать с покойником», «поминать» его там на Пасху или на Радоницу, если его там нет? Или мы верим в зомби, которые весь год лежат в своих истлевших гробах, а один день в году просыпаются и прислушиваются к нашим «поминошениям» — водкой или панихидкой? Или душам выдается однодневный отгул, освобождение от воспевания райских акафистов — навестить, так сказать, всю родню в условленном месте?

Как и всякий служитель кадила и влагатель в мертвые руки разрешительной молитвы, я часто бывал на кладбищах, много отпевал там. Трудно себе представить, что-либо более унылое и непохожее на Пасху, чем наше советско-российское кладбище. И я так и не смог в себя до конца вместить эту идею, что, мол, мы хороним наших усопших в землю, устраиваем могилы и заботимся о них потому, что верим в телесное воскресение и блаблабла. Можно подумать, что Бог слишком напряжется, если Ему надо будет восстанавливать наши тела из пепла, развеянного по ветру над океаном.

Но нет, да умолкнут уста мои нечестивые — опять злодейски я покусился на традиции и предания, пришел расшатать скрепы и оковы. Простите — основы.

Но так порой не хватает в жизни тех минут, когда тебе лет пять или семь, вокруг весна, и сияет солнце, а бабушка-волшебница несет, улыбаясь тихо, большой красивый кулич, источающий неземные запахи... И может быть, как раз именно в такие минуты мы слегка соприкасаемся с раем?..